

"Единорог"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

— Очень жаль, что это именно он, — заметил Либманн. — Если судить по его досье, он был достойным солдатом.

Суррат лишь вздохнул, пожал плечами и, проведя рукой по своему тяжелому подбородку, сказал:

— Он не был, он есть. Близнецам придется потрудиться, прежде чем они отправят его на тот свет.

— Тем интереснее будет смотреть, — холодно заметил Либманн, белокурый человек с аскетическим лицом и голосом павшего ангела. Слова слетали с его тонких губ холодные, четкие, похожие на льдинки.

Английский не был его родным языком. То же самое можно было сказать и о Суррате, и вообще о восьмидесяти процентах тех, кто жил теперь в этой протянувшейся на четыре мили долине, зажатой среди склонов самой высокой в мире горной гряды. Тем не менее существовало жесткое правило, которое обязывало всех, оказавшихся в этом месте, говорить только по-английски, причем американский вариант был предпочтительней, хотя и не являлся обязательным.

За спинами этих двоих между уходящими ввысь каменистыми кряжами высился тусклый желтый фасад дворца, построенного еще в те далекие времена, когда ислам был очень молодым религиозным учением. Дворец был трехэтажный и занимал площадь в целый акр. И его стены, и покрытые штукатуркой деревянные перекрытия неплохо противостояли натиску столетий. Только крыша на плоских участках между четырьмя куполами успела провалиться, и поврежденные участки были закрыты легкими Деревянными щитами и тяжелыми пластиковыми пластинами.

Из небольшой сводчатой двери вышел человек и направился к Либманну и Суррату. Как и они, он был одет в серую грубую куртку, застегнутую на все пуговицы, и темные брюки. На плече у него висела автоматическая винтовка М-16, а на груди — патронташ.

— Хамид, — сказал Либманн, посмотрев на свои наручные часы. — Мы — вниз.

Хамид только кивнул. У него было худое бледное лицо араба-бербера и холодные черные глаза.

Взглянув на винтовку Хамида, Суррат усмехнулся:

— Она тебе не пригодится, друг мой. Оставь ее хотя бы на этот раз. Я за тобой присмотрю.

— Винтовка — его неотъемлемая часть, — заметил Либманн, глядя на долину. — Не приставай к нему, Суррат.

— Дай срок, Суррат, — сказал Хамид, в упор уставясь на здоровяка француза. — Когда это дело будет сделано, мы пойдем в горы. Ты со своими тархтящими пулеметами, я — вот с ней. — Его длинные пальцы любовно погладили приклад семифунтовой винтовки. — И я убью кого угодно в твоей команде, а они даже не увидят меня.

Суррат снова усмехнулся. Его крупное могучее тело состояло в основном из мускулов.

— Если мне когда-нибудь и доведется пристрелить тебя, Хамид, я постараюсь, чтобы ты лег головой к Мекке.

Глаза Хамида превратились в щелочки, а его взгляд источал холодную ярость, но тут вмешался Либманн. Он показал рукой на ряд песочного цвета джипов и сказал:

— Карц будет недоволен, если мне придется доложить ему о том, что его командиры провоцируют друг друга.

— Это же просто шутка, — буркнул Суррат, а Хамид молча кивнул.

Один джип выехал из ряда и остановился возле них. За рулем сидел худой, жилистый человек с длинным шрамом на загорелой щеке. Он был одет в тропическую форму армии США — или в ее точное подобие. И рубашка, и брюки успели выцвести, но были недавно выстираны.

Он погрузился в расслабленное ожидание, пока все трое не забрались в машину, затем снова включил мотор.

— Ну что, едем смотреть чемпионат? — весело спросил он с чуть гнусавым выговором, свойственным жителям Ливерпуля, когда джип выехал с площади перед дворцом на пыльную дорогу.

— Да, — сказал Либманн и, посмотрев на водителя, спросил: — Вы Картер из группы десанта?

— Точно, — вяло отозвался водитель.

Тут, в долине, вообще традиционная воинская дисциплина и вытягивание по стойке «смирно» с четким козырянием были не в почете. Либманну стоило определенных усилий, чтобы мириться с этим, и ему подчас очень хотелось вернуться к привычным армейским правилам взаимоотношений между начальством и подчиненными, но он все же брал себя в руки. В конце концов, Карц знал, как добиться нужных ему результатов.

— Сколько времени вы с нами, Картер? — спросил водителя Либманн.

— Восемь недель, — отозвался тот. — Я был одним из первых.

Джип ехал вдоль узкой речушки, огибавшей гору, а затем исчезающей под камнями, ехал мимо гор, увенчанных снежными шапками и возвышавшихся на двадцать тысяч футов. Слева шли ряды металлических каркасных домиков, покрытых листами асбеста. За этими бараками, через всю долину, которая в ширину тут достигала полумили, раскинулся стрелковый полигон.

Сейчас от бараков двигалась группа людей, одетых точно так же, как Картер. Они направлялись туда, где долина резко сужалась примерно до двухсот футов, чтобы потом снова сделаться шире.

— Эти запаздывают, — заметил Хамид, глядя на нестройную толпу. — Большинство уже, наверно, на месте. — Он чуть подался вперед и обратился к Картеру. — Как они относятся к этому развлечению?

— Многие одобряют, — равнодушно отозвался тот. — Им нравится, как работают Близнецы. Хотя тоже мне невидаль.

На худом суровом лице Либманна появилось нечто похожее на любопытство.

— А вам, значит, это неинтересно, Картер? — спросил он.

— Чего там такого особенного. — На лице Картера появилась змеиная улыбка. — Если мне хочется поразвлечься, я уж лучше схожу в бордель. — Он кивнул головой в сторону дворца, до которого от них было с полмили. — Сегодня у меня одноразовый билет, а с понедельника могу выбрать себе киску на всю ночь. Я уже заметил одну малайку, говорят, она выворачивает мужика наизнанку.

Суррат хмыкнул. Ноздри Либманна чуть дрогнули. Ему это совсем не нравилось. Он показал рукой вперед, на узкую горловину, и спросил Картера:

— А это, значит, не вызывает у вас никаких острых ощущений? Так, что ли?

— Нет, почему же, — вяло протянул Картер. — Но раньше хоть можно было заключать пари. А теперь на Близнецов и поставить-то толком нельзя.

— Значит, вас совершенно не волнует, что один из ваших... — Либманн на какое-то мгновение запылся в поисках верного слова, потом продолжил: — Один из ваших друзей-товарищей будет убит.

Джип замедлил свое продвижение. Картер повернулся к Либманну и презрительно поморщился.

— Тут нет никаких товарищей, — сказал он. — И вы сами это отлично знаете.

— Наверно, — коротко сказал Либманн, после чего выбрался из джипа. Вместе с Сурратом и Хамидом он поднялся по каменистому склону и оказался на своеобразной сцене, плоской, имевшей форму круга. С одной стороны высилась уступами каменная стена, напоминавшая амфитеатр арены, где устраивается бой быков. С другой стороны, напротив, не было ничего. Там начинался обрыв высотой футов в двадцать, дно которого было усеяно острыми камнями.

Арена была пуста, зато склон-амфитеатр был заполнен огромным количеством людей — их собралось несколько сотен. Одни сидели, другие стояли, ожидая, когда начнется то, ради чего их всех созвали. Опоздавшим приходилось карабкаться выше, устраиваться на маленьких выступах.

С этой трибуны доносился причудливый гул голосов. Либманн направился к пустому пространству на одном из нижних ярусов. Он хотел проверить, не осмелился ли кто-либо нарушить строжайший запрет и не ведется ли разговор на каком-то недозволенном языке. Но нет, все говорили, как и полагалось, по-английски, хотя подчас с таким акцентом, что узнать язык было очень непросто.

Другие командиры уже разместились там — недалеко от арены, чуть в стороне от своих подчиненных. Суррат, потевший под лучами жаркого солнца, вытер шею платком цвета хаки и, кивнув в сторону зрителей, сказал с усмешкой:

— Неплохо смотрятся разбойнички.

Либманн обвел холодным взглядом скопище лиц. Публика процентов на семьдесят состояла из арабов и азиатов. Там были индийские горцы, суданцы, монголы, китайцы. Попадались и лица европейцев — загорелые, но тем не менее заметно контрастировавшие по цвету с представителями более южных национальностей.

Либманн с холодным удовлетворением отметил, что никто не думал группироваться по этническому признаку. Не было отдельных островков британцев, американцев, алжирцев, южноамериканцев. Даже двое представителей Австралии, страны с особым комплексом национальной обособленности, сидели порознь. s

Представителей этой разноперой аудитории примерно из четырехсот человек объединяло одно. Каждый из них был отличным специалистом в своей области. Каждый из них прекрасно освоил искусство уничтожать. Это были хладнокровные, уверенные в себе, не боявшиеся ничего убийцы.

Они не представляли собой армии, солдаты которой готовы отдать жизнь во имя той или иной общей цели, но каждый из них был не прочь рискнуть головой за те двадцать тысяч фунтов, которые полагались за шесть месяцев контрактной службы.

Губы Либманна тронула еле заметная улыбка. Оглядывая собравшихся, он подумал о том, сколько существует в мире личностей, способных собрать такое войско. Да, безусловно, их набралось бы с дюжину-другую, но лишь один человек, по его глубокому убеждению, обладал талантом держать этих головорезов в полном подчинении.

Он перевел взгляд на долину и увидел еще один направляющийся к арене джип. Рядом с водителем сидел крупный большеголовый мужчина в сером.

Карц.

Либманн не без удовлетворения отметил, что испытывает нечто вроде легкого испуга. Только человек по имени Карц еще мог как-то воздействовать на его притупившиеся чувства. Ничто и никто — будь то мужчина, женщина или дикий зверь — уже не затрагивали струн опустошенной души Либманна. Никто, кроме Карца.

Именно потому Либманн и смаковал это ощущение, словно гурман изысканную еду.

Когда Карц поднялся на возвышение и присоединился к своим командирам, гул голосов сразу стих. Он окинул взглядом темных миндалевидных глаз своих офицеров. Его широкое монгольское лицо казалось высеченным из коричневого гранита. Впрочем, оно отнюдь не выглядело безжизненным. Оно дышало глубокой древностью, было жестким, умным, вечным. Именно такое лицо, возможно, было у Чингисхана, когда он замыслил великие битвы, которые затем помогли ему установить владычество на территориях от Китайского моря до берегов Днепра.

Карц перевел взгляд с командиров на рядовых, расположившихся по склонам, затем опустил глаза на каменистую площадку, образовывавшую арену. Он медленно провел рукой по густому ежику черных волос, потом сцепил руки за спиной, прочно расставил ноги в грубых высоких ботинках и застыл, превратившись в статую, вытесанную из камня.

Либманн видел лишь однажды, как Карц утратил невозмутимость. Тогда он огрел оппонента кулаком. Это было равнозначно удару кувалдой. Со стороны удар мог показаться не совсем ловким, но он проломил бедняге череп.

Тем временем с заднего сиденья джипа выбралось еще двое. Над ареной прокатился легкий гул голосов сотен зрителей. У тех двоих были начисто выбритые головы и лица тускло-желтого цвета. Ростом без малого шесть футов, широкоплечие, длиннорукие, они производили внушительное впечатление. Пропорциональность фигуры нарушали ноги — довольно массивные и, пожалуй, коротковатые для такого роста. Оба были одеты в серые куртки и

темные брюки, — как и все командиры Карца. В их движениях чувствовался причудливый, но отличавшийся синхронностью ритм. Они шли плечом к плечу, «внешние» руки мерно взлетали вверх-вниз, «внутренние» оставались неподвижными, и пальцы крепко держались за ремни.

Когда они подошли ближе, стало видно, что их соединяет довольно странная упряжь. Она была из тяжелой плетеной кожи, напоминавшей оплечье рыцарских лат: короткий рукав и наплечник, крепившийся к руке ремнем. Причем оплечья соединялись короткой перемычкой — в кожаной трубке была прокладка в виде стальной цепи.

Несмотря на эту шестидюймовую перемычку, двое мужчин двигались без видимых затруднений.

Картер, примостившийся на скалистом выступе, следил, как странная пара подошла к Карцу. Затем они повернулись лицом к арене. Сидевший рядом с Картером человек с квадратным коричневым лицом тихо присвистнул:

— Это и есть Близнецы? — осведомился он по-английски с акцентом африканера.

— А что, не похоже? — отозвался Картер и, взглянув на соседа, спросил: — Покурить не будет?

— Нет, — спокойно, без неприязни отозвался тот. — Ты, значит, здесь давно?

— В общем-то да. А ты?

— Прибыл на прошлой неделе. А этих двоих первый раз вижу.

— Потому что они водили нас на учения на всю неделю. Я в их группе.

— А как их зовут?

— Того, кто справа, Чу. Того, кто слева, Лок.

— Я слышал о них. Разные разности. А почему они вот так разгуливают в одной упряжке? Они педы? Картер презрительно скривил губы.

— Если бы они были педы, то привязались бы друг к другу по-другому. Ты слышал разных салаг... Нет, тут все похитрее...

Африканер сунул руку в карман рубашки, вытащил плоскую жестянку с сигаретами, вынул одну и протянул Картеру, тот молча кивнул.

— Были сиаемскими близнецами, — пояснил Картер. — Срослись плечами. Так и росли. Потом один чудак решил пустить в ход старый добрый ножичек... Хотел, дурила, как лучше...

— И разъединил их?

— Ну да. Работа сложная, и вроде бы все вышло удачно, только они начинают лезть на стенку. Бегают, как курицы, которым отрубили головы. Места себе не находят. — Картер заметил на лице соседа непонимание и нетерпеливо фыркнул. — Они должны быть вместе, понимаешь? Иначе сразу слетают с катушек.

— Господи! — только и сказал Африканер. — Дела!

— Психология, — глубокомысленно заметил Картер.

— Бедняги, — равнодушно обронил африканер.

— Ты не знаешь самого смешного, — заметил Картер, обнажая в ухмылке желтые зубы. — Они ненавидят друг друга. Потеха... Ненавидели, ненавидят и всегда будут ненавидеть. Они перестают костерить друг друга, только когда надо делать дело — как на прошлой неделе. — Он кивнул головой в сторону арены и добавил: — Или как теперь.

Карц по-прежнему стоял, окаменев, словно изваяние. Близнецы расположились чуть сбоку и сзади. Они смотрели на небольшой грузовичок, который направлялся к арене. Чу вытащил из кармана куртки пачку сигарет и закурил. Лок посмотрел на него с ненавистью. На его лице появилась страшная гримаса. Потом он поднял руку и выбил сигарету из пальцев Чу.

— Не сейчас, сволочь, — сказал он на ломаном английском. Все это само по себе выглядело даже комичным, но только самые извращенные умы могли получить от этого удовольствие.

Чу издал горловой животный звук. Он вскинул руки с хищно скрюченными пальцами, потряс ими в невыразимой ярости и снова уронил. Несколько секунд братья смотрели в упор друг на друга, и в их глазах бешено клокотала ненависть. Потом внезапно глаза погасли, Близнецы повернулись и уставились на арену.

Интересно, подумал Либманн, почему Карц не обращает внимания на вечные ссоры между Локом и Чу. Очевидно, он рассматривал их как единое целое.

— Не беспокойтесь, друзья мои, — ухмыльнулся Суррат. — Сейчас братанам привезут лекарство. То, что доктор прописал.

Грузовик тем временем остановился, из него вышли двое. За ними кое-как выбрался третий — крепкий испанец с мускулистым торсом и быстрыми глазами на смуглом лице. Руки у него были скованы за спиной. В том, как он поднимался к арене между двух конвоиров, чувствовался вызов.

Когда они оказались в середине круга, с испанца сняли наручники. Затем конвоиры оставили его одного. Он стоял и молча потирал запястья.

— Внимание, — сказал Карц, и, хотя он и не подумал повысить голос, его слова услышали все, кто находился в амфитеатре. — Этого человека зовут Валлманья. Он подписал контракт, чтобы служить у меня. Контракт включает условия, которые должны соблюдать обе стороны. Вы их прекрасно знаете. — Карц медленно обвел взглядом амфитеатр, и те, на кого падал его взгляд, испытывали тревогу. Молчание сделалось гробовым. — Этот человек, — продолжал Карц, — оказался для нас непригоден. — Последнее слово он произнес с особым нажимом. — Он виновен в употреблении нассавара, зеленого табака. Это наркотик, и его употребление запрещается параграфом двадцать четыре нашего контракта. Этот человек должен умереть. Как и положено в случае смерти любого из вас — случись она в бою или при иных обстоятельствах, — причитающиеся скончавшемуся деньги переходят в общий котел и будут поделены между теми, кто останется в живых, когда дело будет сделано.

Либманн смотрел на лица собравшихся, пытаясь уловить выражение неловкости и неудовольствия. Но ничего такого он не обнаружил. Кто-то выглядел напряженным, кто-то довольным, одни проявляли — по крайней мере, внешне — большую, другие меньшую заинтересованность. Это не удивляло Либманна: так обычно вели себя те люди, которые успели повидать всякое и кому слово «смерть» казалось абсолютно привычным и лишенным

особого содержания. Они составляли костяк этой маленькой армии.

— Итак, Валлманья, — продолжал Карц. — Чем будете сражаться?

Тот посмотрел, прищурившись, не на Карца, а на Блинецов, потом сказал:

— Штыком.

Карц повернулся к Либманну.

— У нас есть штык?

— Вообще-то штыки уставом не предусмотрены... Может, правда, завалились где-то в лагере...

— У меня есть, — сказал Суррат. — Под сиденьем джипа. Моего джипа. Штык лучше, чем нож...

— Принесите, — распорядился Карц, и Суррат быстро отправился вниз, туда, где в ряд стояли машины.

— Значит, он может выбирать оружие? — спросил Картера сосед-африканер.

— Ну да. У них в фургоне есть много чего: ножи, топор, кистень, сабля, буксирная цепь...

— А что будет у его противника? Вернее, у Блинецов?

— Ничего особенного. Наверно, перчатки. У каждого по паре. Африканер подозрительно покосился на Картера, но тот только ухмыльнулся и сказал:

— Сейчас все увидишь.

— Ты уже видел такое?

— Ну да. Раз шесть или семь. Точно не помню. В последний раз парень выбрал мачете.

Африканер помолчал, глядя на одинокую фигуру на арене, затем спросил:

— А если он победит?

— Этот? — Картер уставился на сигарету, изображая напряженную работу мысли. — Он, конечно, парень крутой... Хочешь на него поставить? Ну, если по маленькой...

— По маленькой? — Африканер был явно недоволен. — Ты видел это уже семь раз. — Нашел дурака. Нет, ты мне скажи без фокусов — а что, если этот парень победит?

Картер молча провел пальцем себе по горлу и захрипел.

Африканер кивнул, потом нахмурился.

— Но как же тогда им удастся заставить его сражаться, если ему все равно хана?

— Он может и не воевать, — ответил Картер. — Если он сдрейфит, его просто отправят следующим же самолетом.

Картер описал рукой полукруг между севером и востоком. — Туда, где у них обретается большое начальство. Сильные мира сего. А где именно, я не знаю и знать не хочу. И вообще это вопрос, который лучше, парень, не задавать, если не хочешь неприятностей.

— Ладно. Неважно куда. Просто его сажают на самолет, и, выходит, привет. Но что с ним будут делать?

— Поработает морской свинкой, — сказал Картер и снял с языка табачную крошку. — Ты же знаешь, что такое эти хреновы врачи! Они всюду одинаковы. Им вечно надо что-то там проверить на подопытных кроликах...

— Например?

— Ну, мало ли что. Нервный газ... Или хочется понять, сколько ты проживешь, если у тебя вынуть печень и взамен вставить собачью. Научные исследования... За все это время только один тип выбрал самолет. Потом Либманн рассказывал, что ему вскрыли черепушку и стали совать в башку иголки.

— Это еще зачем?

— Им надо было чего-то там понять, — не без раздражения отозвался Картер. — Как действуют наши мозги. Уколют в одном месте, человек смеется, уколют в другом месте, человек рыдает или требует жрать. Или хочет бабу.

— Ну, для этого меня не надо колоть иголкой, — хмыкнул африканер. — Это они правильно сделали, что завели женщин в том самом помещении. Как они, кстати, его называют?

— Сераль, — сказал Картер, и глаза его прищурились от приступа похоти. — Слушай, я готов поставить зеленый билет против белого. На всю ночь против одноразового. Что Валлманья проиграет. Ну, хочешь попытать удачи?

— Ты на меня не дави, хитрец, — буркнул африканер. — Когда я ставлю на лошадь, я сперва смотрю программу.

Тем временем на арену снова вернулся Суррат. В руках у него был старинный французский штык в ножнах. В длину он достигал шестнадцати дюймов. Проходя мимо испанца, он небрежно швырнул ему штык. Тот ловко поймал его на лету, извлек из ножен, которые бросил на камни, провел пальцем по кромке, проверил острие и удовлетворенно кивнул. Затем он схватил штык за рукоятку и застыл в ожидании.

В его движениях чувствовалась бравада, за которой, однако, скрывалось большое напряжение. Впрочем, все это копошилось где-то внутри, а внешне он выглядел закаленным воином, уцелевшим в сотне потасовок и в десятках баталий. Хладнокровный, бесстрашный и не ведающий снисхождения.

По арене прокатился легкий гул, и снова наступило молчание. Карц посмотрел на Близнецов и молча кивнул. Те медленно двинулись на арену, на ходу вынимая из карманов черные перчатки. Они были из тонкой металлической ячеистой «ткани», и облегали руки, словно бархат.

Либманн посмотрел на Близнецов. Теперь они двигались как один человек, и координация движений просто поражала. Либманна всегда завораживал этот момент, когда Близнецы переставали быть ненавидящими друг друга соперниками и превращались в существо с

четырьмя руками, четырьмя ногами и одним мозгом, который безраздельно подчинял себе это двойное тело.

Легко ступая по камням, проявляя такую слаженность, что искусственное соединение между плечами словно исчезло, Близнецы вышли на арену. Они остановились в четырех шагах от испанца. Их лица были спокойны, взгляды внимательны, руки чуть расставлены и приподняты на уровне груди.

Выставив вперед штык, Валлманья начал медленно кружить по арене. Лок поворачивался к нему лицом, пока не оказался спиной к спине со своим братом. Затем он остановился. Цепь в кожаной оправе удерживала его на месте. Чу даже не повернул головы.

Валлманья сделал еще один длинный, мягкий шаг, словно желая зайти сбоку. Потом совершил выпад, будто фехтовальщик, метя Локу в горло. Тотчас же рука в перчатке взметнулась и почти играючи остановила штык. Затем раздался скрежет стали о сталь. Валлманья резко дернул на себя штык, который попытался поймать Лок. С огромным трудом испанцу удалось сохранить свое оружие.

— Черт, вот скорость, — восхищенно пробормотал африканер. — Шустрые братаны, ничего не скажешь.

— На лету подметки режут, — подтвердил Картер. — Очень большие ловкачи...

Испанец двинулся вправо и зашел сбоку. Близнецы не спускали теперь с него глаз. Испанец сделал новый выпад, и тотчас же вверх взметнулись две руки в перчатках, словно две огромные стрекозы. Рука Лока парировала выпад, рука Чу мгновение спустя ухватила за лезвие. Но Валлманья сделал отчаянную попытку — вывернул штык, стремясь вонзить его в предплечье Чу.

Рука Чу дернулась от укола, но в то же мгновение ладонь Лока ударила ребром по запястью Валлманьи. Раздался вопль, потом Валлманья отскочил назад. В руках у него ничего не было. Штык остался у Чу.

Лок быстро развернулся так, что Близнецы снова оказались плечом к плечу, а лицами к испанцу. Тот мгновенно отскочил, чтобы не стоять спиной к пропасти, и Близнецы тотчас молниеносно повернулись.

Небрежным движением Чу перебросил штык Локу, который ловко поймал его, потом за спиной перебросил через плечо. Штык летал, словно в руках у фокусника-жонглера. Создавалось впечатление, что все нервы и мускулы Близнецов подчиняются командам, исходящим из одного центра. Затем Лок, застав испанца врасплох, быстро метнул штык.

Валлманья попытался было увернуться от штыка, но рукоятка угодила ему в грудь. Он на мгновение потерял равновесие, затем резко нагнулся и подхватил упавший на землю, а точнее, на камень, штык. Близнецы ухмыльнулись.

— Они не торопятся, — одобрительно сказал Картер, который уже не расстраивался, что не сумел заставить африканера заключить с ним пари.

Тот только повел плечами:

— Я бы не вел себя так снисходительно, когда имел бы дело с человеком, которому нечего терять.

— Для них это бальзам, — отозвался Картер, не спуская глаз с арены.

Там Валлманья присел в оборонительной позе. Близнецам волей-неволей нужно было атаковать. Они пошли вперед. Четыре ноги двигались слаженно, как у большой кошки. Закованные в сталь руки угрожающе выставились вперед.

Валлманья сделал низкий выпад, метя в пах Чу, и снова сталь зазвенела о сталь. Тогда же Лок, оперевшись рукой в плечо брата, сделал выпад двумя ногами. Одна нога в тяжелом ботинке ударила Валлманью в голову, другая по ребрам. Он грохнулся оземь и несколько раз перекувырнулся, чтобы увернуться от ударов. Снова в руках у него ничего не оказалось.

Штык перекочевал теперь к Чу. Скрепленные цепью братья, постепенно вдохновлявшиеся сопротивлением противника, снова двинулись вперед. Как только Валлманья поднялся на ноги, они набросились на него. Три стальных кулака стали обрабатывать его мерно, но неумолимо.

— Готовят отбивную к поджарке, — заметил Картер, гася сигарету о камень. — Если бы захотели, одним махом оторвали бы ему башку. Но они не торопятся.

Валлманья, шатаясь, отступал по арене, словно боксер, успевший побывать в нокдауне. Он пытался уворачиваться от ударов, которые раз за разом доставали его, парализуя мускулы, лишая легкие кислорода, а могучее тело — силы.

Внезапно все трое застыли, словно в живой картине. Валлманья стоял, слегка покачиваясь и не спуская глаз с Близнецов. Он упал бы, если бы его не поддерживали. «Внешние» руки этой парочки крепко держали испанца за запястья, жестко фиксируя его руки. Он не мог пошевелить ими, не причинив себе острой боли. Чуть выставив вперед «внутренние» ноги, Близнецы блокировали лодыжки Валлманьи. Теперь он был целиком и полностью в их власти. Он приготовился к наихудшему.

Затем обе «внутренние» руки Близнецов ухватились за рукоятку штыка. Медленно они приставили его к сердцу противника. Из черной полости разверзшегося рта испанца вырвался вибрирующий вопль. Близнецы повернули головы, посмотрели друг на друга, улыбнулись, затем медленно, но неумолимо надавили на штык...

На какое-то мгновение вопль достиг высокой ноты, потом прервался, стих так, словно его никогда и не было. Валлманья упал на колени, невидящими глазами уставясь на сталь, пронзившую его плоть. Затем он рухнул ничком, и рукоятка штыка глухо стукнулась о камень.

Медленно, с чувством хорошо сделанного дела Близнецы стянули с рук перчатки. Положив руки на плечи друг другу, они направились к Карпу и его командирам. По амфитеатру прокатился вздох, а после уже загомонили голоса, на все лады обсуждавшие случившееся.

Карц посмотрел на Либманна и сказал:

— Сегодня днем обычные учения. Построение в четырнадцать тридцать. Командиры отделений собираются в штабе в четырнадцать ноль ноль.

С этими словами он повернулся и покинул арену. За ним проследовал его шофер.

Либманн выполнял обязанности начальника штаба Карца и, кроме Суррата, Хамида и Близнецов, под его началом служило еще двое офицеров. Один из них — смуглый крепкий

грузин Тамаз. Либманн не сомневался, что это единственный человек, который не испытывает страха в присутствии Карца. Дело было вовсе не в его храбрости, а в обмене веществ. У него был какой-то неполадок с железами внутренней секреции, а может, и с нервами или с клетками мозга, что начисто лишало его страха. Это, впрочем, не осложняло дела, коль скоро он боготворил Карца, как пес хозяина.

Кроме того, был там еще гладко причесанный англичанин Бретт. Этот сероглазый, среднего роста человек, казалось, был соткан из одних сухожилий и славился весьма острым, язвительным языком.

Карц расположился во главе стола в оперативном отделе, находившемся на первом этаже дворца. За ним стали садиться остальные. Либманн остался стоять у шкафов с картотекой.

— Вопрос насчет командиров отделений остается открытым, — сказал Карц, выкладывая перед собой крупные кисти рук. — Как вам известно, нам требуются еще двое. Они должны быть назначены и обучены в течение четырех недель. — Окинув взглядом собравшихся, он спросил: — Есть какие-то предложения? Может, кто-то из рядовых заслуживает повышения?

Возникла небольшая пауза. Затем заговорил Суррат.

— В моем отделении неплохо зарекомендовал себя Токвиг. Надежен. Отлично обращается со всеми видами оружия. Вынослив. Храбр.

Карц прихлопнул ладонью по столу, и Суррат тотчас же замолчал.

— Эти качества сами по себе ничего не значат, — сказал Карц. — Он умеет вести за собой людей? Он умеет подгонять их вперед? В состоянии ли он командовать? Я готов отдать полсотни верных последователей за одного хорошего лидера.

Суррат с сомнением покачал головой и сказал:

— Я полагаю, что у Токвига неплохие перспективы. Но не более того.

— Этого мало, — отрезал Карц и посмотрел на Либманна. — Что там в наших досье? Есть достойные кандидаты?

— На роль командиров — нет. Есть с десятков неплохих специалистов... Но наши требования слишком серьезны. А те, кто мог бы полностью им соответствовать, не подходят по иным обстоятельствам.

— Покажите мне их.

Либманн открыл ящик и извлек из него два десятка коричневых карточек. Он передал их Карцу, который медленно просматривал карточки и откладывал в сторону, выбрав лишь две.

— Тут пересекающиеся сведения, — сказал он. — В первом случае речь идет о женщине, Модести Блейз. Во втором — о мужчине, Вилли Гарвине. Кто их знает?

— Она руководила Сетью, — подал голос Бретт. — А Вилли был ее правой рукой.

— Уровень?

— Кого?

— Обоих?

— Женщину не знаю. Только слышал разговоры. Но с Гарвином знаком лучше. И однажды встречался с ним. — Бретт посмотрел на Блинецов и сказал: — Поставил бы на него в поединке с нашими мальчиками.

— Но может он руководить? — напомнил главное требование Карца грузин Тамаз.

Бретт пожал плечами, и тут подал голос Суррат.

— Я знал Гарвина по легиону. Это то, что надо, Карц. Тогда это было не так заметно, но после того, как им занялась эта самая Блейз, он сильно изменился. К лучшему. Он руководил несколькими очень серьезными операциями. По ее поручению. И очень успешно руководил.

— Но как насчет женщины? — осведомился Хамид. — Разве нам нужна женщина?

— Я готов воспользоваться услугами обезьяны или верблюда, если это будет отвечать моим интересам, — холодно напомнил Карц.

— Сеть была серьезной организацией, очень даже серьезной. И если Гарвин был готов слушаться эту самую Блейз, тогда я голосую за нее, — сказал Суррат.

Карц вопросительно посмотрел на Либманна.

— Качество сомнений не вызывает, — сказал тот. — На этот счет никаких вопросов. Мы обсуждали ее с вашим заместителем по кадрам, когда только планировали нашу операцию. Он в свое время неплохо был знаком с деятельностью ее фирмы. — Либманн покачал головой. — Они были бы просто идеальны, но их нельзя нанять.

— Почему это? — удивленно спросил Хамид, но Карц одним жестом заставил его замолчать, давая возможность Либманну объяснить все самому.

— Они отошли от дел, и у них много денег. Очень много, — сказал Либманн. — Кроме того, они не из тех, кого за здорово живешь можно взять напрокат.

— Командирам отделений причитается пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, — заметил Тамаз. — Неужели они настолько богаты?..

— Да, и даже если бы удалось заключить с ними контракт, сразу возникли бы осложнения. Они, по нашим стандартам, непригодны.

В комнате снова повисло молчание, нарушавшееся только жужжанием электрического вентилятора.

Наконец заговорил сам Карц. Его голос зазвучал так, словно исходил от каменного идола, изрекающего непреложную истину.

— В принципе не возбраняется использовать и тех, кто по нашим обычным меркам является непригодным, при условии строжайшего контроля за ними. Кроме того, для тех, кто равнодушен к деньгам, можно найти нечто иное, обладающее порой большей притягательностью.

— Рычаг воздействия, — пробормотал Либманн. — Но у нас, увы, нет сведений о существовании

такового. Карц посмотрел на него и сказал:

— Срочно связаться с руководителем отдела безопасности. Пусть передаст дела по отбору и вербовке четырем своим помощникам. Теперь его задача — отыскать способ заполучить в наше распоряжение Гарвина и Блейз так, чтобы они были полностью в нашей власти. Сообщать о развитии событий каждые семьдесят два часа.

Либманн записал что-то у себя в блокноте и спросил:

— Если дело выгорит, нужно ли будет устраивать для них обычную проверку?

Карц встал из-за стола и, мрачно посмотрев на Либманна, сказал:

— Я не беру на службу потенциальных командиров только на основе слухов, Либманн.

И с этими словами он медленно вышел из комнаты.

Глава 2

Сэр Джеральд Таррант вошел в вестибюль дома, находившегося у северной части Гайд-парка. Швейцар, сидевший за отполированным столом красного дерева, поднял голову.

— Доброе утро, сэр, — сказал он. — Мисс Блейз меня предупредила. Вы подниметесь, сэр?

— Да, благодарю, — отозвался тот и прошел к маленькому лифту, который обслуживал только пентхауз. Когда двери лифта закрылись за ним, Таррант несколько расслабился.

Неделя выдалась скверная. Сперва начали поступать сведения о мелких неудачах и провалах, но вчера до него дошла весьма неприятная информация. По привычке, выработанной долгими годами работы в своей специфической области, Таррант предал события недели забвению и сосредоточился на грядущем.

Сегодня было воскресенье. Таррант облачился в зеленый спортивный пиджак, вельветовые брюки, которые, как он прекрасно понимал, были гораздо шире, чем того требовала современная мода, и туфли для игры в гольф. Лифт бесшумно летел вверх, а в нем, в Тарранте, росло приятное предвкушение встречи. Он ждал этого дня с любопытством и легкой тревогой, ибо сегодня ему предстояло увидеть то, о чем он давно знал понаслышке, но чему не были свидетелем.

— Приходите в пентхауз в воскресенье после завтрака, — сказала Модести Блейз, когда они шли из ложи молодого Форема к паддоку на ипподроме в Аскоте. — Заедет Вилли, мы отправимся в Риверсайд-клуб, сыграем девять лунок, а потом закатимся на «Мельницу», где нас ждет ланч.

«Мельница» была пивной, которая принадлежала Вилли Гарвину. Модести помогла Вилли купить это заведение, чтобы помочь ему устроиться в новой мирной жизни, но как якорь эта собственность оказалась слабовата. Насколько было известно Тарранту, Гарвин провел последние три месяца вместе с какой-то безумной канадской геологической экспедицией, занимаясь фотосъемкой. Он был не из числа домоседов.

Приглашение привело Тарранта в восторг. Модести же добавила:

— Потом Вилли может организовать для вас рыбалку. Ему как-никак принадлежит часть реки... Ну, а до этого мы проведем учебный поединок в его заднем доме. Если хотите, можете полюбоваться.

На Модести были светло-голубой шелковый костюм и темно-розовая шляпка, придававшие ей совершенно умопомрачительный женственный вид. Она прекрасно гармонировала с празднично наряженными посетителями и посетительницами скачек. Глядя на то, как Модести внимательно разглядывала лошадей в паaddocke, Таррант ответил с удивившей его самой прямоотой:

— Не знаю, доставит ли мне это удовольствие, но я очень хотел бы на это поглядеть.

Поединок, разумеется, состоится в «спортзале» Вилли на «Мельнице». Это было низкое длинное строение без окон и со звуконепроницаемыми стенами. Тарранту в свое время выпала честь побывать там, и он знал, что никто из посторонних, кроме него, не удостоивался такой привилегии.

Сегодня же ему предстояло увидеть нечто и вовсе не для слабонервных.

Лифт мягко остановился, двери раздвинулись, и Таррант вышел в большой холл, выложенный черной и серой плиткой. Холл заканчивался балюстрадой из кованого железа, в которой имелся проход, и, спустившись на три ступеньки, посетитель оказывался в огромной гостиной с окном во всю стену, от пола до потолка.

Таррант удовлетворенно огляделся. Ему было приятно снова оказаться в этой комнате, где так странно и в то же время так органично смешивались разные стили. Когда он спускался по ступенькам, отворилась стеклянная дверь, что вела на террасу в форме буквы Г, и он увидел Модести Блейз — в расклешенной юбке из верблюжьей шерсти, поплиновой рубашке в желтую и белую клетку, на ногах — светло-коричневые туфли свиной кожи без каблуков. Черные волосы были собраны в шиньон.

Увидев Тарранта, она весело улыбнулась и двинулась навстречу гостю.

— Сэр Джеральд! Как приятно, что вы смогли выбраться.

— Чего еще можно ожидать от такого законченного эгоиста? — сказал он, почтительно склоняясь.

Модести чуть приподняла руку, чтобы Тарранту не пришлось наклоняться слишком низко. Он дотронулся губами до ее кисти и испытал при этом огромное удовольствие.

— Если вам не рано, то могу предложить что-нибудь выпить, — сказала Модести и двинулась по столь любимым Таррангом исфаганским коврам, застилавшим пол, выложенный плиткой цвета слоновой кости к маленькому бару, расположенному в небольшом углублении.

— Ну, разве что чуть-чуть виски с содовой, — отозвался Таррант, разглядывая персидские ковры, которые неизменно радовали его душу. Ему также хотелось как следует разглядеть новые картины на стенах — он заметил Шагала — и полюбоваться на антикварные безделушки, расставленные на полках по стенам. Он не сомневался, что отыщет там что-то новое. Но, несмотря на то, что слишком многое в этой комнате притягивало его внимание, он так и не смог отвести глаз от Модести, любясь игрой ее рук, когда она стала готовить напитки.

— Вы устроили нам хорошую погоду, — сказала она, вручая ему стакан. — Я и не подозревала,

что Министерство иностранных дел имеет влияние и в тех сферах...

— Мы принесли в жертву двух наших сотрудниц-девственниц. Вчера ночью при полной луне, — сказал он и, пожав плечами, добавил: — Похоже, это принесло гораздо более ощутимые результаты, чем некоторые другие наши операции.

Модести быстро посмотрела на него и сказала:

— У вас усталый вид. Вы действительно хотите провести это время в нашем обществе?

— Моя милая Модести, — отозвался Таррант. — Я просто не помню, когда в последний раз я ждал бы с таким нетерпением своего выходного.

— Приятно это слышать, — снова улыбнулась она. — Тогда подождите меня минут пять. А то я вчера расфуфырилась по полной форме и теперь хочу снять этот лак...

— Разумеется, — сказал Таррант. — В вашем доме мне всегда есть чем заняться. Я могу проводить тут час за часом... А что, Вилли заедет за нами?

— Вилли живет тут уже несколько дней. Его спальня налево вон по тому коридору. Если хотите, можете его разбудить.

— Нет, нет, не следует напрасно торопить его, — замахал руками Таррант.

Тут он замолчал и уставился на дверь, которая, как он знал, вела в спальню Модести. На пороге стояла девочка лет одиннадцати-двенадцати. Это было хрупкое создание со смуглой кожей и большими оливковыми глазами, одетое в голубое в белую полоску льняное платье, носки-гольфы и мягкие кожаные сандалии. Прямые темные волосы были перехвачены широкой белой лентой. Ее овальное личико светилось невинностью мадонны Рафаэля.

— Это Люсиль Бруэ, — сказала Модести Тарранту, а затем, уже обратившись к девочке, добавила: — Входи, солнышко. Познакомься с сэром Джеральдом Таррантом. Это наш с Вилли большой друг.

Люсиль смущенно подошла к сэру Джеральду и протянула ему худенькую ручку.

— Здравствуйте, — застенчиво проговорила она с легким акцентом. Когда Таррант взял ее ладошку, она сделала реверанс.

— Здравствуй, Люсиль, — также смущенно произнес Таррант, который вообще очень неловко чувствовал себя в обществе детей. Он никак не мог найти в отношениях с ними золотой середины и либо проявлял слишком большую снисходительность, либо, напротив, держался чересчур холодно. Впрочем, сейчас он чувствовал себя особенно неловко. Он оказался захвачен врасплох появлением этой девчушки и не мог понять, в каких отношениях она находится с хозяйкой дома или с Вилли.

— Люсиль живет и учится в Танжере, — сказала Модести. — Но у нее сейчас каникулы, и она гостит у меня, — она взяла девочку за плечи и развернула ее спиной к себе. — Кто это так поработал над твоими волосами?

— Они были очень длинными, Модести, — виновато прошелестела Люсиль. — Вот я и попросила Венга подрезать их, но он отказался. Тогда я обратилась к Вилли, и он выполнил

мою просьбу.

— Но ведь мы решили дать им отрасти как следует, чтобы потом уже понять, что нужно с ними делать.

— Я знаю, Модести...

К своему внутреннему облегчению, Таррант заметил, что слова девочки смутили Модести не меньше, чем его самого. Она покачала головой и рассмеялась:

— Ну ладно. Если ты так уж хочешь короткую прическу, мы потом приведем твои волосы в порядок. Но только учти, что Вилли как раз не самый великий парикмахер в мире. Ну, а теперь поболтай минутку-другую с сэром Джеральдом, пока я оденусь.

Таррант глубоко вздохнул про себя, глядя вслед Модести, направлявшейся в свою спальню. Светская беседа с юной Люсиль решительно не вызвала у него восторга. И дело было вовсе не в девочке, а просто в его полной несостоятельности в этой области человеческих отношений.

— А что, хорошо побыть здесь, а не в школе? — наконец задал он вопрос, на что Люсиль вежливо откликнулась:

— Мне здесь очень нравится, но и в школе тоже неплохо. Таррант открыл было рот, чтобы продолжить разговор, но замялся. Каждый из пришедших ему на ум вопросов вдруг показался назойливо нескромным. Модести и словом не обмолвилась о том, кто эта девочка и какие между ними существуют отношения, и потому было бы в высшей степени дурным тоном наводить справки у Люсиль.

— А тебя, значит, зовут Люсиль, — задумчиво протянул он, глядя в потолок, — по-моему, это очень симпатичное имя...

— Спасибо. Не желаете ли присесть? — чопорно осведомилась девочка, показывая на кресло.

— А почему бы и нет, — отозвался Таррант, направляясь к кожаному черному дивану. — А скажи мне, как ты собираешься сегодня развлекаться?

— Сначала Венг повезет меня в зоосад, потом мы там поедим, — тихо, но внятно отвечала Люсиль.

— А, зоосад... Господи, когда же я там был в последний раз? — Вдруг Таррант к своему смятению обнаружил, что все свои фразы он начинает с неизменного «А-а!» и что в его интонации неумолимо проникает псевдозадушевность. Тут Люсиль принесла маленький инкрустированный столик на одной ножке, поставила возле дивана Тарранта, и он, благодарно кивнув, опустил на него свой стакан с виски.

— Извините, — сказала девочка и, перегнувшись, взяла сложенную газету, которая лежала на честерфилде. — Давайте уберу, чтобы не мешала.

На мгновение Люсиль вдруг потеряла равновесие и чуть не упала на Тарранта, но затем быстро выпрямилась, взяла газету, потом сделала шаг назад. Вид у нее стал очень смущенный.

— Извините, я такая неуклюжая, — пробормотала девочка.

— Но мы ничего не опрокинули, — отозвался Таррант, как он надеялся, с ободряющей

улыбкой. — А скажи лучше, что ты собираешься делать после того, как вы поедете в зоосад...

— А ну-ка стой! — услышал он вдруг голос Вилли. Таррант обернулся и увидел, как Вилли большими скачками направляется к ним из коридора. На нем были темно-серые легкие брюки и куртка на молнии. Обычно его загорелое широкое лицо излучало дружелюбие и голубые глаза всегда были готовы засветиться веселыми искорками. Но сейчас на его лице появилось выражение гнева и досады.

Люсиль застыла на месте, прижав к себе газету. Таррант с удивлением заметил, что ее большие глаза вдруг опасно сузились. Затем она повернулась и ринулась к спальне Модести. Вилли оказался начеку и в два прыжка догнал и поймал ее. Она попыталась освободиться, затем капитулировала, разразившись потоком французских слов.

— Je n'ai rein fait, Willie, rein, je te dis... [1] — говорила она. Таррант не успевал разбирать быструю речь.

Но Вилли резко перебил ее тоже по-французски:

— Tait-toi, petite voleuse. [2] — Он быстро направился к Тарранту. — Вы уж извините, сэръ Джи! — На его лице появилось смущение. Он злобно посмотрел на Люсиль, которую притащил за собой. — Ну-ка, возвращай, что взяла. И принеси извинения, негодяйка!

Теперь уже на лице девочки не было вызова. Ее глаза наполнились слезами, в них было раскаяние.

— Извините, — прошелестела она и протянула сложенную газету. В ней Таррант увидел свой собственный бумажник, который, как ему казалось, должен был и сейчас спокойно лежать во внутреннем кармане пиджака.

— Господи! — только и сказал он и вопросительно посмотрел на Вилли.

— Старые привычки, — беспомощно развел тот руками. — Вы, пожалуйста, извините...

— Нет, нет, ничего страшного, — пробормотал Таррант, который и сам заметно смутился. Он взял бумажник, потом положил его назад во внутренний карман.

— Господи, как она мне надоела! — буркнул Вилли. Он сел на диван и взял девочку за плечи. — Послушай, детка, я же говорил тебе, чтобы ты никогда больше этого не делала. И Модести твердила тебе то же самое. Последние две недели ты была умница. Ну зачем же теперь все портить?

— Я не хотела, Вилли, — прохныкала Люсиль. Ее маленькие пальчики стали поправлять Вилли галстук. Тарранта восхитил этот типично женский жест. Затем она фыркнула и провела рукой по глазам, смахивая слезы. — Но он просто из этих... — Она осеклась и произнесла пару слов по-арабски, потом добавила: — Ну вылитый английский турист...

1

Я ничего не сделала, Вилли, говорю тебе, ничего (фр.).

Замолчи, маленькая воровка! (фр.)

— Никогда не смей никого называть английским туристом! — гневно перебил ее Вилли и снова виновато посмотрел на Тарранта. — Это оскорбление. Даже если человек и в самом деле английский турист...

— А что она вам сказала по-арабски? — полюбопытствовал Таррант, машинально отметив, что снова начал вопрос с проклятого «А».

— Она сказала, что вы... так сказать, сидячая мишень... — Вилли обернулся к Люсиль и строго произнес: — Ты понимаешь, что заслужила хорошую порку?

— Понимаю, — прошелестела девочка, опуская глаза, в которых блестели слезы. По тому, как она вдруг съежилась, стало понятно, что угроза порки для нее — не пустой звук, а вполне реальная перспектива, но что даже воспоминания о плетке не могли заставить отказаться от искушения оставить с носом «туриста».

— Но ты прекрасно знаешь, черт возьми... — тут Вилли осекся и вовремя взял под контроль свои эмоции, — что я никогда тебя не порол. Так что хватит выжимать из себя слезы. Помни, что я Вилли Гарвин и повидал виды....

Тут открылась дверь спальни Модести. Она вышла с замшевой курткой в одной руке и шалью в другой. Таррант отметил, что она и бровью не повела, обнаружив какой-то конфликт.

— Я готова, — сказала она. — А где Венг? Из кухни появился молодой индокитаец, выполнявший в доме Модести обязанности дворецкого. Он снял белый пиджак, в котором обычно появлялся в доме, и теперь на нем был легкий серый костюм.

— Да, мисс Блейз.

— Думаю, вам с Люсиль пора ехать. Можешь взять «даймлер». И хорошо бы вам оказаться у бассейна с тюленями, когда их начинают кормить и кидают им рыбу. Люсиль очень понравится, как они хватают подачки на лету.

— Хорошо, мисс Блейз, — сказал Венг и, улыбнувшись девочке, осведомился: — А что она еще может делать сегодня — во избежании лишних споров?

Модести вопросительно посмотрела на Вилли, но тот беспомощно почесал затылок и сказал:

— Ты лучше в этом разбираешься, Принцесса.

Модести на это только лукаво улыбнулась и обратилась к девочке:

— Слушай меня внимательно, дорогая. Когда вернетесь из зоосада, Венг отвезет тебя вниз, в бассейн, можешь там поплавать. Потом можешь позаниматься косметикой за моим туалетным столиком и посмотреть телевизор. Там детская программа. Вечером напишешь письмо матери Бернар и можешь еще час посмотреть телевизор. Но в девять тридцать марш в постель, и чтобы не было никаких препирательств с Венгом на этот счет! Договорились?

— Да, Модести.

— Да, и еще. Посмотри, что там у тебя с одеждой и, если что-то надо купить до отъезда в школу, скажи мне. А то через четыре дня каникулы кончатся.

— Хорошо, я посмотрю...

Модести наклонилась, и Люсиль поцеловала ее в щеку. Затем девочка точно так же попрощалась с Вилли. После этого она подошла к Тарранту, протянула ему руку и церемонно произнесла:

— Мне было очень приятно познакомиться с вами, сэр Джеральд.

— А... благодарю, — отозвался Таррант, испытывая большое облегчение и даже не обратив внимания, что он опять начал фразу с проклятого «А!». — Всего доброго, Люсиль, желаю хорошо провести время.

В подземном гараже дома, где жила Модести, Таррант переложил клюшки для гольфа из багажника своего «ровера» в открытый «роллс-ройс» Модести. Она села рядом с ним сзади. Вилли занял место водителя, и машина бесшумно двинулась по пандусу.

Когда «роллс-ройс» уже оказался в потоке машин на Бейсуотер-роуд, Модести открыла шкафчик, извлекла из него коробку сигар «Кларо» и, открыв, предложила Тарранту.

— Вы меня балуете, — отозвался тот, беря сигару.

— Я просто хочу немножко вывести вас из состояния сосредоточенности на предстоящей игре и победить вас. — Она сама открыла пачку «Голуаза», вытащила две сигареты, зажгла их и одну передала Вилли. — Ну, а что там случилось с Люсиль? — осведомилась она у Вилли.

— Стащила бумажник у сэра Джеральда, — устало отозвался тот. — Ну, что прикажешь с ней делать, Принцесса?

Модести посмотрела на Тарранта с улыбкой, в которой смешались сочувствие и веселое любопытство:

— Это правда?

— Увы, да, — сокрушенно отозвался тот. — Она сочла меня легкой добычей. И была конечно же права, хотя, признаться, я несколько расслабился. Ведь у вас не было плакатов с призывом опасаться карманников.

— И маленьких девочек, — мрачно добавил Вилли. — Я как-то раз попросил ее принести мне шлепанцы, а она взяла и свистнула мою паркеровскую авторучку.

— Но это приключилось два с половиной года назад, — протестующе отозвалась Модести. — С тех пор она никогда ничего не брала ни у тебя, ни у меня.

— Разве что ни у тебя, ни у меня. Но после трех лет обучения в монастырской школе хотелось бы надеяться, что у нее пропадет этот чертов зуд в пальцах!

Таррант тем временем наконец раскурил сигару и, выпустив клуб дыма, спросил:

— Позвольте узнать, кто она такая?

— Она, так сказать, собственность Вилли. — Модести сбросила туфли и пошевелила пальцами. — Года три назад он подобрал ее неподалеку от города Алжира. Автобус врезался в ее семью на шоссе. Отец, мать и ослик погибли. Люсиль получила перелом ноги.

— У нее арабская кровь? — осведомился Таррант.

— В основном. Четвертушка французской, а может, и восьмушка. Мы не могли узнать поточнее. У ее родителей не было дома. Все их пожитки были тогда на ослике.

— Ясно. Значит, это наследие тех лет, когда вы еще всю руководили вашей Сетью?

— Да. Когда Люсиль выписалась из больницы, Вилли проявил мягкосердечие. Он и помыслить не мог, чтобы девочку отправили в приют. Ну, а теперь вот у него с ней возникли проблемы...

Таррант увидел в зеркальце, как Вилли ухмыльнулся и сказал:

— Между прочим, это ты. Принцесса, обеспечила ей отдельную палату и еще выписала из Парижа Сутье, и ей сделали пластическую операцию, чтобы на лице не осталось никаких шрамов.

— Ну, мало ли что... — Модести смущенно пожала плечами, и Таррант не без удовольствия отметил, что порой и ей приходится держать оборону. Он сказал:

— Ну, а Венг, судя по всему, еще одно несчастное одинокое издание, которое подобрали уже лично вы, Модести?

— Что это вы вдруг вдвоем ополчились против меня? — Улыбнулась Модести. — Пока что у нас проблемы только с одиноким созданием, которое подобрал Вилли.

— Это верно, — мрачно кивнул головой Вилли. — Вся беда в том, сэр Джеральд, что ее чуть не с пеленок приучили воровать и попрошайничать. У нее было тяжелое детство... В прошлом году мы решили провести недельку в Танжере, остановились у Модеста и взяли к себе Люсиль. У нее как раз были каникулы. Так знаете, что она учудила? Раздобыла какие-то жуткие лохмотья, вывалялась в пыли, потом где-то одолжила грудного ребенка и пошла просить милостыню у туристов. Ужас... — Он сокрушенно помотал головой.

— И надо же было случиться, что ее заметила монахиня из ее школы, — сказала Модести.

— Вот именно, — снова вздохнул Вилли. — И мать Бернар набросилась на меня так, словно я тут кругом виноват.

— Не надо было шутить, — заметила Модести. — Люсиль успела выпросить три с половиной американских доллара, двенадцать шиллингов шесть пенсов, а также пятьдесят с чем-то местных драхм. Вилли возьми и брякни матери Бернар, что, на его взгляд, это для начала очень даже неплохо.

Таррант запрокинул голову и от души рассмеялся. В темных глазах Модести загорелось удовлетворение. Она сказала:

— Так-то лучше. А то, когда вы появились, у вас был невероятно усталый вид.

— Виноват, что не сумел этого скрыть, — сказал Таррант, смахивая с кончика сигары пепел. — У нас выдалась тяжелая неделя.

— Что-нибудь серьезное?

— Пока трудно судить, — пожал плечами Таррант. — Много разных мелких проколов. — Помолчав, Таррант добавил: — А вчера я потерял человека в Праге.

— Грустно это слышать. — Модести положила руку на запястье Тарранта. — Большая потеря?

— Это был мой лучший агент в тех краях. Но независимо от профессиональных качеств смерть есть смерть.

— Разумеется.

Таррант чуть вскинул брови и спросил:

— Когда вы руководили Сетью, вам не приходилось испытывать нечто подобное?

— В известном смысле да. — Она устроилась в углу, и взгляд ее стал чуть отстраненным, потому как она позволила нахлынуть воспоминаниям. — Конечно, когда ты заправляешь делами в преступной организации, все обстоит немного иначе. Большинство твоих людей — отпетые мерзавцы, и потому ты постоянно выступаешь в роли укротителя львов. Тебе приходится заставлять их выполнять разные хитрые штучки, причем именно так, как тебе это нужно. Но опять же не все они мерзавцы и порой честно работают на тебя. Поэтому когда ты теряешь человека или он получает серьезное увечье, ты... чувствуешь какую-то усталость.

— Вот именно, — кивнул Таррант. — И главное, ты бессилён что-либо сделать.

— Разве что платить беднякам пенсию по инвалидности, — вставил Вилли. — Принцесса учредила особый фонд...

— Замолчи, Вилли...

Он ухмыльнулся и замолчал. Когда они остановились у светофора, он обернулся к сэру Джеральду со словами:

— Говорите, это случилось в Праге?

— Да.

Вилли на мгновение вопросительно посмотрел на Модести, затем снова перевел взгляд на Тарранта.

— Последний раз мы видели Венцеславскую площадь года четыре назад, Принцесса, верно?

— Нет, — подал голос Таррант, прежде чем Модести успела что-то сказать. — Забудьте об этом, Вилли.

— Я имела дело кое с кем в Праге, — сказала Модести. — У меня остались полезные связи...

— Нет, — покачал головой Таррант. — Поздно. Его уже нет в живых. И даже если бы он не погиб, это было бы не самым лучшим ходом: слишком много усилий при столь малой отдаче.

Вилли снова устремил взгляд на дорогу, и машина гладко двинулась дальше.

— Он снова потерял покой, — заметила Модести и чуть подмигнула Тарранту. — Это означает, что он заплутал среди своих девиц.

— Ничего подобного, Принцесса! — вознегодовал Вилли. — Мы договорились с Мелани, что я свожу ее на пару дней в Ле Туке.

— Это которая же?

— Темноволосая, с большим ртом. Поет в «Розовом фламинго».

— А, помню. Только не забудь вернуться вовремя, чтобы проводить Люсиль.

— Вернусь, — пообещал Вилли и жестом разрешил нетерпеливой малолитражке объехать его. — Странно, что она сегодня решила взяться за старое. И главное, как ловко эта паршивка проливает крокодиловы слезы! — Он покачал головой с невольным восхищением. — Ты поговори с ней. Принцесса. Тебя она слушает куда лучше, чем меня.

— По-моему, — кротко заметил Таррант, — ей нужен дом, родительская атмосфера.

— Конечно, — пожала плечами Модести. — Я понимаю, что мы с Вилли не те, кто мог бы как следует воспитать ее. Но что делать? Как ни верти, для нее все могло бы сложиться куда хуже.

Таррант вспомнил о тех невероятных фрагментах из прошлого самой Модести, которые были ему известны. Война... Одинокое дитя в лагере... А ведь тогда она была младше, чем Люсиль. Страшная, отчаянная борьба за выживание, постоянные странствия по Балканам, ну а потом тяжелое путешествие на своих двоих через Грецию и Турцию на Ближний Восток. Лагерь беженцев и перемещенных лиц, причем в годы полового созревания. Фантастический переход по арабскому Востоку со стариком, которого она оберегала и защищала. И наконец, Танжер, где и были посеяны семена, давшие потом всходы в виде Сети, странной криминальной, но весьма избирательной в своих операциях организации, которой она успешно руководила без малого восемь лет.

Тарранту очень хотелось бы побольше узнать о ее таинственном прошлом, но Модести редко предавалась воспоминаниям. Да и Вилли Гарвин предпочитал держать язык за зубами.

Вилли Гарвина она отыскала еще в первые годы руководства Сетью. Это был человек удивительных способностей и задатков. Однако они долгое время находились погребенными под теми наслоениями, что создают изгой-уголовника, захваченного темными страстями, среди которых ненависть, отчаяние и эгоцентризм занимали главное место.

Каким-то непостижимым образом Модести Блейз сумела расколдовать Вилли и прогнать вселившихся в него бесов. За это Вилли Гарвин сделался ее верным другом и помощником. И хотя она считала, и не без оснований, его своей правой рукой, он по-прежнему смотрел на нее снизу вверх.

Это никоим образом не умаляло его мужского самолюбия. Таррант был уверен, что, боготворя Модести, Вилли не сомневался в том, что он на голову выше всех мужчин на земле. Причем даже выше тех, кто получил возможность узнать поближе ее удивительное тело.

Вилли Гарвин был, пожалуй, самым счастливым человеком из всех, кого знал Таррант. Вилли

был интересным собеседником, но, когда того требовали обстоятельства, он превращался в опаснейшего оппонента.

Если кто-то и мог похвастаться, что знает о жизни Модести больше других, то этим человеком был Вилли. Таррант весьма ему завидовал. Случалось, Вилли отпускал мимоходом какое-то замечание по поводу ее прошлого, но, чуть приоткрывшись, ставни опять захлопывались, и все попытки заставить его поподробнее остановиться на том или ином эпизоде успеха не имели.

Таррант не раз пытался представить себе Модести в те далекие годы. Маленькое, отчаянное существо в раздираемом войной мире. Существо, вынужденное изо дня в день, из года в год преодолевать голод, опасность и страх. Девочка, мало разбирающаяся в том, что творится за пределами ее крошечного мирка, который она вынужденно оберегала в одиночку.

В одиночку. Это, собственно, и было самым тяжелым. Да, некоторые мужчины умели вести борьбу с неблагоприятными обстоятельствами в одиночку — какое-то конкретное время, зная, что финал битвы не за горами. Но для ребенка такая бесконечная постоянная война без тепла и участия окружающих должна была бы неминуемо привести к непоправимому искажению внутреннего мира. И то, что этого не случилось, можно было назвать самым настоящим чудом.

Таррант подумал о другой девочке, которую увидел полчаса назад в роскошном пентхаузе — сытую, хорошо одетую, ни в чем не испытывающую недостатка.

— Конечно, моя дорогая, — сказал он вслух. — Все и впрямь могло сложиться для нее куда хуже.

Когда Модести повернулась к нему, он ожидал увидеть в ее глазах дымку воспоминаний — и ошибся. Она как ни в чем не бывало улыбалась.

— Не будьте слишком сентиментальны, сэр Джеральд, — сказала Модести, и он понял, что она без труда читала его мысли. — И не делайте никаких сравнений. То, что легко одному, порой страшно трудно другому... Вилли, учти, что ты пытаешься обогнать полицейскую машину, превысив скорость на десять миль.

— Не было печали, — недовольно буркнул Вилли.

Он нажал на педаль тормоза, и «роллс-ройс» пошел рядом с патрульной машиной, откуда на него уставились два суровых лица. Тогда Вилли перегнулся вправо, через пассажирское сиденье, и ткнул пальцем в сторону левого заднего колеса полицейских, пробормотал что-то невнятное и помахал рукой. Затем, вежливо улыбнувшись, он снова откинулся на спинку своего сиденья. Тотчас же водитель-полицейский свернул к тротуару, знаком показав, что Вилли может ехать дальше.

Кроме того, второй полицейский с благодарностью кивнул Джентльмену, предупредившему его о неполадке.

Таррант обернулся. Двое полицейских вылезли из машины и присели у заднего колеса, пытаясь понять, в чем дело.

— Извините, — сказал Вилли. — Не сосредоточился. Задурила мне голову Люсиль...

— Вы, конечно, ловко выкрутились, — заметил Таррант, — но что вы станете делать, когда они выяснят, что с колесом все в порядке, и ринутся в погоню?

— Скажу, что хотел как лучше. Колесо и правда показалось мне подозрительным. Я всего-навсего пытался помочь... Хотел, как лучше. Ибо праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру в Ливане. Псалом девяносто первый, стих тринадцатый.

Эта цитата не застала Тарранта врасплох. Он знал, что Вилли случилось провести год в калькуттской тюрьме, где из книг имелся лишь Псалтырь.

Модести нагнулась и, похлопав Вилли по плечу, сказала:

— Не беспокойся насчет Люсиль, Вилли-солнышко. Время тут лучшее лекарство.

— Так-то оно так, Принцесса, но все-таки неплохо бы на нее повлиять... Если она будет продолжать в том же духе, то попадет в переплет.

— Ты слишком нетерпелив, Вилли-солнышко, — сказала Модести. — Люсиль сейчас гораздо лучше, чем прежде. Погоди, она вылечится. — Модести откинулась на спинку сиденья, и вдруг на ее лице появилась озорная улыбка. — По крайней мере, я ведь от этого вылечилась, — сказала она.

Таррант рассмеялся, ощущая, как страшные тиски, давившие на его мозг, постепенно отпускают его. Неприятности этой недели медленно, но верно отходили на задний план, и теперь лишь где-то в самом уголке сознания оставалась точка. Это, впрочем, его порядком раздражало, он умолк и стал глядеть в окно.

Таррант уже не раз напоминал себе, что глупо тревожиться из-за этого. Нет, все его тревоги напрасны. Скорее всего, Модести вряд ли заинтересуется... И если заинтересуется, то ничего опасного тут не предвидится. Работа обещала быть непыльной, без особого риска.

Но вдруг внутренний голос бестактно напомнил ему: «Ты то же самое говорил в прошлый раз».

Таррант только вздохнул. Кому-то в этом мире постоянно приходилось отправлять людей играть в грязные игры, и он тем или иным способом принимал в них участие... Вот уже двадцать с лишним лет.

То, что в основе своей он был человеком старой закваски и не любил использовать в интересах дела женщин вообще и Модести Блейз в частности, ничего не меняло. Один француз как-то заметил, что нет никого более безжалостного и коварного, чем английский джентльмен старой закваски, который, как ему кажется, только выполняет свой долг.

Таррант не собирался оспаривать это суждение. Он вообще не позволял своим личным воззрениям вмешиваться в железную служебную необходимость. С грустью и неохотой он заставил себя признать, что, независимо от того, трудной или легкой обещала быть эта работа, он обязательно воспользуется услугами Модести Блейз, если только это ему удастся.

Глава 3

В помещении пахло порохом. Из-за спины Тарранта доносился гул кондиционера.

Модести Блейз стояла у одного конца тира, одетая в черные брюки в обтяжку, черную же рубашку, застегнутую на все пуговицы, и туфли без каблуков. Волосы были собраны в пучок на затылке. На ней был также кожаный пояс с кобурой «ган хоук», в которой находился кольт

тридцать второго калибра.

«Стрельбище» занимало часть длинного зала со звуконепроницаемыми стенами. Другая сторона была отведена под тир для стрельбы из лука, а между ними находился большой квадрат, застланный борцовским ковром. Часть одной стены была отведена под коллекцию оружия — как огнестрельного, так и холодного. Таррант знал, что очень немногие выставленные тут образцы современного западного оружия использовались в деле, и, напротив, далеко на все экспонаты, изготовленные в седой древности, выполняли только декоративные функции.

Таррант сел на скамейку возле душевых, чуть сзади Модести. В дальнем конце «стрельбища», у стены, закрытой мешками с песком, виднелась мишень — человеческий силуэт.

— Ну, Вилли, — сказала Модести. — Все дело за тобой.

Она стояла расслабившись. Глаза ее были закрыты, руки опущены по бокам.

Вилли тоже был в черных брюках и черной рубашке. С задумчивым видом он подошел к Модести. Таррант пытался понять, что он выкинет на сей раз. Минуту назад, при последнем выстреле Модести, он внезапно ударил ее ладонью по плечу так, что она полетела вперед.

Теперь, оказавшись рядом с Модести, Вилли чуть наклонился и махнул ногой, как косой. Эта «коса» угодила Модести ниже икр, отчего она снова потеряла равновесие и, уже падая, ловко извернулась, чтобы приземлиться боком, а не на спину. Когда она коснулась пола левой рукой, в правой уже появился револьвер, и звук выстрела заглушил удар ладони об пол.

Силуэт задрожал. Пока Модести поднималась на ноги, Вилли подошел к мишени.

— Четыре дюйма от сердца на двух часах, — сообщил он, не скрывая своего удовлетворения.

— Быстрее, чем в прошлый раз, — заметил Таррант. — И кстати, не менее точно.

Модести кивнула, а вокруг ее глаз появились лучики-морщинки. Она о чем-то сосредоточенно размышляла.

— Да, — наконец кивнула она. — Я понимаю, почему некоторые носят кобуру высоко, по-кавалерийски. Тут есть свои плюсы, особенно если револьвер простого действия. Но мой кольт — самовзводный. Я отрабатываю этот способ ношения уже полгода, но все равно мне больше нравится, когда кобура на бедре.

— Мне показалось, что положение кобуры по-кавалерийски причиняло вам некоторые неудобства, — заметил Таррант.

— Большой беды тут нет, — сказала Модести, открывая барабан кольта, чтобы перезарядить его. — Но вообще-то вы правы. Когда кобура высоко на боку и ремень идет через поясницу, мне все-таки как-то неловко. Да еще когда револьвер торчит вниз рукояткой. Одно дело стрелять по мишеням, но в настоящем деле могут возникнуть осложнения. Если в суматохе грохнешься на спину, можно сильно ушибиться.

— И вы тем не менее отрабатывали этот способ полгода?

— Это необходимо. Новый прием всегда поначалу не нравится, но потом может оказаться самым удобным. По крайней мере, не грех попробовать. Если получается выигрыш в десятую

долю секунды, это окупает полгода работы.

Она говорила так, словно излагала непреложный закон природы. Именно это и не переставало восхищать Тарранта: ее потрясающий профессионализм. Вот уже час, как они находились в этом помещении, куда прошли через две массивные двери — одну из дерева, другую из стали, и все это время Таррант наблюдал, как Модести и Вилли Гарвин тренируются.

Он видел, как Вилли управляется со своими двумя ножами с черными рукоятками из кости и лезвиями в пять с половиной дюймов со специальной насадкой на кромке — для поединков на ножах.

Обычно он носил их в специальных ножнах, которые крепились в виде сбруи — или один нож над другим, если Вилли надевал сбрую через грудь, или параллельно друг другу, если он прикреплял их к изнанке куртки. Когда Вилли начинал работать с ножами, то возникало впечатление, что они оживали и вели собственное холодно-безжалостное существование.

Таррант бывал свидетелем того, как Вилли бросает ножи разными способами — через плечо, с поворота, в падении — и поражает мишени на расстоянии от пятнадцати до ста футов, проявляя при этом поразительную точность.

Особенно восхищало Тарранта, как Вилли ухитрялся вытащить и метнуть нож с закрытыми глазами, а Модести вдруг толкала его так, что ему приходилось совершать этот прием, потеряв равновесие, — так же, как, собственно, только что стреляла сама Модести.

Поначалу Тарранту никак не удавалось поймать момент появления ножа, который вдруг оказывался в руке Вилли, между трех пальцев. И лишь когда по просьбе Тарранта Вилли проделал все это в нарочно замедленном темпе, гость увидел весь процесс. Вилли вынимал нож двумя пальцами и большим, взявшись за нижнюю часть рукоятки, потом перебрасывал его в руку так, чтобы как следует ухватиться за лезвие возле острия.

— Он просто уникал, — с улыбкой заметила Модести, когда Таррант недоверчиво помотал головой. — Когда создавали Вилли, он ухитрился прикарманить самую быструю реакцию, которая только имелась на складе. Иначе он давно бы уже остался без пальцев.

— Все дело в верном образе жизни, — заметил Вилли.

— В праведном, — кивнул Таррант. — У вас такая же молниеносная реакция, Модести?

— Может быть, теперь да. Но мне пришлось очень поработать над собой. А Вилли получил все в готовом виде.

— Это еще бабушка надвое сказала, — покачал головой Вилли. — Когда дело принимает серьезный оборот, Принцесса бывает и побыстрее меня. А это самое главное.

После того как Вилли поработал с ножами, Модести перешла к тире для стрельбы из лука. Минут двадцать она работала в поте лица сперва с фибerglassовым луком, потом с луком из дерева и пластмассы и наконец со стальным трубчатым луком, который можно было сложить, превратив в трубочку длиной восемь дюймов. Этот лук стрелял тонкими металлическими стрелами, состоявшими из сборных секций.

Теперь Модести упражнялась с пистолетами и револьверами. После кольта наступила очередь «магнума» сорок первого калибра. Модести стала стрелять по движущимся мишеням — Вилли

придумал и смастерил устройство, запускавшее по нажатию кнопки глиняных голубей, которые пролетали у задней части тира.

Когда Модести отстрелялась, Вилли унес оружие в свою мастерскую в задней части строения, чтобы потом разобрать и хорошенько почистить пистолеты и револьверы.

— В высшей степени интересно и поучительно, — заметил Таррант, подозрительно косясь на большой поролоновый борцовский ковер в центре зала. Его внезапно посетило какое-то неловкое тревожное чувство. — Ну что, на сегодня все? — с надеждой в голосе спросил он.

— Нет, сейчас начинается часть программы, которая вам может прийти не по вкусу, — ответила Модести. — Сначала небольшая разминка, а потом самое главное. Боевые единоборства...

Модести подошла к разновысоким брускам; подпрыгнув, ухватилась за верхнюю перекладину и начала работать на снаряде, выказывая сноровку опытной гимнастки.

Смотреть на то, как она ловко и ритмично выполняет движения, было просто наслаждением. Вилли, появившийся из мастерской, остановился и стал наблюдать. Впрочем, в его взгляде не было ни теплоты, ни любования. Он следил за ней критическим взглядом специалиста.

Когда Модести спрыгнула с брусков, ее место занял Вилли Гарвин. У него конечно же не было кошачьей женственной грации Модести, зато он действовал быстро и четко, словно отлично отлаженная машина. Модести наблюдала за ним с тем же выражением придирчивого знатока, с каким совсем недавно следил за ней Вилли.

Таррант почувствовал резкую перемену в атмосфере. Сейчас в помещении царила жесткая сосредоточенность, не имевшая ничего общего с дружеской непринужденностью, характерной для сегодняшнего утра.

Таррант вспомнил о том, как он и Модести ждали Вилли у Риверсайд-клуба. Мимо них к первой лунке не торопясь двинулась четверка мужчин. Все они поросли жирком благополучия и давно ушедшей молодости, но в их манере держаться была повелительность давних членов этого заведения.

Они задержались, окинув Модести взглядом, и один из них неодобрительно пробормотал:

— Новый член?

Таррант ожидал от Модести достойного отпора, но она с любопытством посмотрела на джентльменов и коротко ответила:

— Гость.

— Что?

— Гость мистера Гарвина.

— Что-то не знаю такого, — фыркнул толстяк. Четверка двинулась дальше. Таррант, охваченный жаркой волной неудовольствия, попытался было что-то сказать, но Модести легко тронула его за рукав со словами:

— Не стоит... Они даже забавны. Настоящие ходячие карикатуры.

Таррант посмотрел мимо нее и увидел, как из дверей появился Вилли Гарвин. Таррант не мог понять, слышал ли он разговор, но так или иначе Вилли смотрел вслед четверке, и на его лице появилось странное выражение. Он снова исчез в здании клуба.

— Да, они не из тех, к кому Вилли питает слабость, — обратился Таррант к Модести.

— Мы играли здесь всего пару раз, потому как это недалеко от «Мельницы», но вообще-то в основном здесь симпатичные люди. А ослов можно встретить всюду. — Она оглянулась на здание и сказала: — Уж не знаю, что это Вилли там делает, но пойдете пока к метке. Пару минут спустя Вилли снова появился на улице. Он оставил в раздевалке свой пиджак, и теперь на нем была темно-синяя рубашка с коротким рукавом, какие любят надевать военные. Над нагрудным кармашком виднелся ряд орденских ленточек, а на голове у него красовалась оранжевая фуражка на несколько размеров меньше, чем следовало бы. Он чуть втянул щеки и насупился, выходя лет на десять старше.

— О Боже, — сказала Модести и, как показалось Тарранту, тихо хихикнула. — На него нынче накатило.

— Где он раздобыл эту фуражку и эти ленточки? — тревожно прошептал Таррант.

— Лучше не спрашивайте!

Четверка толстяков наносила разминочные удары у метки, когда появился Вилли. Они уставились на него с удивлением, вскоре сменившимся тревогой.

— Доброе утро, мэм! — обратился Вилли к Модести, касаясь рукой своего головного убора. Он говорил с интонациями старого военного служаки.

— Доброе утро, майор, — отозвалась Модести, и в ее голосе появились вульгарные интонации. — Ну, а как поживает наша маленькая женщина?

— Это просто какой-то ужас. — Вилли подозрительно покосился на четверых у метки, словно они могли подслушать что-то крайне важное. — У нее прямо какая-то мания. Насчет того, чтобы переплыть Ла-Манш. — Он замолчал, ожидая, когда первый из четырех джентльменов обратит внимание на свой мяч и нанесет удар. Удар оказался прескверным.

— Слышала, — кивнула Модести. — Бутончик мне об этом рассказывал.

— Нахальный щенок! — отозвался Вилли. — Это все он ее накручивает.

— Вернее, тренирует? На днях я видела их с жестянкой какого-то жира, которым они себя обмазывают.

В возникшем молчании второй толстяк запустил свой мяч в «бурьян».

— Кто кого обмазывал? — насупился еще сильнее Вилли.

— Те, кто переплывает Ла-Манш. Чтобы не замерзнуть.

— А! — буркнул Вилли и погрузился в мрачные раздумья. Тем временем третий мастер гольфа нанес совсем уже жалкий Удар.

— Но вообще-то на ней никакого жира я не заметил, — буркнул Вилли. — Сдается мне, она еще и в воду-то не входила.

— Не входила в воду?

— Нет. Бутончик проводит с ней занятия на суше. Каждый Божий день. В спальне наверху.

— Наверно, он хочет, чтобы она наладила дыхание?

Таррант сделал несколько шагов в сторону, делая вид, что отрабатывает удар. Диалог, от которого сильно пахивало дурдомом, продолжался, пока к мячу не приступил четвертый джентльмен. Дважды он уже заносил клюшку и дважды ее опускал. Наконец он ударил. Мяч улетел на шестьдесят ярдов, а куски дерна разлетелись ярда на три.

Четверка в гробовом молчании удалилась.

Таррант вытер лоб ладонью и сказал:

— Простите, но у меня нет сил соответствовать. Не то чтобы я не одобрял, но просто не имею отваги.

— Отваги? — переспросил нахмурясь Вилли. — Когда... — как говаривал старина Киплинг...

— Вилли, спокойно, — перебила его Модести и кинула ему свой мяч. Он установил его на метку.

Они стали разыгрывать первую лунку. Как понял Таррант, его спутники начали осваивать гольф лишь год назад. Учитывая их отличную физическую форму и глазомер, они хоть и добились значительных успехов, но могли бы добиться и большего, если бы их отношение к игре не носило несколько непочтительного и экспериментального характера.

Надо сказать, что хотя эти эксперименты Модести и Вилли и задевали консервативную душу Тарранта, довольно скоро он не только свыкся с их вольным отношением к священной игре, но и сам вдруг заразился духом лихой беззаботности и, кстати сказать, сократил отставание от них, имевшее место на четвертой лунке, а затем даже на какое-то время вышел вперед.

Потом они отлично поели на отдельной террасе в задней части «Мельницы», у реки. Неподалеку, за линией деревьев, скрывалось то самое длинное низкое здание, где сейчас находился Таррант.

Но теперь атмосфера резко изменилась. Таррант обратил внимание, что, пока Вилли и Модести разминались на разновысоких брусках, никто не проронил ни слова. И она, и он оказались в своем отдельном, отгороженном мире полнейшей сосредоточенности.

Вилли спрыгнул с брусков, подошел к углу ковра. Модести оказалась напротив него по диагонали.

На какое-то мгновение они замерли на месте, затем стали медленно приближаться друг к другу. Модести сделала обманное движение, откинула корпус назад, и две фигуры соединились в одно целое. Вилли перелетел через бедро Модести, затем его ноги снова коснулись ковра, и он резко изогнулся всем телом, чтобы занять удобную позицию. Одной рукой он ухватил Модести за предплечье, другой за запястье, но та была начеку, и, когда он постарался провести бросок, опередила его, сделав сальто.

Таррант вздохнул с облегчением. Он понял, что и это было нечто вроде разминки: серия

бросков и падений, приемов и контрприемов без стремления довести дело до победного конца. Это напоминало экспромты джазистов: какая-то мелодия внезапно возникала, получала разработку, а потом отбрасывалась ради чего-то другого.

Это был причудливый танец, когда тела партнеров кружили в стремительном ритме, соединялись и разъединялись, делали лихие пируэты, демонстрировали прекрасную скоординированность.

Минут пять Таррант как зачарованный следил за ними, затем Модести сделала шаг назад и, слегка запыхавшись, сказала:

— Ну, Вилли, давай.

Она повернулась и взяла какой-то небольшой предмет, лежавший на полке над той скамейкой, где сидел Таррант. Это было конго, или явара, ее излюбленное холодное оружие. Изготовленное по старинным образцам, когда-то популярное на Востоке, оно представляло собой небольшую гантель из сандалового дерева. Рукоятка как раз умещалась в ладони так, что обе выпуклости выступали с двух сторон сомкнутого кулака.

Таррант уже хорошо представлял себе, что это за оружие, потому как однажды ему удалось втянуть Модести в разговор о достоинствах конго. Оно поражало нервные центры в разных частях человеческого тела и могло парализовать, оглушить или убить.

На какое-то время взгляд Модести упал на Тарранта, и она сказала:

— Тут игра с гандикапом, поскольку у Вилли преимущество в весе.

Таррант молча кивнул. Во рту у него пересохло. Модести снова перевела взгляд на Вилли, который чуть присел, выставив перед собой руки. Крупные мощные кисти напоминали саперные лопатки. Одну руку он держал ладонью вниз, защищая горло, другая была занесена словно топор, готовый опуститься на жертву.

Модести держала левую руку горизонтально, перед собой, глядя через нее на Вилли. Правая рука с конго застыла у бедра.

Затем, медленно кружа, они начали сближаться. Теперь Таррант уже ощущал себя совершенно исключенным из их мира. За свою долгую жизнь он успел повидать разное. Он по собственному опыту хорошо знал, что такое боевые действия и что такое опасность. Ему не раз случалось посылать мужчин и женщин выполнять рискованные задания, а кого-то он и вовсе отправлял на верную гибель. Он был на тридцать лет старше этой Девушки и на четверть столетия старше Вилли, но он вдруг ощутил себя ребенком, который оказался случайным свидетелем какой-то мрачной тайны из жизни взрослых.

Да, именно такой, похоже, видели Модести Блейз мужчины, которым было суждено несколько мгновений спустя принять смерть от ее руки. Именно таким видели противники Вилли Гарвина в их предсмертные мгновения. Кое-кого из этих людей Таррант знал лично, о других слышал. Они были в подавляющем своем большинстве опасные уголовники, закоренелые убийцы, насильники. Среди прочих Таррант видел труп Каналехоса в монастыре на острове Калитос, где Вилли и Модести вступили в неравный бой с людьми Габриэля и победили. Он смотрел на труп Каналехоса, которого Модести Блейз убила собственноручно, и вспоминал, какое странное ликование его тогда охватило. Таррант и сейчас испытал радость от того, что она уничтожила этого мерзавца.

Но теперь ему впервые довелось увидеть ту сторону ее «я», которая, собственно, и делала возможными такие подвиги. Это было торжество человеческой воли, чудо концентрации всех способностей организма.

На какое-то мгновение Таррант попытался снова вызвать перед своим внутренним взором образ Модести, которая отправила Люсиль на прогулку в зоосад, которая умело подыгрывала безумному «майору» Вилли Гарвину, которая попыталась уложить мяч в лунку с закрытыми глазами. Ту самую Модести, которая посетила с ним скачки в Аскоте, и от улыбки которой у него становилось тепло на душе. Но этот образ никак не мог материализоваться.

Вилли Гарвин следил за ее движениями, словно рысь за своей жертвой. Голубые глаза на его загорелом обветренном лице не выражали ничего, кроме сосредоточенности. Таррант понимал, какая сила таится в этой фигуре, и один из его отнюдь не самых впечатлительных подчиненных рассказывал, что Гарвин в действии — это предел стремительности.

Тем временем на ковре внезапно вспыхнуло оживление. Финт, другой, потом Модести стремительно выбросила ногу вперед, но поразить соперника ей не удалось, потому что Вилли мгновенно провел контрприем.

Минуты две схватка продолжалась бесконтактно. Было много обманных движений, ложных выпадов, но ни один прием не был проведен до конца. Таррант с благоговейным ужасом осознал, что это не имитация, но самый настоящий бой вроде схватки на ножах, — где уже ничего невсамделишного, ненастоящего нет и быть не может. Пока они лишь плели сеть финтов-кружев, но рано или поздно должен был наступить решающий момент. Момент атаки, когда удар достигнет цели или нарвется на преграду, после чего последует страшный контрудар.

Таррант смотрел не моргая, боясь упустить самое главное, самое интересное. Вилли качнулся в сторону, затем резко изменил направление атаки. Наступил тот самый кульминационный момент. Его левая рука отбросила в сторону руку Модести, в которой было конго, а правая рубанула, как топор.

Но Модести, превратившись в комок энергии, ринулась навстречу Вилли боком. Таррант услышал звук столкновения плоти о плоть и увидел, что Модести левым предплечьем блокировала удар, причем врезавшись не в твердое ребро ладони Вилли, но в относительно мягкое место у запястья.

Затем ее правая рука хлестнула, словно кнут. Таррант не увидел и не услышал звука удара. Он вроде бы и не отличался особой силой. Впрочем, Модести однажды заметила, что конго, если им правильно распорядиться, бьет, как свинцовый кистень.

Вилли мягко, по-кошачьи отскочил назад. Но его правая рука вдруг упала вдоль бедра, и Вилли всю шею шевелил пальцами, чтобы поскорее восстановить работу парализованных нервов.

Модести стремительно пошла в атаку. Вилли, отступая, чуть повернулся, чтобы выбросить навстречу Модести свою неповрежденную руку. К удивлению Тарранта, он продолжил поворот так, что, по сути дела, встретил ее спиной. Но одновременно он внезапно согнул колени, и Модести оказалась как бы над ним и слишком близко для хорошего удара. Конго на какую-то долю миллиметра пролетело мимо, и кулак Модести задел плечо Вилли, до этого лишь едва коснувшись его лица.

Но тут Вилли локтем пострадавшей руки, кисть которой все еще безжизненно висела, резко

ударил Модести чуть ниже уха в шею.

Модести отлетела в сторону, отчасти от самого удара, отчасти от стремления увернуться от него. На какое-то мгновение она застыла на ковре, но затем, быстро перекувырнувшись, отпрыгнула от наступавшего Вилли и снова вскочила на ноги.

Таррант почувствовал боль в легких и тут же понял, что он просто слишком надолго затаил дыхание. Усилием воли он заставил действовать свою диафрагму, и из его рта вырвался судорожный выдох.

Они стояли друг против друга, слегка согнув колени, готовые снова ринуться в атаку. Только теперь левая рука Вилли была опущена совсем низко, а его взгляд стал странным, даже тревожным.

Он опустил обе руки и сделал шаг назад.

— Все, Принцесса, — мягко сказал он, но Модести словно не услышала. Она продолжала кружить, перемещаясь на носках, постепенно приближаясь к нему. Таррант заметил, что в ее глазах появилось какое-то отсутствующее выражение.

Вилли стал пятиться от нее и снова поднял руки, приняв оборонительную позу.

— Все в порядке. Принцесса, — мягко говорил он, словно обращаясь к ребенку. — Все в порядке. Это я, Вилли...

Она остановилась, устремив на него пустой взгляд и машинально повторила:

— Вилли...

— Правильно, Принцесса, Вилли. Все, конец... Она вдруг уронила руки, и он приблизился к ней. Она качнулась из стороны в сторону, потом колени ее стали подгибаться. Вилли подскочил к ней, подхватил под талию, легонько встряхнул, чтобы окончательно вернуть к жизни, после чего уже подхватил Модести обеими руками. Он понес ее к массажному столу, который стоял возле душевых. Голова Модести безжизненно запрокинулась назад.

Таррант быстро подошел к ним.

— Отключилась, стоя на ногах, — заметил Вилли, не без труда вынимая конго из ее стиснутых пальцев. — Мне пришлось действовать аккуратно, а то она вообще могла бы меня угрохать, даже не соображая, кто я такой.

— И правильно сделала бы, — не удержался Таррант, и в голосе его заклокотала ярость. — Господи, ну зачем вам понадобилось ударить ее со всего размаха.

— Так надо, — сказал Вилли, — это наше правило. На полном серьезе. Она не сказала бы мне спасибо, если бы я стал играть с ней в ладушки.

Он начал массировать ее тело умелыми сильными руками — от солнечного сплетения до области сердца.

— Вам надо было бы видеть наш прошлый поединок, — сказал Вилли, внезапно ухмыльнувшись. — Она так уделала меня, что я провалялся в отключке пять минут.

— Вы хотите сказать, что у вас всегда дело этим кончается? — испуганно спросил Таррант. Его

ярость успела улетучиться, и теперь он только испытывал легкую тошноту.

— Не всегда. Когда как. Зависит от обстоятельств. Если бы, например, она вывела из строя и мою вторую руку, мне пришлось бы, хочешь не хочешь, выкидывать полотенце. Потому-то я и решил рискнуть...

Он приподнял пальцем ее веко и сказал:

— Сейчас она придет в себя. — Затем он осторожно перевернул ее лицом вниз, положив голову на твердую низкую подушку, и начал массировать плечи и шею.

Таррант тревожно смотрел на Модести. Вскоре веки ее задрожали. Она медленно открыла глаза. Теперь у нее был уже не отсутствующий, а просто сонный взгляд.

Прошло еще несколько мгновений, и на лице ее появилась слабая улыбка.

— Неплохой трюк, Вилли, — прошептала она. — Рискованно, но сработало. Ничего, в другой раз я на это не клюну. — Затем она перевела взгляд на Тарранта, который склонился над ней. — Ну что, вам было интересно?

— Мне было ужасно, — просто ответил Таррант. — Я, конечно, рад, что видел это, но ни за что не хотел бы увидеть снова. Неужели вам необходимо доводить ваши поединки до того, что кто-то может пострадать всерьез?

— То, что кто-то может пострадать всерьез, как раз очень важно, — сказала Модести, которая явно приходила в себя. — Если превращать это в игру, то тебя ожидают большие неприятности, когда тебе придется столкнуться с чем-то подобным в реальной жизни. Можно начать колебаться, потерять драгоценные доли секунды. И тогда тебе конец. Если бы я вдруг испугалась, что могу пострадать, Вилли раздавил бы меня, как танк.

— Я бы ни за что не попер на рожон, даже если бы стал танком, — отозвался Вилли. — Потому как она пустила бы в ход свое конго, а это что базака для танка. Базуку, конечно, можно раздавить, но и танку не поздоровится.

Таррант вытащил коробку, достал из нее сигару, потом посмотрел на Модести и спросил:

— Вам не помешает, если я закурю?

— Уж лучше курите, чем стоять и трястись надо мной, — мрачно сказала Модести, и в глазах ее заплясали веселые огоньки. Когда Таррант раскурил сигару, она посмотрела на Вилли и сказала: — Спасибо за массаж.

— Как ты себя сейчас чувствуешь?

— Нормально. — Модести села на столе, ворочая шеей и головой. — Лучше, чем заслуживаю за свою беспечность. Ты меня перехитрил.

— Ну, просто чуточку опередил. Повезло...

Модести еще раз прокрутила в голове ту сцену и сказала:

— Может, и повезло, — после чего соскользнула со стола. Таррант заметил, что она вполне твердо стоит на ногах.

— В душевой есть мешок с колотым льдом и примочки. Чтобы не осталось синяков...

— Отлично. — Она посмотрела на Тарранта и сказала: — Проигравший моется первым. А вы пока можете навестить мастерскую Вилли. Вдруг увидите что-то новенькое.

Таррант машинально кивнул. После всего того, что произошло сейчас в этом помещении, где не было окон и горели лампы дневного света, он несколько утратил контакт с реальностью. Сигара, конечно, способствовала возвращению к действительности, но он по-прежнему испытывал некоторое смятение.

— Спасибо, — только и смог сказать он на это.

— Это надо воткнуть в ухо, — сказал Вилли.

— А потом? — осведомился Таррант. Теперь он совсем уже пришел в себя и испытывал к собеседнику благодарность за то, что тот предоставил ему возможность сделать это достаточно незаметным образом.

— А потом надо слушать, — усмехнулся Вилли. — Погодите маленько, сейчас я все налажу.

Он стал орудовать отверткой, ковыряясь в каком-то небольшом черном предмете, который был зажат в тисочках на верстаке. Вилли и Таррант находились в комнате, занимавшей всю заднюю часть здания, за «стрельбищем», отделенном от них кирпичной стеной в девять дюймов.

В ширину мастерская достигала двенадцати футов и была оборудована сверкающими верстаками и полками с инструментами, где имелось все, что только могло пригодиться в искусстве мастерового — от микроинструментов часовщика до тяжелой кувалды жестянщика.

Таррант слез с высокого табурета возле небольшого кузнечного горна. Затем он подошел к чертежу на кульмане возле микроманипулятора Эмерсона.

Некоторое время Таррант изучал чертеж, но затем оставил все попытки понять, что он собой являл. Вилли тем временем что-то поглощенно мастерил. Вид у него был сосредоточенный, пальцы ловко работали.

— Теперь-то я понимаю, почему вы играете в гольф, словно братья Маркс [3], — сказал Таррант и махнув рукой с сигарой в сторону зала, где происходил поединок. — По сравнению с этим все остальное выглядит сущей ерундой.

— У меня была одна знакомая, так она прямо-таки помешалась на гольфе, — заметил Вилли, отрываясь от своего занятия. — Познакомился с ней полгода назад. Ее звали Эйлин. Из Шотландии. Высокая, стройная, хороший цвет лица. Но интересовалась только двумя вещами. Или играть в гольф или прыгнуть с мужиком в постель. Прямо мания какая-то. И вот беда — никак не могла отделить одно от другого...

Пинцетом он подобрал крошечный винтик и водрузил его в отверстие в черной крышке.

Таррант попытался потушить любопытство, вызванное последней фразой Вилли, но не удержался и сказал:

— Как прикажете вас понимать — не могла отделить одно от другого?

— Очень просто. Только начнешь примериваться, как половчее ударить по мячу, и вдруг начинаешь понимать, что на тебя кто-то смотрит. Оказывается, это Эйлин, и вид у нее такой, что она вот прямо сейчас утащит тебя в кусты и там слопает. — Он вставил в глаз лупу и начал завинчивать крошечный винтик. — Ладно, — продолжал он. — Хочешь съесть, так уж кушай на здоровье. Но потом лежишь с ней в постели, и вдруг бац! Опять что-то не то. Она хоть и рядом с тобой, но считай, что ее и вовсе нет. Лежит и думает о том, как она опростоволосилась на четвертой лунке.

— Эйлин, говоришь? — окликнула его Модести. Она стояла в дверях свежая после душа и без косметики. Волосы были распущены и лишь у затылка перехвачены резинкой. На ней был китайский халат Вилли, на несколько размеров больше, чем следовало бы, подпоясанный алым кушаком. Плечи халата сползали чуть не на локти, а кисти рук и вовсе скрывались под рукавами. Она выглядела, как маленькая девочка, надевшая папин халат.

Таррант пытался увидеть в ней ту женщину, которая совсем недавно сражалась врукопашную с Вилли, но у него ничего не вышло. Сталь, пламя и алмазная несокрушимая воля — все это пряталось в каком-то дальнем уголке ее «я». Теперь, глядя на нее, Таррант думал о зеленых лугах, о голубом весеннем небе и весело журчащих горных потоках.

Вилли поднял голову и кивнул:

— Она самая, Принцесса. Эйлин. Ты ее, кажется, один раз видела, рыженькая такая...

— Рыженькая? Вилли, у тебя просто нет совести. У нее восхитительные золотисто-каштановые волосы, причем натуральные...

— Да?

— Да!

— Я бы предпочел крашенные и никаких таких маний... Модести рассмеялась и вошла в комнату. Она была босиком и оставляла мокрые следы на кафельном полу. Таррант пододвинул ей табурет, она уселась и, закинув ноги на перекладину верстака, спрятала руки в рукава.

— Что вам демонстрирует Вилли? — осведомилась она.

— Пока не знаю. Говорит, что с помощью этой штуки человек слышит, как летучая мышь, но что это именно, я пока не видел.

— Уже все готово! — возвестил Вилли и показал маленькую овальную штучку. С одной стороны торчало с полдюжины коротких металлических штырьков. С другой стороны имелся конусообразный резиновый выступ. На конце был зажим. Тонкий провод вел от этого выступа овала к небольшой батарейке, которую Вилли положил в карман рубашки.

— Надо вставить в ухо резиновым концом, — пояснил он. — Это вроде как аппарат для глухих.

3

Известные американские комики первой половины XX века.

— И что же он делает, Вилли-солнышко? — осведомилась Модести.

— Это все равно что радар. Примерно так ориентируется в темноте летучая мышь. Она испускает ультразвуковые сигналы, они наталкиваются на предметы и возвращаются назад. Мышь суммирует все в своей головке и понимает, что если не свернет влево, то врежется в столб.

— Какие смысленные создания, — заметил Таррант. — А нам тоже надо пищать?

— Шутки в сторону, — сказал Вилли, поднимая вверх руку, словно учитель среди расшалившихся учеников. — Эта штука сама посылает ультразвуковые сигналы и ловит их отражение. Вы слышите писк и сила этих сигналов соответствует размерам и близости объекта. Если немного привыкнуть к прибору, можно даже догадываться о форме предмета.

— С ним, значит, можно передвигаться по дому в темноте, не зажигая света? — спросила Модести.

— Ну да. И очень помогает в джунглях, даже днем. Можно засечь чье-то передвижение, даже если ты ничего не видишь. Но в темноте, понятно, ему просто нет цены.

— Каков радиус действия? — спросил Таррант.

— Пока сто футов, но я, может, смогу немножко его увеличить...

— А можно с его помощью лучше прицелиться в темноте?

— Ну, Принцесса, наверно, сможет. — Вилли сокрушенно покачал головой. — Я-то из пистолета стреляю плохо. Я их в основном коллекционирую. Если мне дать заряженный пистолет, то я, скорее всего, попаду себе в ногу. Но с помощью этой штучки, глядишь, смогу угробить ножом кого угодно на расстоянии сорока футов.

— Посмотрим, как действует твой прибор, Вилли, — сказала Модести, слезла с табурета и прошлепала босиком в главный зал. Мужчины проследовали за ней. Вилли встал в середине ковра, закрыл глаза, несколько раз повернулся вокруг своей оси.

— Ну, сэр Джи, можете начинать двигаться.

Таррант, испытывая чувство какой-то неловкости, начал обходить Вилли на цыпочках, стараясь держаться от него как можно дальше. Вилли вытянул руку и указал точно на Тарранта. Тот не прекращал движения, но палец Вилли продолжал «вести» его. Палец, наставленный на него, двигался, словно стрелка компаса за магнитом. Когда Таррант останавливался, палец замирал в воздухе, когда он продолжал движение, палец оживал. По мере того как Таррант приближался к Вилли, палец опускался все ниже и ниже.

— Расстояние пятнадцать футов, — говорил Вилли. — Десять, восемь... Так, а теперь вы удаляетесь... — Он открыл глаза.

— Неплохо, — отозвался Таррант, который на самом деле был просто потрясен. — Заинтересовать бы этим наших ослов из министерства обороны. Сейчас в джунглях Юго-Восточной Азии идет война...

— Спасибо, сэр Джи, — откликнулся Вилли, — но я бы не хотел лишних контактов с министерством обороны...

— Наш Вилли держит игрушки у себя под подушкой, — заметила Модести.

— Это разумно, — сказал Таррант и, подойдя к скамейке, сел рядом с Модести. Он посмотрел на часы, обдумывая следующий ход. Половина пятого... Весь день он ждал благоприятной возможности рассказать о своей проблеме, но удобный момент никак не подворачивался, и это действовало на нервы. Он подумал о желтом листке с черными строчками, который лежал у него в бумажнике. Как отреагирует Модести, если он вытащит его прямо сейчас? Может, именно так, как ему хотелось бы, но он не был в этом уверен на все сто процентов. Лучше погодить. Вдруг первый шаг сделает сама Модести? Или Вилли. От ее имени.

Таррант погрузился в воспоминания, уносясь мыслями в те далекие дни, когда он решил впервые использовать Модести Блейз. Это случилось вскоре после того, как Модести отошла от дел и купила себе роскошный пентхауз с видом на Гайд-парк, а Вилли Гарвин, также «завязавший» с преступной деятельностью, приобрел пивную. Оба были богаты, оба имели массу свободного времени — и оба изнемогали от скуки.

Первым не выдержал Гарвин. Он сбежал в банановую республику в Южной Америке и нанялся делать там революцию. Но без Модести Вилли напоминал лампочку, отсоединенную от источника питания. Он действовал без привычной лихости и вскоре был не только пойман, но и приговорен к смерти, приняв это с каким-то летаргическим фатализмом.

Именно тогда-то Таррант, получив сведения о судьбе Вилли, решил использовать это как рычаг для вовлечения Модести в одну странную и тайную операцию. Впрочем, он вовремя послушался внутреннего голоса и, отбросив идею шантажа, выдал ей информацию просто так, без каких-либо предварительных условий. Это помогло ей быстро вызволить Вилли из плена и спасти ему жизнь.

Таррант не ошибся, послушавшись своего внутреннего голоса. Модести приняла его приглашение участвовать в операции. Она только еще заметила: «Откуда это вы узнали, что я не только ненавижу шантаж, но также ненавижу оставаться в долгу?» Он хорошо помнил финальную стадию операции, подсчет убитых. Даже теперь у него по спине пробежал озноб. Модести и Вилли тогда победили, но и сами уцелели с большим трудом.

Но новая работа конечно же не имела ничего общего с кошмарами той давней операции. Таррант еще раз просчитал варианты и решил, что не кривит душой. И вообще пока что речь шла даже не о работе, просто возникли кое-какие туманные подозрения, которые надлежало развеять.

Он вздохнул и вернулся в настоящее. Вилли удалился в мастерскую, чтобы положить на место свой миниатюрный радар. Модести мирно курила сигарету.

— Ну что ж, — начал Таррант, — сегодня я провел в вашем обществе замечательные часы. У вас есть какие-то новые предложения или я уже злоупотребляю вашим гостеприимством? Будьте со мной абсолютно честны.

— Я противница абсолютной честности, — отозвалась Модести умиротворенно-рассеянным тоном. — Это порой убивает учтивость и нередко звучит слишком жестоко. По возможности не следует причинять людям боль...

Таррант бросил взгляд на ковер, на конго на столе и рассмеялся. Модести сперва озадаченно посмотрела на него, но быстро сообразила, что он имеет в виду, и тоже улыбнулась, причем именно так, как это нравилось Тарранту — лукаво, с озорством подростка.

— Я имею в виду вовсе не ту боль, — сказала она, — и вы, кстати, прекрасно это понимаете, сэр Джеральд.

— Конечно, — кивнул Таррант, надеясь, что эта улыбка останется на ее лице еще какое-то время. Она появлялась редко и приводила его в восторг. — Но все-таки, возвращаясь к моему вопросу, вы будете со мной учтивы или честны?

— И то, и другое. После того как мы с Вилли проводим вот такой бой, мы любим тихо провести остаток дня. Он примет душ, мы выпьем чаю и просмотрим воскресные газеты. Потом, наверно, совершим прогулку в лодке Вилли. Он будет удить рыбу, а я просто лежать и дремать. Если эта программа не кажется вам слишком скучной, милости просим в нашу компанию.

— Я старый рыбак, — заметил Таррант. — Кстати, вы ведь, кажется, обещали мне сегодня рыбалку. Вилли может одолжить мне удочку? Это не составит для него проблему?

— У меня их целая дюжина, сэр Джи, — отозвался Вилли, появляясь на пороге мастерской. — Так что выбирайте оружие.

Модести затушила сигарету и сказала:

— Тебе надо принять душ, Вилли. А я пока переоденусь. Через десять минут я буду готова.

Она встала и двинулась в одну из душевых, на ходу развязывая алый кушак.

Лодка была привязана под большим букром у самой воды. Модести Блейз улеглась на подушки и прикрыла глаза. У кормы стояло ведерко, в котором плавали две-три плотвички, двухфунтовый окунь и толстяк карп в десять фунтов.

Таррант пользовался бамбуковым удилищем и леской с двумя поводками, как это принято в Норфолке. Вилли ловил на донку. Короткое удилище было закреплено в трубке, вставленной в отверстие планшера, а к леске сверху был прикреплен кусочек теста, чтобы сразу понять, как клюнувшая рыба начнет уходить. Вилли сидел, опершись на борт, и мирно покуривал.

Примерно уже полчаса в лодке царил полнейшее молчание.

— Ну, как работа, сэр Джи, — наконец нарушил тишину Вилли.

— То так, то этак... Вы же знаете, как бывает... прошлая неделя выдалась тяжелой, но в этом году это наша первая потеря, поэтому грех жаловаться. Мне повезло больше, чем Рене Вобуа.

Рене Вобуа, возглавлявший Второй отдел в Париже, был коллегой и давним приятелем Тарранта.

— Да, ему вряд ли было приятно узнать, что Руазе и Арди работали не столько на него, сколько на ОАС, — заметил Вилли.

— Что и говорить, приятного тут мало, — кивнул Таррант. — Работа сама по себе достаточно трудная, а тут еще все время приходится оглядываться. Уж не знаю, как это удастся Рене, но, когда я видел его в прошлом месяце, он и виду не подал, что у него большие неприятности.

— Рене выстоит, — подала голос Модести, — это человек, каких мало. — Она открыла глаза, увидела на лице Тарранта улыбку и заметила: — Надеюсь, сэр Джеральд, вы не усматриваете в

этом проявления неучтивости?

— Нет, это только честно. И справедливо.

— Вы недооцениваете себя. Я ценю вас не менее высоко, но просто вы принадлежите к другой категории людей. Вобуа Руководствуется логикой, вы же больше полагаетесь на интуицию. У каждого из вас есть качества, в которых вам нет равных, но результаты, которых вы оба добиваетесь, схожи. — Она поудобнее устроилась на подушке и добавила: — Это не просто эмоциональное заявление. Вы оба находились у нас под микроскопом, когда мы еще работали.

— Я лично обеими руками за интуицию, — сказал Вилли. — Помните дело Габриэля, сэр Джи? Вы тогда не ошиблись в своих догадках.

— Так-то оно так, — сказал Таррант, чувствуя, как его охватывает легкое возбуждение, — но мое начальство не склонно придерживаться вашей позиции, Вилли. Они любят факты. И потому мне не часто приходится тратить наше время и деньги на смутные догадки. По крайней мере, официально...

Наступило довольно многозначительное молчание. Модести снова прикрыла глаза и сказала:

— Их за это трудно осуждать, но все же порой это, наверно, утомляет...

— Порой да. В высшей степени утомляет, — произнес Таррант с легким нажимом на последнем слове.

— Что-то новенькое? — осведомился Вилли и выбросил сигарету за борт.

Таррант дернул удочку, но, увидев, что тревога была ложной, заново забросил леску.

— Вы имеете в виду нынешнюю ситуацию? — спросил он, выигрывая время.

— Да, да, он имеет в виду нынешнюю ситуацию, — с легкой усмешкой подтвердила Модести. — Ну, так что — опять какие-то проблемы?

Таррант вдруг почувствовал странное сочетание облегчения и сожаления. Удобный момент возник, и оставалось лишь разумно им воспользоваться. Он поджал губы, задумчиво покачал головой и сказал:

— Нет, ничего такого, что было бы по вашей линии, сейчас вроде бы не наклеивается. — Он выдержал театральную паузу, а потом добавил: — Практически ничего.

— Когда вы говорите «практически ничего»... — начала Модести и замолчала, превратив тем самым недоконченную фразу в вопрос.

— Нет, я просто хотел сказать, что меня сейчас гложет одно дурацкое подозрение. — Таррант коротко усмехнулся, как бы иронизируя над самим собой. — Еще более туманное, чем в прошлый раз.

Модести медленно встала, поправила подушки, зажгла новую сигарету.

— Может, расскажете? — попросила она.

— Тут, собственно, не о чем толком и рассказывать. — Таррант передал удочку Вилли и вытащил черный бумажник. — Боюсь, вы не найдете тут ничего особо интересного. — Он

вынул желтый листок и передал Модести.

Это была листовка форматом восемь на пять дюймов, приглашавшая всех желающих и политически зрелых людей посетить собрание Друзей Свободного Кувейта, проводившееся в зале на Госсли-роуд. С речью должен был выступить глава правительства Свободного Кувейта эс-Сабах Солон.

Модести просмотрела листок и передала его Вилли, который, вернув удочку Тарранту, погрузился в изучение текста.

— Странное имя эс-Сабах Солон, — сказала Модести. — То ли греческое, то ли арабское... И как же ему удалось стать главой правительства Свободного Кувейта?

— Такого правительства нет в природе, — отрезал Таррант. — Есть лишь этот Сабах Солон и несколько его приспешников. С теми же основаниями я могу, например, объявить себя главой правительства Свободной Монголии. Это чушь. Кувейтцы совершенно довольны своими просвещенными правителями.

— Но все-таки у этого Солона есть какая-то пламенная идея? Какие-то основания сыграть руководящую роль?

— Он называет себя прямым потомком рода эс-Сабах, представители которого были первыми поселенцами в Кувейте, еще в восемнадцатом веке, — сказал Таррант. — Тогда там была самая обыкновенная пустыня. Сейчас страной правит, как вы, наверно, знаете, шейх Абдулла, потомок первого эмира Кувейта. Эс-Сабах Солон утверждает, что у него гораздо больше прав управлять страной и в виде доказательства приводит довольно странное и совершенно фальшивое генеалогическое древо.

— Это все, так сказать, гарнир, — молвил Вилли, отрываясь от листовки. — В чем суть игры, сэр Джи? Где зарыта собака?

— Я даже не знаю, зарыта ли она вообще.

— Ладно, тогда скажем так: что шепчет вам смутный внутренний голос?

— Порой даже трудно себе представить, что нефть в Кувейте брызнула фонтаном всего лишь полтора десятка лет тому назад, — сказал Таррант. — Сегодня же они добывают до сорока тысяч тонн в сутки. И там сосредоточена четверть всех мировых запасов нефти.

— Так, так, — покачал головой Вилли. — В таком случае кое-что начинает проясняться. Но это все пока полная ахинея, — он постучал пальцем по желтому листку. — Курам на смех. Бред сивой кобылы.

— Мы были в Кувейте четыре года назад, — сказала Модести, — и он не показался нам рассадником революционных идей. Сомнительно, чтобы все там так переменялось.

— Перемены исключительно к лучшему, — заметил Таррант. — Это маленькая процветающая страна, которой управляют вполне разумные люди.

— Тогда этот Солон с его освободительными идеями — псих, как полагает Вилли?

— Выходит, так, — ответил Таррант, глядя на поплавок. — Над ним смеется мой министр, над

ним смеются в Кувейте. Но мне почему-то не смешно. Получается, что только у меня начисто отсутствует чувство юмора.

Воцарилось долгое молчание. Таррант понимал, что два очень проницательных ума занимаются оценкой услышанного.

Модести кивнула на листок, который по-прежнему держал в руке Вилли.

— Одного этого мало. Даже для гипотезы нужно кое-что еще.

— Сухая правда, — сказал Таррант и замолчал. Вилли стал сматывать свою донку. Когда он хотел уже положить ее на дно лодки, Модести вдруг протянула руку. Он передал удилище Модести, которая взяла его в обе руки и, вытянув их, кончиком дотронулась до листа на одной из нижних ветвей бука, прямо над головой Тарранта.

Она трижды повторила эту процедуру, и трижды кончик удилища дотрагивался до одного и того же листа. Вилли следил за ней и одобрительно кивал головой, всякий раз когда кончик удочки касался листа.

— Не считите за назойливость, но интересно, чем вы сейчас занимаетесь? — не выдержал Таррант.

— Думаю, — сказала Модести, и в глазах ее он увидел полную сосредоточенность.

Когда же в очередной раз удилище коснулось листка, он сказал:

— Да, но я имел в виду, чем вы конкретно сейчас занимаетесь, моя дорогая...

— А! — Она рассмеялась и вернула удилище Вилли. — Проверяю то, о чем мы давно говорили. Это упражнение носит чисто академический характер. Никакого отношения к тому, о чем я сейчас думаю.

— Понимаю... Точнее сказать, ничего не понимаю. Вы меня несколько озадачили...

— Извините, я этого совсем не хотела. Вы не станете возражать, если мы с Вилли посетим это самое кувейтское собрание?

— Я был бы счастлив узнать ваше мнение о нем. Но только не привлекайте к себе лишнего внимания. Очень вас прошу.

— Мы всегда очень осторожны, сэр Джеральд. А вы там тоже будете?

— Не на виду у всех.

— В таком случае, быть может, мы встретимся потом у меня и обсудим увиденное?

— Собрание проводится с восьми до девяти, — сказал Таррант. — Что, если я появлюсь в начале одиннадцатого?

— Прекрасно.

Тут поплавок Тарранта ушел под воду, он потянул, и не напрасно. Ключнул толстый окунь, которого он не без усилий втащил в лодку. Снимая с крючка рыбу и бросая ее в ведро, Таррант заметил:

— Собственно, проблема состоит в одном. Похоже, нам с вами придется обходиться без Вилли.

— Это еще почему? — В голосе Вилли послышалось возмущение.

— Просто я вспомнил о Мелани, — невозмутимо продолжал Таррант. — Такая темноволосая и большеротая... Вы же, кажется, отправляетесь с ней завтра в Ле Туке на несколько дней...

Вилли с облегчением улыбнулся и сказал:

— А, не беда. Мелани не столько путешественница, сколько обжора. Романтике она предпочитает хорошую еду. Думаю, ее сердце не окажется разбитым, если мы отменим поездку. В утешение я пошлю ей букет фиалок и пирог со свиной.

Глава 4

В высоком сводчатом зале дворца Либманн заканчивал обычное выступление перед новобранцами. Они сидели на скамейках и смотрели на экран, на котором демонстрировались слайды.

— И тогда, к шестнадцати часам, — заключил Либманн, кладя указку, — все ключевые точки окажутся в наших руках — аэропорт и морской порт Мина-эль-Ахмади, казармы, радиостанция, полицейские посты и весь город Эль-Кувейт. К тому времени организованное сопротивление будет давно подавлено.

На мгновение бросив взгляд на карту, он перевел его на собравшихся.

— Это означает завершение четвертого этапа операции «Единорог», после чего теоретически вы поступаете в распоряжение нового правительства, которое будет доставлено на место на самолете двумя часами раньше. Но по сути дела, сохраняется прежняя структура подчинения. Правительство будет ведать лишь политическими аспектами. Есть вопросы?

Встал долговязый, коротко стриженный поляк.

— В чем будут заключаться функции летучей пехоты по завершении первого этапа операции? — спросил он, как и полагалось, по-английски, тщательно выговаривая слова.

— Одно подразделение соберется здесь в качестве резерва, — сказал Либманн. Он снова взял указку и показал на карту, появившуюся на экране. — Второе подразделение будет заниматься попарным патрулированием в городе — для подавления возможных попыток стихийного сопротивления.

— Нам будут даны точные инструкции?

— Вам обязательно будут даны точные инструкции, Потоцкий, — холодно ответил Либманн. — Как я говорил вам вначале, это пока общий инструктаж.

Затем поднялся блондин с пухлыми алыми губами и томным взглядом. Его фамилия была Логан, его уволили из британской армии за то, что он забил до смерти африканца. Либманн держал его на заметке как потенциального заместителя командира отделения. Несмотря на его аристократический английский, Логан был смекалист и беспощаден. Из него вполне мог развиваться командир того типа, о котором говорил Карц.

— Военная сторона вопроса очаровательна, — сказал Логан. — Она работает. Но нельзя забывать и нашей заинтересованности в том, что произойдет дальше, Либманн. — Он показал рукой на карту. — Мы будем там, когда во все стороны полетит дерьмо, и, не считите за излишнее любопытство, нам хотелось бы знать о том, какие будут дальнейшие политические ходы. Британия обязательно должна на это отреагировать, равно как и американцы, и представители некоторых арабских государств. Как нам выйти из игры? И когда?

— Когда придет время, Карц вас подробно проинформирует об этом, — сказал Либманн. — Пока же я могу остановиться лишь на самых общих моментах. Вся операция спланирована таким образом, чтобы создать в стане оппозиции полную неразбериху. Нами будет использовано шестнадцать больших транспортных самолетов, в том числе восемь «Локхидов» типа «Геркулес» и восемь «Ан-12». Противотанковые мины, которые будут установлены вокруг города и порта — британского производства. Мотоциклы чешские. Маленькие быстрые автомобили-разведчики — немецкие. Основа нашего арсенала — система «Армалит AR-15», которая может действовать как автоматическая винтовка, пулемет и гранатомет... — Либманн помолчал и добавил: — Примеров, я думаю, хватит. Главное, сбить всех с толку. Некоторые страны сразу резко осудят случившееся как империалистический заговор, за которым стоит Америка. Вроде бы абсурд, но ряд африканских государств сразу же подхватит это.

Он сунул руки в карманы и устремил свой взгляд на Логана, который снова сел на скамейку.

— Вы упомянули реакцию международного сообщества, — сказал он. — Она, конечно, не заставит себя долго ждать. Американцы сразу станут отрицать свою причастность. Британцы начнут лавировать и горячо спорить друг с другом по телевидению. Тем временем эс-Сабах Солон выступит с обращением по радио. Он отвергнет идею иностранной поддержки. Он будет распространяться о неокOLONIALИЗМЕ, об агентах империализма, о нефтяных магнатах, о страдающих угнетенных людях труда. О несчастных кувейтцах.

Губы Либманна тронуло подобие улыбки.

— Некоторые государства, которые первоначально осудят за переворот Соединенные Штаты, затем сделают ловкий вольт. Они признают новый режим. Их примеру последуют и молодые государства Африканского континента. Здесь уже все тщательно рассчитано. Эс-Сабах Солон пригласит в Кувейт делегацию ООН, чтобы она проследила за ходом выборов, которые будут вскоре объявлены. Это создаст такой политический климат, в котором ни одно из ведущих западных держав не осмелится выступить против нас. Но наблюдательная комиссия ООН так никогда и не придет, поскольку будет пущен в ход механизм всевозможных проволок.

Логан рассмеялся. Либманн поднял руку и продолжил:

— Так пройдет двенадцать дней. На тринадцатый в одной из горячих точек планеты — будь то Кипр, Малайя или Латинская Америка произойдет нечто, способное отвлечь внимание мировой общественности от Кувейта. Не знаю, где именно это произойдет, да и не в этом дело. Главное, все сразу забудут про Кувейт.

— Ясно, — сказал Логан. — Подход понятен, и он, скорее всего, работает. Жизнь продолжается, а переворот в Кувейте — свершившийся факт. Но мы не можем слишком долго удерживать порядок в стране силой. Наша задача — получить причитающиеся деньги и отправиться по домам.

— Внутренняя политика Кувейта будет неразрывно связана с внешней, — отозвался Либманн. — Новое правительство должно будет обеспечить себе поддержку изнутри.

Собственно, уже существует достаточно сплоченная пятая колонна в самом Кувейте. Если правительство сумеет нейтрализовать хотя бы десять процентов населения, причем правильно выбранные десять процентов, то все наладится само собой. Будет быстро создано действенное полицейское государство.

— Как же удастся нейтрализовать эти самые десять процентов? — осведомился Логан.

— Разумеется, с помощью денег и патронажа. Доходы от нефти превышают миллиард долларов в год. Если не пожалеть двадцать пять процентов от этой суммы, то можно купить самую эффективную поддержку. Естественно, придется ликвидировать несколько недемократически настроенных личностей. Пресса и радио окажутся в опытных руках. Страны, которые зависят от кувейтской нефти, довольно быстро сядут за стол переговоров с новым правительством. Пройдет полтора месяца, и жизнь страны покатится по новым рельсам без помех. А мы тогда получим заработанное и отправимся восвояси.

Либманн замолчал и посмотрел на тех, кто сидел в зале. Кое-кто проявлял интерес к тому, что он говорил, но в большинстве своем новобранцы отнеслись к его словам с большим равнодушием. Политические проблемы их решительно не волновали. Либманн посмотрел на Логана и поднял брови.

Тот открыл было рот, но затем снова закрыл его и покачал головой.

— Правильно, Логан. — На губах Либманна опять появился призрачный улыбки. — Не надо спрашивать, кто наши работодатели. Это было бы опрометчиво.

Карц стоял на скале, образовывавшей склон небольшой ложины, отходившей на запад от основной долины, где находился дворец. Широко расставив ноги и сцепив руки за спиной, он, казалось, был вытесан из того же камня, что и скала, на которой он стоял, — ни дать ни взять гигантский тролль, которого обратил в истукана наступивший рассвет.

Карц смотрел на группу боевиков, которые внизу учились обращаться с длинноствольным оружием с большим, хоть и довольно легким цилиндром под казенной частью. Это оружие могло обслуживаться всего лишь одним человеком и было создано на основе сорокамиллиметровой пушки «Аврил», стрелявшей реактивными снарядами.

— Инструктаж прошел удовлетворительно? — спросил Карц, не поворачивая головы.

— Да, — ответил Либманн, стоявший рядом и чуть ниже. — Они быстро все усвоили. Это опытные профессионалы.

— Вопросы были?

— Ничего существенного. Логан, этот англичанин, интересовался, как затем будет развиваться политическая ситуация.

— Проявлял излишнее любопытство?

— Нет. Его интересовало, когда, собственно, можно будет вывести вооруженный контингент из страны. Это вполне нормально.

— Вы объяснили?

— В самых общих чертах.

— Люди были удовлетворены?

— По-настоящему проявляли интерес пятеро. Они действительно были заинтересованы. Я рекомендовал бы повнимательнее присмотреться к Логану. У него задатки лидера.

Реактивный снаряд со свистом вылетел из жерла орудия и устремился к силуэту танка, нарисованному на скале примерно в трехстах ярдах.

— Есть новости от нашего руководителя службы безопасности насчет Гарвина и Блейз?

— Только что пришел ответ. — Либманн подал листок бумаги. — Он признает их профессиональные качества, но выражает сомнения, что существует способ принудить их принять участие. С другой стороны, если таковой способ все же отыщется, он убежден, что нет необходимости проверять их пригодность, и предлагает нанять их сразу.

Карц повернулся, и его змеиные глаза уставились на Либманна.

— Его предложение отвергается, — отрезал Карц. — В вопросе подбора командиров я не могу положиться ни на чье частное мнение. Даже на ваше, Либманн.

— Но если он не сумеет отыскать рычаг воздействия? — спросил тот. — Что тогда?

Карц снова посмотрел на бойцов у пушки и медленно произнес:

— У этой женщины и этого мужчины есть прошлое. Там много разных любопытных деталей. Есть сложности. — Широкие монгольские ноздри чуть дрогнули. — Там, где есть сложности, есть способы воздействия. Рычаги. Я не сомневаюсь в этом, Либманн. Я это чувствую. Передайте моему заму по кадрам, пусть ищет. Хорошенько.

Несколько минут оба стояли в молчании, глядя вдаль. В самом конце полигона, там, где маленькая лощина немного расширилась, возник с десятков силуэтов, очень похожих на обычные, человеческие, только сильно раздувшиеся, распухшие. Они передвигались прямо по воздуху большими плавными шагами, словно космонавты на какой-то планете, где слабо действуют законы гравитации. Силуэты приземлились в очередной раз, затем снова взмыли ввысь и растворились в воздухе.

— Нам требуется еще тридцать комбинезонов для оснащения летучей пехоты, — сказал Либманн.

— Они прибудут завтра, если вдруг не испортится погода, — сказал Карц, вглядываясь в чистое раскаленное небо. — Контролеры высылают два самолета. Сорок тонн грузов.

Либманн кивнул. В голове у него возникла идея. Прежде чем заговорить, он тщательно ее обдумал.

— Вас устраивает бюджет этой операции?

Карц мигнул раз, другой, покосился на Либманна.

— Вы хотите знать точные цифры?

— Нет, я хочу знать, устраивает ли он вас.

— У меня есть эквивалент ста миллионов долларов, — отрезал Карц.

Либманн провел в уме быстрые подсчеты. Сорок пять миллионов на воздушный транспорт, пятнадцать миллионов на оружие, боеприпасы, взрывчатку, тридцать с чем-то миллионов на жалование наемникам, миллион с лишним на содержание маленькой армии в подготовительный период и во время операции, четыре миллиона на перевозку людей и оборудования. Оставался очень небольшой фонд для непредвиденных расходов.

— Бюджет хорош, — сказал он вслух. — Меня даже удивляют его размеры.

— Вы считаете, это много?

— Да.

— Англичане тратят столько же в неделю на азартные игры. Это жалкие крохи. По сравнению с тем, какие прибыли все это может принести.

— Да, прибыль ожидается внушительная. Больше, чем в той тибетской авантюре.

— Гораздо лучше. Наша часть операции заняла два года, а бюджет был в три раза меньше.

Либманн подумал о Тибете. В основном все сводилось тогда к преследованию и уничтожению, и, если не считать отдельных занятных моментов, быстро ему надоело. Эта же операция с участием небольшой, но хорошо обученной армии, состоявшей исключительно из профессионалов-наемников, выглядела не в пример интереснее.

Либманн сложил листок с донесением и сунул в карман.

— Я тотчас же отошлю ваше распоряжение, — сказал он. — Относительно Блейз и Гарвина.

Аудитория, где проводилось собрание, была тесной, обшарпанной, неудобной. Она вмещала двести человек. В одном конце возвышалась маленькая сцена с занавесом, который был раздернут, потому что давно уже от ветхости пришел в негодность и не работал. На противоположной стене, за которой находилась будка киномеханика, были прорезаны два окошечка.

Таррант смотрел, как человек из его отдела, по фамилии Бутройд, отбирал нужные для показа слайды. В будке стояли проекторы «Кершо» для слайдов и диафильмов, и «Белл-Хоуэлл» с четырехдюймовой линзой для показа фильмов.

Таррант уже успел просмотреть кое-какие слайды. На них изображались несчастные арабы, страдавшие от нищеты, грязи и издевательств. Вряд ли съемки производились в Кувейте, но все это не имело никакого значения. Большинство из тех, кто пришел сюда, были заранее готовы поверить в то, во что им хотелось верить.

Аудитория должна была состоять из идиотов, психов, идеалистов, иностранных студентов. Кроме того, там непременно окажутся двое-трое спокойных, хладнокровных «товарищей», которые попытаются понять, не найдутся ли среди этой публики достойные зерна для жерновов их мельницы. Ну и конечно, зайвится и кто-то желающий немножко повеселиться.

Таррант подумал о тех трудностях, которые выпали на долю Джека Фрейзера, которому нужно было устроить в качестве киномеханика их человека и не вызвать при этом никаких

подозрений. Нет ничего труднее подобных мелочей, подумал Таррант. Но Джек не ударил в грязь лицом.

Таррант подошел к окошку и посмотрел в зал. Вход находился у самой сцены. Это, конечно, создавало проблемы для Вилли и Модести. Они не могли проскользнуть незаметно и спрятаться на последних рядах. Интересно, как они поступят? Скорее всего, они появятся, когда в зале погаснет свет, и начнут показывать эти жуткие слайды...

Но Модести заметит кто-то из «товарищей». В таком сообществе она будет выделяться, словно лошадь чистокровной верховой породы в деревенском стойле.

Таррант окинул взглядом зал. Два передних ряда пустовали. На деревянных стульях сидело человек пятьдесят. Время от времени появлялись новые лица — парами или поодиночке. Таррант не без удивления отметил, что ни разу еще не появилась группа из трех и более персон.

С краю примостился усталого вида человек, вынул блокнот, положил его на колени и откинулся на спинку, прикрыв глаза. Это был местный репортер.

По правому проходу быстрой походкой прошагал индийский студент с книжками под мышкой. Затем оглянулся, протиснулся между сидевшими в одном ряду и спинками стульев предыдущего, устроился посередке, открыл одну из книжек и углубился в чтение.

Вошла еще одна парочка. На мужчине был коричневый пиджак и серые фланелевые брюки. Вишневого цвета галстук сочетался с не очень белой рубашкой в тонкую голубую полоску. Под серой кепкой виднелись седеющие волосы. У него были желтоватые усы заядлого курильщика и живот любителя пива. Он вошел, агрессивно выставив вперед свое пузо.

«Этот из профсоюзов, — подумал Таррант. — Братец Блоггс. Зачитает заявление исполнительного комитета». Таррант с сочувствием посмотрел на его супругу. Это была женщина с желтоватым цветом лица и в очках в проволочной оправе. Она смущенно семенила за своим самоуверенным супругом. Хоть вечер выдался теплый, на ней было мешковатое черное пальто, на руках — маленькие коричневые перчатки, а на голове похожая на горшок фетровая шляпа.

«Собственного изготовления, — отметил Таррант. — Когда супруг и повелитель вечерами занят профсоюзными делами, она посещает занятия по рукоделию». Он взял за бинокль, висевший у него на шее.

Человек с пивным пузом проталкивался по одному из рядов, его жена трусила следом. В бинокль Таррант видел, как шевелились ее губы. Надо полагать, она бормотала извинения. Ее муж внезапно остановился, и она врезалась в него. Он сердито посмотрел на нее и недовольно мотнул головой. Она села и съежилась, словно перепуганный кролик.

Ее муж оглядывался по сторонам настороженно, даже враждебно, медленно поворачивая голову то вправо, то влево. На какое-то мгновение он устался прямо на квадратное окошечко кинобудки. Таррант вдруг испытал тревожное ощущение, но затем успокоился. Его не было видно из зала. Он успел проверить это заблаговременно.

Братец Блоггс сунул в ухо мизинец и раздраженно стал вертеть им. Затем он повернулся, сел на стул и, сложив руки на груди, застыл в позе непоколебимого пролетарского вождя.

— Господи, — вдруг тихо пробормотал себе под нос Таррант. На это Бутройд оторвал взгляд от

слайдов и тревожно спросил:

— Что-то не так?

— Нет, — отозвался Таррант. — Все в порядке. Просто я увидел двоих своих знакомых...

Прошло полчаса. Седовласый и эксцентричный член парламента представил собравшимся эс-Сабах Солон, возглавлявшего правительство Свободного Кувейта.

Тот, в свою очередь, представил аудитории министра иностранных дел по имени Рида Тувайни.

Затем началась демонстрация слайдов, сопровождавшаяся полными горечи комментариями министра иностранных дел, вызывавшими искренние аплодисменты.

Затем слово взял эс-Сабах Солон, — среднего роста, с густыми черными волосами и большим носом, торчавшим между огненных глаз. Он был одет в серый костюм и белую рубашку. По-английски говорил с акцентом, но достаточно четко. В нем чувствовалась уверенность в себе, здравомыслие и пламенная энергия, впрочем, находившаяся под хорошим контролем. И внешность, и манера держаться находились в странном контрасте с абсурдностью темы собрания.

Он продемонстрировал на экране какую-то замысловатую геометрическую фигуру, призванную доказать, что именно он, эс-Сабах Солон, является истинным законным правителем Кувейта. Упомянув ранее показанные слайды, он отметил, что его соотечественники изнемогают под ярмом угнетателей. Затем заговорил о будущем.

— Тирания несет в себе семена саморазрушения. — Его голос хоть и не отличался громкостью, но был хорошо слышен по всему залу. — Угнетение вызывает желание и силы добиться свободы. Но дайте срок! — Тут эс-Сабах Солон обвел взглядом зал и продолжил: — Придет день, и очень скоро, друзья мои, когда угнетатели поймут, что такое гнев народных масс. У нас есть силы дать достойный отпор тиранам. Медленно, но верно мы наращиваем военную мощь с тем, чтобы преданные идеям независимости люди с оружием в руках заявили о наших правах и чтобы очистительный ветер свободы наконец пронесся над нашей любимой родиной.

Эс-Сабах Солон соединил ладони и заговорил медленно, но с большой выразительностью:

— Готовы ли вы поддержать нас? Думаю, что готовы. Вы спросите, как? И я вам отвечу. Дело не в деньгах. — По залу прокатился легкий гул одобрения. — Дело в вашей доброй воле. Мы хотим, чтобы вы потрудились ради нашей страны и помогли создать тот общественный климат, ту атмосферу, в которой наши задачи, цели предстали бы в истинном демократическом свете. Напишите вашим членам парламента, который является отцом демократии, напишите в ваши газеты. Примите резолюции на ваших профсоюзных и партийных собраниях — резолюции, которые поддерживали бы справедливую борьбу нашего народа. — В конце каждой фразы эс-Сабах Солон для вящей убедительности тихо хлопал в ладоши. — Помогите нам довести до сведения мировой общественности факт нашего существования. Расскажите всем о том, что мы преследуем достойные, благороднейшие цели. А когда пробьет час, и мы выступим, чтобы освободить четыреста тысяч наших томящихся в неволе соотечественников, поднимите голос в нашу защиту! — Он широко раскинул руки, обращаясь к собравшимся. — Вы живете в свободной стране. Я прошу вас: помогите моим братьям, которые влачат жалкое существование в рабских окопах. — Он замолчал и после значительной паузы голосом, срывающимся от волнения, добавил: — Я верю, что вы нас не подведете.

В зале зааплодировали. Эс-Сабах Солон сел и стал прихлебывать воду из стакана, а седовласый член парламента осведомился, нет ли у присутствующих вопросов.

Тогда встал человек с бледным лицом и печальными глазами, нервно откашлялся и спросил:

— Вы упоминали военную мощь. Означает ли это, что вы намерены применить насилие?

— Нет! — сказал эс-Сабах, снова вставая. Его голос теперь был окрашен негодованием. Правительство Свободного Кувейта никогда не прибегнет первым к насилию. Но не следует забывать, что в настоящее время в Кувейте, по сути дела, идет война — война между безоружными кувейтцами и их поработителями, опирающимися на иноземные штыки. — Он горестно покачал головой. — Если эти несчастные — мужчины, женщины, дети — возопят о помощи, то неужели мы посмеем отказать им?

Кто-то громко зааплодировал. Бледнолицый человек смущенно опустил на свой стул.

Тут поднялся студент-индиец и быстро затараторил:

— Решительно не могу понять вашего утверждения, смысл которого, как я могу заключить, состоит в том, что правительство Свободного Кувейта располагает вооруженными силами. Общеизвестно, что вооруженные силы требуют финансов, но неизвестно, откуда у вас финансы. Объясните это парадоксальное положение: с одной стороны, кувейтский народ в цепях и бесправен, но, с другой стороны, есть армия, которая готова отстаивать его права?

— Вот слова практичного молодого человека, — с улыбкой отозвался эс-Сабах Солон. — Вопрос задан, как говорится, не в бровь, а в глаз, и я отвечу честно и открыто. Вот уже два года я и члены моего правительства ездим по всему белому свету и выступаем перед теми, кто сочувствует нашему народу. Мы не просим денег, но нас просто заставляют их принимать — и богачи, и бедняки.

Собравшиеся беспокойно заерзали на своих местах. Неужели сейчас пустят шапку по кругу, тоскливо подумалось многим из них. Вот влипли.

— Вы спрашиваете меня, как мы поддерживаем нашу армию, — сказал эс-Сабах, — и я отвечу: это вы, люди доброй воли, поддерживаете нас, выражая сочувствие, понимание, сострадание.

Это вызвало у аудитории вздох облегчения.

— Вы спрашиваете, существует ли наша армия? Да, она существует — в сердцах добровольцев, которые готовы отдать жизнь за торжество нашего дела, добровольцев, представляющих разные нации, разные религии, разные партии. Но мы молим Аллаха, чтобы в услугах этой армии так и не возникла бы необходимость. Мы молим Аллаха, чтобы нашим соотечественникам удалось сбросить рабские оковы без кровопролития, чтобы агрессоры оказались погребенными под обломками воздвигнутого ими здания деспотии.

Эти слова вызвали аплодисменты. Таррант, наблюдавший за ходом собрания в окошечко, вдруг затаил дыхание. Когда индийский студент опустил на стул, поднялся Вилли Гарвин. Впрочем, тут же Таррант облегченно вздохнул. Это было верным ходом. Братец Блоггс никогда не удержался бы от выступления. Это противоречило его пылкой натуре народного заступника.

— Господин председатель, — начал он резким, отрывистым тоном. — Как представитель британского пролетариата я хочу заверить правительство Свободного Кувейта, что оно может

всегда рассчитывать на нашу безоговорочную поддержку. Обещаю поднять этот вопрос на ближайшем же заседании нашего исполнительного комитета, в котором я занимаю не последнее место. И я не пожалею никаких усилий, чтобы на нашем следующем конгрессе была принята резолюция о солидарности наших рабочих с их угнетенными братьями в Кувейте и о желании видеть их освободившимися из-под железной пяты поработителей.

Вилли огляделся по сторонам с агрессивным удовлетворением, провел пальцем по своим прокуренным усам и сел с видом человека, который выполнил свой долг.

— А... благодарю вас, — сказал ему седовласый член парламента.

Братец Блоггс ткнул локтем в бок свою супругу, которая тут же принялась аплодировать. Другие собравшиеся последовали ее примеру, но вскоре хлопки стихли.

В кинобудке Бутройд украдкой посмотрел на своего шефа. Таррант прислонился спиной к стене, прикрыв глаза. На лице его было удовлетворение. Он еще раз прокручивал в памяти выступление Вилли, чтобы затем рассказать во всех подробностях Джеку Фрейзеру.

Джеку понравится эта самая «железная пята», весело отметил про себя Таррант. Только как же Модести ухитрилась сохранить серьезное выражение лица?! Да, спектакль удался на славу.

Глава 5

Лифт остановился, двери отворились. Таррант вышел в фойе и замер в изумлении. Перед ним стоял Венг, прижимая палец к губам. Таррант недоуменно поднял брови. Венг принял у него зонтик, потом с еле заметной улыбкой показал жестом на большую комнату за холлом.

Искусное освещение подчеркивало богатство расцветки столь любимых Таррантом персидских ковров, отсветы играли на фрагментах черно-бело-золотой гаммы интерьера.

Модести Блейз стояла на четвереньках, и глаза ее были завязаны шарфом. На ней были зеленые шелковые брюки, черная шелковая блузка с большим вырезом на ногах — открытые сандалии с плетеными золотыми ремешками. Волосы снова были собраны в шиньон.

Из всех украшений она надела сейчас лишь тяжелый браслет из черного, затейливо обработанного гагата. Таррант знал, что Модести сделала его собственноручно в своей отлично оборудованной гранильной мастерской, расположенной в одной из комнат пентхауза.

Таррант подумал, что с ее фигурой надо обязательно почаще надевать брюки. Они великолепно подчеркивали ее фигуру и теперь, несмотря на то, что она находилась в такой неординарной позе у одного из барселонских стульев. Чуть наклонив голову набок, она внимательно во что-то вслушивалась. В руке у нее была свернутая в трубку газета.

На противоположном конце комнаты сидела на корточках Люсиль в розовой пижаме. Она тоже была с завязанными глазами и со свернутой газетой в руке. Вилли Гарвин в темных брюках и серой рубашке со шнуровкой на воротах стоял на одном колене посреди комнаты. Глаза его были завязаны платком. В правом ухе Таррант заметил тот самый мини-радар. Одной рукой Вилли прижимал к полу комок коричневой оберточной бумаги, в другой его руке была свернутая в трубку газета.

Таррант стал с интересом следить за спектаклем. Модести, пятясь, обогнула стул. Потом

появилась с другой стороны стула. Люсиль ползком двинулась вперед, затем остановилась.

Вилли чуть повернулся боком, и бумага зашуршала под его рукой. Модести бесшумно двинулась на шорох. Люсиль осторожно сдвинула повязку вниз, так, что показался один глаз. Чуть приподнявшись, она двинулась вперед, словно краб, приподняв руку с газетой.

Вилли резко повернул голову и сказал:

— Обманщица! — Взмахнув своей длинной рукой он шлепнул газетой по голове Люсиль. Та ойкнула и, запоздало попытавшись увернуться, упала на бок. Вилли сдернул платок с глаз и устался на девочку.

— Обманщикам никогда не преуспеть в этом мире, — сказал он с напускной строгостью.

— Что случилось? — Модести приподняла свою повязку и спросила у Люсиль. — Ты подсматривала?

— Еще как, — кивнул Вилли. Теперь все трое стояли на коленях. — Я сразу понял это по сигналам. С завязанными глазами она ни за что не могла бы двигаться так быстро.

— Он так сильно меня стукнул, Модести, — плаксиво пожаловалась Люсиль.

— Не преувеличивай, — усмехнулся Вилли. — Разве можно сильно ударить газетой? — Он встал, подхватил Люсиль и ловко перебросил ее через плечи, словно хомут. — Но такое случается со всеми, кто жульничает — и попадаетеся.

— Он хотел сказать, со всеми, кто пытается жульничать, — нравоучительно добавила Модести, затем заметила Тарранта в фойе и поднялась на ноги: — Простите, сэр Джеральд. Я не заметила, что вы приехали.

— Вас занимали другие дела, — сказал Таррант с улыбкой. Когда он стал спускаться по ступенькам, чтобы поздороваться с Модести, Люсиль, по-прежнему находившаяся на плечах Вилли, вежливо произнесла:

— Добрый вечер.

— А, здравствуй, Люсиль, — откликнулся Таррант и к своему смятению обнаружил в своих интонациях фальшивую приветливость. — Ну, как поиграла?

— Спасибо, очень хорошо...

— Так, так...

— В постель, — возвестил Вилли. — Шагом марш. Только сперва скажи спокойной ночи Модести и сэру Джеральду.

— Спокойной ночи, Модести, — сказала девочка и получила холодный поцелуй в щеку. — Спокойной ночи, сэр Джеральд. — Таррант неловко похлопал по худенькой ручке.

Вилли двинулся со своей ношей и исчез в коридоре.

— Присаживайтесь, а мы с Венгом сейчас наведем порядок, — сказала Модести и стала двигать мебель на место.

— С вашего разрешения я немножко поброжу, — отозвался Таррант. Он подошел к широким полкам, закруглявшимся в углу комнаты.

Запомнившиеся ему часы-лев в стиле Каффиери исчезли, а заодно и тарелки северского фарфора, и еще ряд безделушек. На их месте появились голландский Кубок дружбы, парочка канделябров эпохи Георга Второго, а также набор японских нецке из слоновой кости.

Венг собрал газеты и удалился на кухню.

— Боюсь, что я не умею находить общий язык с детьми, — вздохнул Таррант, когда Модести подошла к нему. — И особенно смущает меня Люсиль.

— Чем же?

— Она вся в себе. Она так странно смотрит на тебя. Даже с вами и Вилли она как-то... — Он осекся, помолчал, потом сказал: — Даже не могу точно выразиться. Проявляет осторожность. Излучает какой-то холод. Что, учитывая ваше к ней отношение, не совсем справедливо...

Модести посмотрела на него с любопытством и сказала:

— Ей в общем-то не за что быть особенно благодарной. Действительно, в последние три года Вилли обеспечил ей вполне благополучную жизнь, да и я немножко помогла. Но в целом в старой жизни ей было веселее, несмотря на всю эту нищету и грязь...

— Веселее? — удивленно уставился на Модести Таррант. — В каком смысле?

— Она знала и понимала ту прежнюю жизнь.

— Но теперь Люсиль живет, не зная страха. Разве для детей не это самое главное? У нее есть вы и Вилли...

— Так-то оно так. Мы, конечно, готовы поддержать ее, но мы не с ней рядом, мы не одна дружная семья. Ну, а эта самая безопасность, — Модести обвела рукой помещение, — маловато для нее значит. Она ослабляет твои пружины...

— Многие махнули бы рукой на все свои пружины ради такой обстановки, — улыбнулся Таррант. — Но я-то думал, Люсиль не просто приспособится к новым условиям, но и почувствует какую-то благодарность...

— Но за что, если эта жизнь ей не в радость! — возразила Модести. — Мы стараемся как можем, но, если честно, то очень жаль, что иной раз нельзя пустить часы вспять. В каком-то смысле для Люсиль было бы лучше, если бы Вилли не повстречался ей в тот роковой день, когда погибли ее родители.

— Это очень жестоко, — произнес Таррант, находясь под впечатлением слов Модести.

Она же рассмеялась, глядя на его удивленное лицо, затем спокойно сказала:

— Я только говорю о том, что было бы для нее лучше. И признаться, мне странно слышать от вас упреки в жестокости.

— Почему?

— Потому что вы сами очень жестокий, даже беспощадный человек, сэр Джеральд. Впрочем, таким вам приходится быть по служебной необходимости.

— Может, и приходится, но я все-таки остаюсь старым сентиментальным джентльменом.

— Это еще хуже. Вам, значит, приходится постоянно заставлять себя быть еще беспощаднее, чтобы не дать сентиментальности взять верх. — Внезапно в ее глазах заплясали озорные искорки. — У меня, например, есть знакомый, старый сентиментальный джентльмен, который руководит каким-то таинственным отделом в министерстве иностранных дел. Но сильно сомневаюсь, что сентиментальное начало может помешать ему использовать меня в своих корыстных интересах...

— Сдаюсь! — со вздохом провозгласил Таррант. — Ваша взяла! Но возможно, он делает это исключительно потому, что подозревает, что вы ждете от него этого? Кто знает, вдруг в каком-то смысле вы сами его используете.

— Полагаю, он может сам за себя постоять. Кроме того, не так уж он и стар. — Она взяла Тарранта под руку и повела его к честерфилду. — Ну, а что будете пить?

— Спасибо, но пока я повременю.

— А вы поели? — спросила Модести и, поскольку Таррант замялся, сама и ответила: — Нет, конечно... Мы с Вилли тоже несколько закрутились сегодня вечером, поэтому я попросила Венга приготовить три порции цыпленка с салатом. Может, поедим прямо за разговором, без церемоний? Или это уже слишком?

— Меня это вполне устраивает. Кстати, я и сам стал свидетелем того, что у вас с Вилли выдался довольно бурный вечер. Блестящий спектакль, ничего не скажешь!

— Вы сидели в кинобудке?

— Да, но я распознал вас, только когда Вилли поглядел прямо в окошечко и сунул палец в ухо. Мне сразу вспомнился его радар. Скажите, вы что, положили за щеки резинки?

— Да, это самый элементарный способ изменить лицо, — кивнула Модести, а Таррант сказал:

— Вилли блестяще выразил свою поддержку Свободному Кувейту. Как это вы только не подали виду, что восхищены им?

— Я не просто переоделась в другую одежду, — без улыбки сказала Модести. — Я превратилась в усталую, застенчивую, боящуюся мужа женщину. Нет, мы играли на полном серьезе, раз уж вы попросили нас не высовываться...

Вилли вошел в комнату с испуганным лицом.

— Люсиль не сделала и половины тех заданий, что получила на каникулы, Принцесса. Она только что сама призналась. — Он почесал затылок. — Мать Бернар вынет из меня все кишки и сделает из них себе подвязки.

Модести залилась веселым смехом.

— Тебе хорошо, Принцесса, — жалобно произнес Вилли, — но в меня она вселяет ужас.

— Придется тебе написать письмо, в котором ты выразишь надежду, что ее обрадует, что

Люсиль сделала половину задания. И вложи чек на тот самый библиотечный фонд, про который мать Бернар тебе напомнила в своем письме.

Вилли сразу же просиял.

— Храни меня как зеницу ока, в тени крыл твоих укрой меня! — радостно процитировал он. — Псалом шестнадцатый, стих восьмой. Ну, что, может, теперь маленько подкрепимся?

— Да. Помоги Венгу принести подносы, чтобы он поскорее мог отправиться на свою дискотеку.

— Нельзя ли включить телевизор через десять минут? — осведомился Таррант, взглянув на свои часы. — У нашего друга эс-Сабах Солон будет брать короткое интервью.

— Он выступает по телевидению? — Модести удивленно уставилась на Тарранта. — Посол Кувейта будет недоволен.

— Там есть нечто вроде комического шоу, и я, признаться, пустил в ход кое-какие связи, чтобы устроить этот разговор. Программа называется «Люди, люди...», и обычно они приглашают туда разных чудаков с завиральными идеями. Эс-Сабах Солон появится почти в самом начале, на две минуты. Сразу после человека, который утверждает, что земля плоская.

— А какая же она еще? — спросил Вилли, уже направляясь на кухню. — Неужели вы всерьез верите психам, которые утверждают, что это шар?

Пятнадцать минут спустя, когда Таррант доел последний кусочек восхитительного салата с цыпленком, на экране телевизора возник эс-Сабах Солон. Он не поразил их ничем новым — все это уже они слышали сегодня, но в одном случае безукоризненно учтивый интервьюер попытался прищучить его.

— Итак, мистер Солон, вы утверждаете, что существует армия освобождения Кувейта и что в один прекрасный день она нанесет удар? — с деланным равнодушием осведомился он.

— Нет, речь не идет о нанесении удара, — резко дернулся араб. — Она будет защищать кувейтцев от тех, кто поработил мою родину.

— И эта армия существует не как общая идея, но как конкретные люди, оружие, боеприпасы? Эс-Сабах Солон поджал губы.

— Вряд ли сейчас имеет смысл распространяться на этот счет. Для этого мне потребуется одобрение моего кабинета, а я сомневаюсь, что они будут приветствовать преждевременное раскрытие карт, каковое может только помешать быстрейшему наступлению зари свободы в моей маленькой, но гордой стране.

— Спасибо большое, мистер Солон. На экране крупным планом возникло лицо интервьюера. С еле заметной улыбкой он сказал:

— Перед нами выступал эс-Сабах Солон, который, по его словам, возглавляет правительство Свободного Кувейта. А теперь предоставим слово мистеру Генри Мули из Сурбитона, который неоднократно видел фей в своем саду и в доказательство этого готов продемонстрировать сделанные им фотографии.

С помощью дистанционного управления Модести выключила телевизор и сказала:

— Нет, нет, сиди спокойно, Вилли.

Она собрала тарелки, унесла их на кухню, а затем вернулась, катя столик на колесиках, на котором стояло все, что нужно для кофе. Налив кофе Тарранту и Вилли, она не оставила без внимания и себя и уселась с чашкой в углу честерфилда.

— Пока этот Солон выглядит как шут гороховый, — сказала она. — Каков же второй фактор?

— Наемники, — сказал Таррант, глядя в чашку. — Мы присматриваем за этим народом, который время от времени начинает скапливаться во взрывоопасных местах нашей планеты. Некоторые из них люди как люди. Достаточно навести справки у тех, кого они вытащили из Конго. Но среди них попадаются и такие, кто за пятерку готов перерезать горло ближнему. И надо сказать, что слишком большое количество подобных субъектов в последние дни вдруг выведено из игры. И никто не знает, куда они делись.

— Вы имеете в виду наших соотечественников, англичан? — спросил Вилли.

— Там представлены все национальности, — отозвался Таррант. Он помешал ложечкой кофе и извиняющимся тоном заметил: — У меня такое впечатление, что Солон кричит: «Волки!», чтобы как раз скрыть суть своей армии. А заодно и подготовить общественное мнение к тому, что она может нанести удар.

Наступила долгая пауза. Таррант почувствовал облегчение, так как ни Вилли, ни Модести, выслушав его резоны, не проявили удивления. Они размышляли, трезво оценивая ситуацию. Время от времени они поглядывали друг на друга, словно телепатически обменивались информацией. Пауза затянулась на добрые три минуты.

— Но тогда нужна хорошая база где-то неподалеку от места нанесения удара, Принцесса, — сказал наконец Вилли, словно продолжая дискуссию.

Модести кивнула.

— Да, это главное препятствие. Ну и проблема поддержки, разумеется. Хотя это уже не препятствие, а просто большой вопрос. — Модести посмотрела на Тарранта. — Россия, Китай, или и Россия, и Китай?

— Не исключено, — кивнул Таррант. — Они, конечно, воюют друг с другом на идеологическом фронте, но в отдельных вопросах неплохо действуют заодно... — Таррант осекся и вдруг спросил: — Но вы все-таки принимаете эту гипотезу как вероятную?

— Тут, скорее, специалист Вилли, но он пока не видит никаких противоречий.

— Мое начальство придерживается иного мнения. Они с пеной у рта уверяют меня, что подобная операция просто не может быть подготовлена тайком. Слишком велик размах...

— Тоже мне размах, — презрительно перебил его Вилли. — В наши дни один человек с помощью современного вооружения равен танку времен второй мировой. Взять, к примеру, винтовку «стонер» и систему, которую сейчас разработали янки. Шесть видов оружия в одном! Причем все отлично заменяется. Или опять-таки «редай», М79, «аврок»... Кувейт — это клочок земли. Армии настоящей нет. Один батальон хороших солдат с современным оружием и нормальным транспортом — и за двадцать четыре часа дело будет сделано.

— Вы полагаете, это элементарная военная операция? — осведомился Таррант.

— Нет, насчет элементарной я бы не торопился! Тут нужны недели тщательного планирования, серьезная разведка... Надо найти надежных солдат, хорошо их вооружить и поставить во главе крутых командиров. И, главное, надо вовремя их двинуть вперед. Чтобы они оказались, где надо и когда надо со всем необходимым оборудованием.

— Опять мы подходим к проблеме расстояния. Нужна база, причем не слишком удаленная от места операции, — сказала Модеста.

— В наши дни, Принцесса, можно начинать издалека, — задумчиво проговорил Вилли. — Не могу сказать точно, как это устроено в данном случае, но такое вполне реально. — Он вдруг ухмыльнулся и обернулся к Тарранту. — Слушайте, вы можете получить мнение куда более сведущих людей. Я не генерал.

— Я уже говорил с военными экспертами, — сказал Таррант. — Их точка зрения в принципе совпадает с вашей. — Он вспомнил длинные ряды полок в комнате Вилли. Одна из них была заставлена книгами по тактике и стратегии боевых действий, оружию, истории великих сражений. — И неудивительно, — добавил Таррант.

— Вы боитесь *fait accompli* [4]? — спросила Модести.

— Да, в наше время это серьезный аргумент. — Таррант неуверенно пожал плечами и добавил: — И еще я боюсь, что у меня сильно разыгралось воображение.

— Это вполне может быть, — кивнула Модести. — Ну, а как насчет прочих факторов?

— Прямо даже не знаю, — пожал плечами Таррант. — Стоит начать строить теорию, как в нее легко втискивается все подряд. Но по сведениям ЦРУ, Солон имел контакты с советским послом в Стамбуле, а Рене Вобуа говорил, что встречался также и с китайским дипломатом в Бейруте. Впрочем, никто пока не придает этому особого значения. Солон пытается зарекомендовать себя в глазах русских и китайцев как законный правитель Кувейта в изгнании, и они могут держать его про запас — на всякий случай.

— Но других причин внезапного исчезновения множества головорезов пока нет, — произнес Вилли.

— Это само по себе любопытно, — сказала Модести, знаком приглашая Тарранта взять себе сигару из шкатулки.

Снова наступила пауза. Таррант раскуривал сигару, ожидая, не появятся ли новые вопросы или замечания. Вскоре он понял, что ждет напрасно. Вилли и Модести сами выжидательно смотрели на него.

— Э... понятно, — промычал он, глядя на кончик сигары. — Просто я подумал, что если кто-то решил заручиться помощью самых лихих мастеров ратного дела, то не исключено, что и ваши имена могли всплыть в их списках...

— Они вербуют разное отребье, а не элиту, сэр Джи, — вежливо поправил его Вилли.

— Это вопрос точки зрения. Я не обсуждаю моральные качества... Просто те, кто вложил деньги в это предприятие, явно не прочь нанять самых опытных, самых хладнокровных профессионалов.

— Может, мы и значимся в каких-то там списках, — отозвалась Модести, — но это ни о чем не говорит. Я никогда не выставялась на продажу и Вилли тоже — с тех пор как стал работать со мной. А это случилось давно... — Она посмотрела на Тарранта с легким недоумением. — К нам никто не обращался, если вас интересует это... И вряд ли кто-то обратится. Мы, так сказать, птицы другого полета.

— Знаю. — Таррант грустно посмотрел на натюрморт Брака на стене напротив. — Я, право, не могу себе представить, чтобы вы оказались в тех кругах, где бы вам могли сделать такое предложение, и вам совершенно ни к чему прилагать к тому особые усилия... Какой прекрасный Брак!..

Модести промолчала. В комнате стояла тишина, которую нарушало тиканье больших французских часов.

Модести затушила сигарету, устроилась в углу честерфилда, закинув руки за голову. Глаза ее были открыты, но она смотрела невидящим взглядом в какую-то удаленную точку. С истинным, но лишенным каких-либо признаков сексуального влечения удовольствием Таррант любовался очертаниями ее груди под шелком блузки.

У нее было великолепное тело. Тарранту случилось однажды его увидеть. Внезапно в его памяти замелькали картины прошлого.

4

Свершившийся факт, нечто, не подлежащее изменению (фр.).

Квартира-мастерская художника в Каннах... Нож, пущенный рукой Вилли, просвистел через комнату и вонзился в предплечье бандита... Модести, лежавшая на кушетке со связанными за спиной руками, произнесла одно-единственное слово, помешавшее Вилли метнуть второй нож и отправить бандита к праотцам. Затем Вилли подошел к ней, приподнял, и разрезанный сзади халат упал, обнажив ее до пояса.

Эти эпизоды запечатлелись в памяти Тарранта в цвете, и за это он был весьма благодарен своему сознанию, поскольку, как правило, картины прошлого он помнил лишь в черно-белой гамме. Кроме того, он был также благодарен судьбе или себе, что эпизоды с участием Модести рождали в нем чисто платонические чувства. Вот и сейчас он получал лишь эстетическое удовольствие от игры света и тени на ее лице, от изгибов и выпуклостей ее фигуры.

Вилли Гарвин слегка постучал пальцем по колену Тарранта и поманил к большой стеклянной двери у окна, что вела на террасу. Таррант последовал за Вилли. Тот закурил сигарету и, опершись о каменный парапет, стал разглядывать вечерний Лондон.

— Что происходит? — кротко осведомился Таррант.

— Вы хитрый старый негодяй, сэра Джи, — ухмыльнулся в ответ Вилли Гарвин.

— Уж не знаю, отвечаю ли я всем трех характеристикам сразу, — отозвался Таррант. — Но вы так и не ответили на мой вопрос, Вилли.

— Она работает мозгами, — сказал Вилли. — Запустила их на полные обороты. Такое я видел всего четыре раза. Вы ухитрились нажать какую-то потайную кнопку...

Таррант сделал глубокий вдох и начал считать звезды в созвездии Ориона. С удовольствием отметив, что все они на месте, он перевел взгляд на Вилли. И он, и Модести обладали удивительным даром достойно молчать в обществе, и это свойство доставляло Тарранту особое удовольствие.

Тут его вдруг осенило, и он спросил:

— Как вы полагаете, ваше участие в операции против Габриэля не повредило вам в отношении ваших контактов?

— Нет, — помотал головой Вилли. — Пошел слух, что Модести сама нацелилась на те десять миллионов фунтов, и у нее ничего не вышло только потому, что Габриэль успел ее опередить. Улов обещал быть обильным, и, значит, она вполне могла ради него тряхнуть стариной.

— Это хорошо... А как возник этот слух?

— Мы сами его пустили. Пришлось шепнуть словечко-другое в нужном месте и в нужный момент. А там ком уже покатился...

— Ну, а мое общение с Модести не создает для нее осложнений?

Вилли подумал, потом снова покачал головой.

— Нет, тут все в общем нормально. Мало кто знает, что вы руководите этим вашим хитрым департаментом, и то, что она поддерживает с вами контакты, вряд ли кого-то там испугает. Если она занимается своим старым делом, это даже полезно, если нет, то не имеет никакого значения.

Дверь на террасу открылась, и к ним вышла Модести. Глаза у нее как-то особенно сверкали, и в походке появилась небывалая упругость. Таррант впервые видел ее в том состоянии, которое, зная ее хладнокровие и умение скрывать свои чувства, можно было назвать крайним возбуждением.

— Вилли, — сказала она, кладя свою руку ему на пальцы, сжимавшие перила. — Похоже, все может сработать как надо, если мы, конечно, не будем зевать. Готов попробовать?

— Фиалки и пирог со свининой не задобрили Мелани, — отозвался он, — так что сейчас я как бы не у дел. Только вот что важно: если кто-то и нанимает профессионалов, это ведь может быстро кончиться.

— Да, тут, конечно, есть проблемы, но, если поторопиться, мы можем выйти на нужную орбиту. И мы могли бы постараться поработать с той идеей, которую ты излагал мне на прошлой неделе. Появляется и исчезает.

— Черт! — воскликнул Вилли, и на лице его появилась радостная улыбка. — Я ведь тогда просто так... упражнялся. Даже и в мыслях не держал, что из этого может выйти какой-то толк.

Таррант слушал, ничего не понимая, а потому решил вернуться к главному вопросу.

— Сколько времени вам понадобится на внедрение? Модести поставила локти на перила и уставилась на парк.

— Недели две. И тогда, если ваша догадка верна, сэр Джеральд, мы стремительно помчимся по этому желобу и узнаем, что там на другом его конце.

Таррант посмотрел на обнаженную руку Модести, на ее свежее лицо, на гибкую, стройную фигуру и подумал с внутренней болью, как уязвима человеческая плоть. А затем испытал уже не раз посещавшее его отвращение к себе и своей работе.

— Надеюсь, что я все-таки ошибаюсь, — проговорил он вслух.

Глава 6

В долине было жарко. Снежные шапки на вершушках тех гор, что пониже, заметно уменьшились, но самые высокие пики по-прежнему дремали под белоснежными одеялами. Суррат сидел на камне рядом с Хамидом и смотрел, как мимо проезжал грузовичок с длинным прицепом, на котором были ящики, прибывшие по воздуху и выгруженные на взлетно-посадочную полосу у озера полчаса назад. Грузовик остановился, и появившиеся люди стали проворно укладывать коробки и ящики на тележки и откатывать их по настилу в боковые двери дворца.

Примерно в пятидесяти шагах от Суррата, под небольшим навесом, собралось десятка три женщин. Они лежали на циновках или стояли маленькими группками и беседовали. Они представляли самые разные нации — с преобладанием азиатских, но попадались там и южноамериканки, и европейки. Их возраст был от семнадцати до тридцати пяти. Это были вымытые, ухоженные и сытые женщины. Забота об обитательницах сераля рассматривалась в долине как дело первостепенной важности. Кое-кто из молодых особ был в легких шелковых платьях, другие в шортах и пляжных юбочках. Некоторые даже щеголяли в купальниках современного покроя и фасона. Одна девица лежала, раскинув по сторонам руки, и принимала солнечные ванны в чем мать родила.

Суррат посмотрел на это женское сборище, и на лице его появилась холодная улыбка. В голой девице он узнал Лейлу из Бангкока. Эта китаянка с примесью французской крови — или наоборот — была нимфоманкой. Удивительным образом она не пользовалась популярностью у бойцов армии Карца. Новички выслушивали истории о ненасытности и изобретательности Лейлы и потирали руки в предвкушении райского блаженства. Потом они проводили с ней ночь, громко хвастались своими подвигами, но никогда впоследствии не прибежали к ее услугам.

Лейла лежала, время от времени переворачиваясь, пытаясь тем самым привлечь внимание проходивших мимо мужчин.

Суррат вспомнил свою ночь с Лейлой. Через три часа он почувствовал свой сексуальный голод совершенно утоленным, но она продолжала настойчиво высказывать новые желания, и Суррата это постепенно довело до белого каления. Он с радостью отправил бы ее в нокаут, но это было исключено. Карц категорически запрещал причинение телесных повреждений «сотрудникам женской секции», как именовался на официальном языке сераль. Нарушение этого правила привело одного солдата удачи на арену, где он и сложил голову в поединке с Близнецами. Поэтому Лейла, не стесняясь, требовала от Суррата продолжения развлечений, в конце концов вполне прозрачно намекнув ему, что у него возникнут большие неприятности, если она

запустит когти в собственное же тело, а потом завопит не своим голосом, призывая на помощь Майю, выполнявшую роль мадам.

Суррат почувствовал, как его бросает в пот при этих жутких воспоминаниях. Лейла была поистине безжалостна в своей погоне за наслаждением. Конечно, теперь Суррат мог заставить себя повествовать об этом с улыбкой и совсем уже искренне радоваться при мысли о том, каково приходится ничего не подозревающим новобранцам, но тогда ему пришлось несладко.

— Ты... Лейлу? — спросил он Хамида. Араб вскинул руку, чуть расставив указательный и большой пальцы.

— Очень недолго, — сказал он. — Она не годится для мужчины.

— Зато у нее богатая фантазия, — подмигнул Суррат. Ему хотелось заставить араба совершить опрометчивый шаг и записаться на всю ночь к этой стерве, чтобы она могла вволю порезвиться. — Одного раза тут явно недостаточно, дружище.

Хамид на это только поморщился.

— Нет человека, который доставил бы ей удовольствие, Суррат, — хмуро сказал он.

— Это так трудно?

— Нетрудно, если ты обезьяна. А для мужчины это просто опасно. Она может нанести удар по мужскому самолюбию. Причинить большой ущерб.

Суррат расхохотался. Его могучее тело заходило ходуном.

— Ах вы, чертовы арабы, — несколько раз повторил он. Хамид только пожал плечами. Они сидели и молча смотрели на работавших мужчин и бездельничавших женщин. Здесь собрались не все обитательницы сераля. Общая численность этого батальона шлюх достигала цифры пятьдесят, и кое-кто из них подписал контракт с обязательством оказывать определенные услуги за некоторую сумму, авансом переведенную на их банковский счет.

В большинстве своем они не проявляли никакого интереса к тому, ради чего собрались в этой долине мужчины. Их вполне устраивало их собственное положение, а все прочее никак не волновало. Впрочем, не все находились тут на добровольной основе. Трех приобрели в Саудовской Аравии как рабынь. Кроме того, имелись тут две венгерки и три китайки, которые в своих странах были политическими заключенными, и для них, судя по всему, теперешнее существование было все равно куда более сносным, чем жизнь, которую они вели у себя на родине.

— Карц не желает принять решение насчет командирской вакансии? — спросил Хамид.

Суррат ловким движением прихлопнул муху, севшую ему на Шею, и сказал:

— Нет. Он ждет, не получится ли у него роман с Блейз и Гарвином.

Хамид погладил приклад автоматической винтовки М-16, лежавшей у него на коленях, и покачал головой.

— Глупо. Кто станет слушаться женщину?

— Она крутая женщина.

— Но все равно женщина.

— Карц потребовал у Контролеров ее досье. Оно поступило вчера, прилетело на «Голубке». — Это был двухмоторный шестиместный самолет, который сновал между долиной и Кабулом на юге и какой-то точкой на севере, местоположение которой знали только оба летчика и сам Карц.

— И он по-прежнему хочет эту женщину? — спросил Хамид.

— После того как он изучил ее досье, он хочет ее, дружище, как никогда прежде.

Араб какое-то время молча смотрел в пространство.

— Какие-то новости от шефа по кадрам? — спросил он.

— Вчера пришло донесение.

— Хорошие новости?

— И плохие, и хорошие. Он полагает, что у нее есть устойчивый контакт с человеком, который может быть связан с британской разведкой.

— А хорошие?

— С Модести Блейз что-то случилось. Она вдруг засуежилась. Мечется по всему свету. Афины. Бейрут. Франция. И все за последние дни.

— Что она делает?

— Играет в азартные игры. Вообще-то для нее это не в диковинку. Однако она играет по крупной в частных заведениях. А это уже новость.

— Что же тут хорошего?

— Карц говорил, что нужен рычаг воздействия. Азартные игры — это слабость. А там, где слабость, там, глядишь, и рычаг... Хамид сплюнул и погладил ствол винтовки.

— Глупо, — презрительно повторил он. — Карцу следовало бы выбрать двоих мужчин, и дело с концом.

Суррат промолчал, а когда заговорил, то так тихо, что работавшие рядом никак не могли бы его услышать.

— Хамид, ты первый раз работаешь с Карцем?

— Да.

— Тогда вспомни, что он говорил вам в первую встречу. Я слышу это уже третий раз. Те, кем мы командуем, — животные. Таких, как мы с тобой, очень мало. Людей, которые в состоянии сформировать и повести за собой группу боевиков, чтобы выполнить приказ Карца, раз-два и обчелся.

— Командовать могут многие!

— Такими волками, как здешние ребята? Ничего подобного. И не в такой операции, как наша. У большинства есть привязанности — к своей стране, к какой-то глупой идее. — Суррат презрительно фыркнул. — Мы на них не похожи.

— Можно потратить много сил, чтобы заполучить эту женщину, — сказал Хамид, — но она возьмет и подведет. И тот мужчина тоже.

— Это головная боль Карца, — усмехнулся Суррат и встал. — Пусть он сам думает. Так или иначе, с Блейз и Гарвином или без них, он должен быть готов выступить, когда настанет день операции.

Вилли Гарвин прижимал к себе блондинку, пока ее не перестала сотрясать дрожь. Он поцеловал ее, потом отодвинулся на свою половину кровати и, подперев щеку рукой, стал наблюдать за любовницей. На полу лежали беспорядочно скомканные простыни.

Начало вечера, размышлял Вилли, самое лучшее время для постельных утех. Потом можно будет взять такси и направиться к «Эмке», там пообедать, проверив на практике его теорию относительно устриц, затем двинуться к Сан-Паучи в ночной клуб, где можно немножко выпить и потанцевать, а потом прогуляться к Давид-штрассе, где в ярко освещенных витринах восседали девицы в ожидании клиентов, и наконец вернуться в квартиру к Ильзе, где после пары часиков в постели ему с Божьей помощью удастся выпутаться из ее объятий и успеть в аэропорт.

Ильзе открыла глаза и погладила его по щеке.

— Хорошо, что ты пришел, Вилли, — сказала она по-английски, но с сильным американским акцентом.

Она вылезла из постели, взяла со столика сигареты и две пепельницы, затем снова улеглась.

— Угу. Извини... — Он задул спичку и прикурил от ее сигареты. — Но у меня есть время до двух часов, поэтому мы можем еще повеселиться.

— А... Это хорошо. Но зачем тебе уезжать?

— Мне надо увидеться в Риме с одним человеком.

— С человеком? Готова поспорить, у него большие-пребольшие сиськи. — Она похлопала себя по вышеупомянутым частям тела.

— Ну, сама посуди, зачем мне тогда лететь в Рим, если у меня здесь есть ты?

— Потому что ты любишь разнообразие. И еще темноволосые тебе нравятся больше, чем блондинки.

— Кто тебе это сказал?

— Это я говорю! Наверно, потому что у Модести Блейз темные волосы. Как она, кстати, поживает?

Вилли не торопясь выпустил длинную струйку дыма и ответил:

— Неплохо.

— Ну, можешь не передавать ей от меня привет. Она мне не очень-то нравится.

— Почему? По-моему, она неплохо с тобой обращалась, Ильзе.

— В этом-то все дело! Ты разве не замечал, Вилли, — когда ты делаешь людям разные услуги, они начинают к тебе плохо относиться.

— Некоторые люди...

— Ну, я не то чтобы плохо к ней относилась, просто я ревную, — поправилась Ильзе.

Вилли промолчал, хмуро глядя в потолок. Ильзе повернулась на бок и, оперевшись на локоть, уставилась на Вилли.

— Ты так странно ответил «неплохо», когда я спросила о Модести... Что-то случилось?

— В общем-то ничего. Просто я немного беспокоюсь.

— Из-за Модести?

— Ну да. Не знаю, что на нее нашло, но она вдруг потеряла покой. Много играет...

— Но она никогда раньше этого не делала. Я имею в виду, не играла по крупной, да?

— Да. Но тогда были другие дела. А теперь... — Вилли помолчал и со вздохом заметил: — Признаться, это просто даже неразумно!

— И проигрывает?

— Когда как, — отозвался Вилли и сокрушенно добавил: — Дело не в том, проигрывает или выигрывает, а в том, как она играет. Очертя голову.

Ильзе посмотрела на Вилли своими внимательными глазами. Когда-то она была маленьким винтиком в обширном механизме Сети. В ее задачу входило всего-навсего общаться с финансистами и бизнесменами и улавливать обрывки информации. Она не знала и знать не хотела, как именно Модести использует эту информацию. Ильзе получала все инструкции от Бауэра, который руководил немецким филиалом Сети и передавала свои отчеты ему же. Она подозревала, что все это нужно для промышленного шпионажа, где прибыль порой бывала очень ощутимой.

Поскольку Ильзе обладала той самой ледяной красотой, которую мужчинам не терпелось растопить в своих жарких объятиях, как правило, работалось ей легко. Ей редко приходилось спать с человеком, от которого требовалось что-то выведать, да и тогда она сама проявляла инициативу. Если она сообщала о неудаче, то никто не пытался оказать на нее давление через Бауэра или каким-то иным способом.

Теперь Бауэр стал полноправным хозяином, и ситуация в корне изменилась. Поэтому когда Модести разделила свою организацию на части, Ильзе предпочла получить премиальные и отойти от дел, а не продолжать работать уже только на Бауэра. Сейчас она владела частью акций процветавшего отеля с рестораном и жила себе припеваючи. Вторая половина пакета акций принадлежала Бауэру. Ильзе часто виделась с ним, но исключительно по делу. Она передавала ему обрывки сплетен, которые могли его заинтересовать, недвусмысленно намекнув при этом, что никаких особых поручений выполнять не собирается.

— Знаешь, что мне кажется, Вилли, — сказала Ильзе, кладя руку ему на грудь. — Может, Модести надоело сидеть без дела, и ей просто хочется поскорее все промотать, чтобы появился стимул начать все сначала?

Вилли уставился на нее, всем своим видом выражая удивление и неверие, но она быстро продолжила:

— Нет, только не говори мне, что я несу чушь. Тут все непросто. Она сама даже не отдает себе отчета. Это... — Ее английский не смог подсказать ей нужное слово, и Ильзе какое-то время только шевелила губами, пока Вилли не пришел ей на помощь:

— Мания?

— Ну да, мания... Психологическое состояние...

— Может, ты и права, — мрачно сказал Вилли, затягиваясь сигаретой. Теперь, конечно, Ильзе расскажет об этом Бауэру, и телеграф заработает... Он уже запустил машину слухов в Париже, а завтра сделает это в Риме.

Там он встретится с Кальванти, и предложит ему приобрести три превосходных рубина, которые Модести собственноручно огранила в своей мастерской. Там же, надо полагать, окажется и Тассос из Афин. В общем, вскоре все, кто имеет определенный вес в соответствующих кругах, будут обсуждать эту сенсацию.

Вилли не без облегчения подумал, что после Жанетт в Париже и Ильзе в этом городе в Риме ему не придется работать в постели. Но вслед за чувством удовлетворения на него нахлынула волна тревоги.

«Господи, — подумал он, — я теряю контроль».

Ильзе тем временем уже встала и надела бархатный с шелком халат. У нее появилось то отстраненное, холодное выражение, которое удачно скрывало ее намерения и возможности.

— А они еще подают эти самые устрицы у «Эмке»? — тревожно осведомился он.

— Конечно, Вилли... А что? — Она посмотрела на него с легким удивлением.

— Да так...

Ильзе подошла и села рядом с ним, и когда он почувствовал прикосновение ее длинных пальцев, то в нем опять начал разгораться костер...

— Ты просто выглядел таким озабоченным, — сказала Ильзе.

— Теперь все прошло, — сказал он и весело улыбнулся. — Полный порядок.

В маленьком отдельном зале казино играли только избранные и тщательно проверенные люди. Впрочем, маленьким этот зал назывался исключительно по сравнению с другими, более внушительными помещениями по другую сторону застланного коврами коридора казино.

В зале были дубовые панели по стенам, высокий резной потолок и три большие люстры. Большое сводчатое окно, из которого открывался вид на Бейрут и на море, теперь было

закрты алыми бархатными шторами. На полу лежал большой черный ковер. Вокруг длинного овального стола были расставлены стулья с высокими овальными спинками из атласного дерева в стиле Роберта Адама. По стенам стояли две оттоманки и диван. В углу находилась небольшая дверь, которая вела в уютный бар.

В комнате собралось около дюжины мужчин и одна женщина — Модести Блейз. На ней было длинное шелковое бордовое платье. В ушах сверкали бриллиантовые серьги. Белые атласные перчатки до локтя довершали ансамбль. В комнате было сильно накурено, и сизый дым слоями нависал над столом. Стояла та самая тишина, которая обычно сопровождает наиболее драматические моменты человеческого бытия — рождение, смерть или дуэль.

Сейчас как раз и имела место самая настоящая дуэль. Пятеро мужчин сидели, остальные стояли. Среди них было два южноамериканских миллионера, греческий судовладелец, южноафриканский алмазный король, два нефтяных шейха и французский промышленник. Напряжение возрастало, но игроки с бесстрастным видом следили за открывавшимися картами, каждая из которых могла принести выигрыш в несколько тысяч фунтов — или лишить желанной суммы. Модести Блейз сидела справа от банкмета — американца в белом смокинге, лет тридцати восьми, с волевым загорелым лицом и густыми коротко стриженными черными волосами. Лицо, на котором выделялись темно-серые широко расставленные глаза и глубокие складки, залегшие в уголках рта, было по-своему красиво, но за этой красотой безошибочно угадывалась властность. Человек был среднего роста и широкоплеч.

Его звали Джон Далл, и последние двадцать лет он не покладая рук создавал свою финансово-промышленную империю, которая принесла ему состояние, заставлявшее знатоков числить его среди десяти самых богатых людей на земле.

Чуть сзади Модести стоял высокий ливанец по имени Жюль Ферье с гладким коричневым лицом и черными блестящими, зачесанными назад волосами. Он был директором, а также и владельцем этого казино. Обычно бесстрастное, его лицо сейчас выказывало все признаки беспокойства.

Руки Далла возлежали на деревянном сабо с начинкой из шести колод карт, только что стасованных крупье. У его левого локтя стояла пепельница, где дымилась черная сигара с коротким мундштуком из камыша. Перед ним высилась горка фишек, количество которых впечатляло даже завсегдаев этой комнаты, где потолок банка достигал двадцати тысяч фунтов.

Восемь раз Джон Далл банковал. Восемь раз Модести Блейз шла ва-банк и проигрывала.

Жюль Ферье пододвинулся к ней и прошептал:

— Прошу прощения, мадемуазель Блейз, но вы уже значительно превысили банковский кредит...

Она холодно посмотрела на него и сказала:

— Мы давно знакомы, Жюль. Вы сомневаетесь в моей платежеспособности?

— Нет, мадемуазель, но я... просто не могу выдать вам новые фишки... Я ведь отвечаю деньгами перед мистером Даллом...

Модести посмотрела на американца и не без вызова спросила:

— Вы сомневаетесь в моей состоятельности, мистер Далл?

Тот взял сигару, затянулся и сказал:

— Нет, мэ. — У него был глубокий грудной голос, но интонации казались резковатыми. — После вчерашней игры, когда вы проиграли мне восемьдесят тысяч, я сделал несколько междугородных звонков, навел справки. Хочется знать, с кем имеешь дело, а у меня теперь есть приблизительное представление о том, на что вы способны.

Она выдержала его взгляд, потом сказала:

— В таком случае давайте сделаем это нашим частным делом, которое не должно никого больше касаться. Ставьте весь ваш выигрыш, и я пойду ва-банк.

— Нет, мадемуазель, — подал голос Ферье. — Я не могу этого позволить.

— Что за чушь, — фыркнула она. — Если мы с мистером Даллом решили разыграть монетой некоторую сумму, какое вам до этого дело, коль скоро я в состоянии оплатить выданные мне фишки? Я просто хочу знать, готов ли мистер Далл принять такие условия.

Далл медленно положил сигару и проговорил:

— Я полагаю, вы можете позволить себе такой проигрыш. Но это создаст для вас некоторые сложности. Я играю для развлечения. Я вовсе не готов ради этого свернуть себе шею и мне не доставило бы удовольствия, если бы кто-то сделал это в игре со мной. Особенно если этот кто-то женщина...

Уголки губ Модести чуть дрогнули, и она обвела взглядом собравшихся, потом снова посмотрела на Далла.

— Не надо попусту тратить время, демонстрируя ваши рыцарские качества, мистер Далл. Если вам не хочется рисковать выигрышем, так и скажите. Я пойму. — Последняя фраза была произнесена так же спокойно, как и предыдущие, но она обожгла Далла, словно удар хлыстом.

— Как вам будет угодно, мадам, — бесстрастно сказал он и перевернул сабо. — Появилась первая карта, за ней последовали еще три. Крупье подобрал две карты Модести на лопаточку и положил их перед ней рубашками вверх.

Модести посмотрела на них, положила на стол и, постучав пальцем по одной из карт, сказала:

— Еще одну.

Далл вытащил третью карту, и лопаточка крупье поднесла ее Модести рубашкой вниз. Это была четверка бубен. Спокойно, не подавая вида, что назревает драма, Далл перевернул свои карты. Дама и восьмерка.

— Для победы вам нужно десять очков, мэ, — холодно обронил Далл.

Модести улыбнулась уголками губ и перевернула две первые карты. Девятка и тройка. Всего, стало быть, семь.

— Маловато, — сказала она равнодушным тоном. — Спасибо за интересную игру, мистер Далл.

Ферье сделал шаг вперед, дав знак крупье, чтобы тот собрал фишки.

— Не соблаговолите ли заглянуть ко мне в офис, мисс Блейз, — сказал он. — И вы тоже, мистер Далл. Наше казино несет ответственность за неоплаченные фишки. Разумеется, это не относится к последнему пари.

Модести взяла сумочку и двинулась к еле заметной двери в стене, которая вела в кабинет Ферье. Далл вдавил в пепельницу сигару и последовал за Модести. Ферье распахнул перед Модести дверь. Когда они вышли, в комнате поднялся облегченный гул. Мужчины обменивались репликами, жестикулировали, заказывали у официантов напитки.

Крупье подобрал лопаточкой игральные карты и проворно затолкал их в цилиндр в центре стола.

— Кто банкует? — осведомился он.

В кабинете Ферье Модести села на галантно пододвинутый стул. Далл устроился на ручке низкой софы, а Ферье занял место за своим столом, промокнув лоб белоснежным платком. Вошел крупье, высыпал на стол фишки из полотняного мешочка и удалился.

Далл заметно расслабился. Он посмотрел на Модести, чуть приподняв брови. Она ответила легкой улыбкой, напоминавшей солнечные блики на воде.

— Вы были просто великолепны, — сказала она. — Я вам безмерно благодарна.

— Давно я не получал такого удовольствия, — ответил Далл, и его лицо с индейскими чертами стало медленно расплываться в улыбке. Он обратился к Ферье: — Так что же, башмак с фокусом?

Ферье виновато развел руками.

— Крупье немножко поколдовал с первой сдачей...

На лице Далла отразилось удивление.

— Вы просто меня пугаете, Ферье. Я внимательно следил за ним, но ничего не заметил.

— Мой инспектор, уверяю вас, сразу бы все увидел. Потому-то я лично заменил его сегодня вечером. И прошу вас не ставить под сомнение честность игры в нашем казино. Сегодня было исключение.

— Ясно. Но крупье — человек надежный?

— Вполне, — подала голос Модести. — Это младший брат Жюля.

— Комар носу не подточит, — удовлетворенно кивнул Далл. — Но как вам удалось заставить этого волка подыграть нам? — Он кивнул на Ферье.

— Жюль — мой старый друг, — коротко обронила Модести, но Ферье покачал головой и с легкой улыбкой добавил:

— Когда-то я работал на мисс Блейз. В казино, но в другой стране. Когда она отошла от дел, то помогла мне организовать свой бизнес здесь, в Бейруте.

— Ты заработал это по праву, Жюль, — сказала Модести, зажигая сигарету. — И только благодаря твоим усилиям это место из обыкновенной дыры превратилось в роскошный игорный дом. — Она посмотрела на Далла сквозь дымовую завесу. — Если вы полагаете, что с меня причитается мой проигрыш, мистер Далл, я спорить не стану.

На мгновение глаза Далла сердито прищурились, но он тут же взял себя в руки и произнес:

— Я полагаю, это означает, что данная затея преследует серьезные цели. Иначе бы вы не стали мне звонить, просить прервать отпуск и лететь сюда, верно?

— Верно. Причина была.

— Кстати, в этом нет никакой необходимости. Я бы и так с удовольствием появился бы где угодно, чтобы только лишний раз увидеть вас, мэм. Два-три года назад у нас были кое-какие дела в Нью-Йорке, но тогда я общался только с вашим представителем.

— Надеюсь, вы нашли работу нашей фирмы удовлетворительной? — осведомилась Модести.

— Не то слово! Я предложил вам сделку. Один из любителей чужих секретов заполучил кое-какие сведения о новом антибиотике, на разработку которого ребята из «Далл кемикал» потратили два миллиона долларов. Мы не знали, что именно ему удалось разнюхать, но нам было известно: он собирается передать это людям Харбштейна в Европе. Вы же перехватили его до того, как он сумел добраться до своих потенциальных покупателей. Оказалось, что информация, которой он располагал, стоила раз в двадцать больше того, что я предложил вам за работу. Вы сами могли продать ее Харбштейну. Или же просто приставить к моему виску пистолет и заставить заплатить куда больше. Но вы без разговоров переслали мне все перехваченные сведения — за ту цену, о которой мы договаривались. Вот и все.

Модести улыбнулась, глядя в его темно-серые глаза.

— Я по-прежнему была в чем-то очень честной особой.

Далл рассмеялся — на удивление мягко для человека с такими жесткими манерами, затем сказал, с огорчением качая головой:

— Я был бы счастлив пригласить вас отобедать со мной сегодня же, но боюсь, это испортит весь спектакль.

— К несчастью, вы правы. — В ее голосе также послышалось сожаление. — Пожалуй, придется подождать более удобной возможности.

— Я готов. — Он взял ее руку в свою, и она почувствовала мощное мужское пожатие. — У меня три-четыре дома, но со мной можно всегда связаться через нью-йоркский офис. Им передадут соответствующие инструкции. Когда будете свободны, приезжайте или позвоните. Вы сделали это недавно, и я примчался на всех парах. — Он улыбнулся, и его жесткое лицо вдруг осветилось юношеским обаянием. — Но только не чувствуйте себя ничем мне обязанной, — добавил он.

— Спасибо. Я это учту. — По ее улыбке было трудно понять, что именно она имела в виду: что нанесет визит или не будет чувствовать себя в долгу.

Далл кивнул, принимая эту двусмысленность без обиды, потом сказал:

— Вы явно затеяли что-то очень серьезное. Берегите себя. Я буду о вас думать.

Он отпустил ее руку, кивнул Ферье и двинулся к двери. Когда он появился в зале, на его лице снова была жесткая маска бесстрастия.

Глава 7

Модести внезапно проснулась и поняла, что в комнате кто-то есть. Ее номер «люкс» находился в передней части отеля, расположенного примерно в миле от казино, которое она покинула два часа назад.

Модести пошевелилась, и ее рука скользнула под подушку, где лежало конго. Затем она снова заворочалась, и другой рукой как бы невзначай коснулась края столика и нащупала у лампы тюбик губной помады.

Этот тюбик был изготовлен Вилли Гарвином и являл собой газовый баллончик, с помощью которого можно было нейтрализовать человека на расстоянии шести футов. Она сжала тюбик в руке, а большим пальцем нажала кнопку настольной лампы.

Не успел вспыхнуть свет, как Модести уже сидела в кровати.

В комнате был гость. Он расположился в качалке у окна с задернутыми шторами. На нем был легкий светлый пиджак и темные брюки, белая рубашка и гладкий бордовый галстук. Волосы темные, густые и довольно длинные, хоть и тщательно подстриженные. На загорелом, слегка продолговатом лице выделялись чуть насмешливые зелено-голубые глаза. Это неординарное лицо обладало той самой притягательностью, которая возникает благодаря сочетанию испанской и ирландской крови.

Оперевшись на руку, сжимавшую конго, Модести почувствовала знакомое покалывание в пальцах. Она быстро взяла под контроль эмоции и сказала:

— Привет, Майк.

— Привет, — отозвался он приятным голосом, в котором еле угадывался характерный ирландский акцент. — Ты, как я погляжу, по-прежнему спишь в чем мать родила — даже когда одна.

Он созерцал ее обнаженное тело со смесью легкого удивления и одобрения, словно обозревая что-то давно ему известное; отмечал, что если Модести и изменилась с тех пор, то в лучшую сторону. Модести и не попыталась прикрыться, лишь проговорила:

— Да. Кинь мне халат.

Он встал, взял белый нейлоновый халат, лежавший у изножья кровати, передал ей и вернулся обратно на свое место.

— Первую часть жизни ты спала, не раздеваясь, зато теперь решила спать нагишом, так?

Она кивнула. Конго снова отправилось под подушку, а помада оказалась на столике. Модести набросила на себя халат, посмотрела на Майка Дельгадо и почувствовала, как у нее сильнее забилося сердце. Это ее рассердило, и она коротко спросила:

— Как ты сюда попал?

— Через балкон. — Он лениво показал рукой на шторы. — Я, конечно, мог бы позвонить или постучать в дверь, но привычка, как известно, вторая натура. — В зелено-голубых глазах Дельгадо заплясали иронические искорки.

— Правда? Я лично так не считаю.

— Ты завязала. Но между прочим, по-прежнему спишь голой. Модести вяло пожала плечами, взяла сигарету из золотого портсигара на столике, закурила.

— А ты по-прежнему не куришь? — спросила она.

— Ты же знаешь, я веду добродетельный образ жизни. — Говоря, он имел обыкновение шевелить своей длинной нижней челюстью, что придавало ему сходство с проповедником. Модести всегда получала от этого большое удовольствие. Она и теперь рассмеялась, но ее не отпускало напряжение. Впрочем, несмотря на это, мозги Модести работали четко, она просчитывала ходы, сопоставляла факты.

Майк Дельгадо вращался в тех самых кругах, где она как раз хотела бы сейчас оказаться, чтобы напомнить о своем существовании. У него были обширные связи. Возможно, он мог бы подтвердить справедливость догадки Тарранта, по крайней мере в какой-то степени. Но Майк думал лишь о собственной выгоде. Если задать ему вопрос напрямую, то по ответу трудно будет понять, говорит он правду или лжет. Даже если он ничего не знает, он может солгать из стратегических соображений, в поисках какого-то выигрышного для себя варианта.

Модести, впрочем, не обижалась на него. Она сама слишком долго играла в подобные игры.

Но даже если прямой вопрос сейчас не проходил, Майк Дельгадо был слишком ценным кадром, чтобы вот так от него отмахнуться. Интересно, не означало ли его внезапное появление, что Таррант все же ошибался. Ведь если кто-то вербовал тайную армию, имя Дельгадо непременно должно было бы фигурировать в списках вероятных кандидатов... Но нет... Он любил действовать сам по себе. Служить вместе с другими, как выразился Вилли, головорезами, не особо привлекало его. Как и Модести, Майк вращался по своей индивидуальной орбите.

Впрочем, он располагал агентами в самых разных кругах, и раз уж судьба привела его в номер Модести, имело смысл поддерживать контакт. Модести внутренне усмехнулась, прекрасно понимая, что это будет за контакт.

Тут-то и заключалась, однако, опасность. Если Таррант был прав, и заваривалась каша, то совсем не время позволять разгораться тому внутреннему пожару, первые признаки которого Модести успела почувствовать у себя в груди. Сейчас было не до романа, а она понимала, что без романа она ни за что не позволит Майку уложить ее в постель.

Прошло уже лет пять с тех пор, как она в последний раз испытала вкус его поцелуев и тяжесть его худого, но мускулистого тела, но теперь ей показалось, что все это случилось лишь вчера. За эти годы Модести успела узнать и других мужчин — их было не то чтобы очень много, но и не так уж мало. Она щедро дарила — и получала в ответ — и тепло, и радость, и ощущение полета. Но из всех ее любовников лишь троим удалось увлечь ее в заоблачные выси, открыть ей мгновения, когда время останавливается и все естество вдруг освобождается от брэнной земной оболочки.

Из всех троих Майк Дельгадо был первым, и потому он оставил в ее сердце особый след, занял уголок, который был вправе рассматривать как свою собственность. Впрочем, Модести подозревала, что и его сердце отчасти принадлежит ей. По этой причине она никогда не предлагала ему работы в Сети, да он конечно же отверг бы такое предложение, даже если бы оно и последовало.

Ее размышления перебил голос Майка:

— Сейчас, радость моя, ты не такая тощая, какой была в двадцать один год...

— Это плохо?

— Вовсе нет. — Ирландский акцент сделался гораздо более заметным. — Для постельных дел костлявость — скорее, недостаток, который ты отлично умела компенсировать... Ну, а теперь, полагаю, ты и вовсе чудо. — Без паузы он осведомился: — А как поживает Вилли Гарвин?

— Отлично. — Она смахнула пепел в пепельницу, которую Держала на коленях. — А ты в Бейруте по делу?

— Ни в коем случае. — Вокруг его глаз появились многочисленные лукавые морщинки. — Я отдыхаю после весьма удачного выступления в Макао.

— Золото?

— Имей совесть, радость моя! Разве я когда-нибудь задавал тебе такие вопросы?

— Извини. Когда ты узнал, что я тоже здесь? Тут лицо Дельгадо вдруг сделалось серьезным, и он глубоко откинулся в кресле.

— Час назад. Вскоре после того, как ты проиграла целое состояние Джону Даллу.

Она кивнула. Ничего удивительного. За их лихим поединком наблюдало двенадцать человек, а новости, вроде истории о фантастической победе Далла, распространяются молниеносно. Как, собственно, и хотела Модести.

— Какая муха тебя укусила? — удивленно спросил Маяк.

— Разве я когда-нибудь задавала тебе подобные вопросы? — улыбнулась Модести.

— Я никогда не совершал поступков, которые могли бы таковые спровоцировать. — Он посмотрел на нее с оттенком сострадания, и Модести задумалась, искренне ли он сочувствует ей или это все игра. — Слухи ходят жуткие. Сначала я услышал, что ты просадила полмиллиона, а когда дошел от бара до улицы, то сумма перевалила за миллион.

— Неплохо. Если пересчитать на фунты, то я всего проиграла более трехсот тысяч. Девять раз подряд не повезло, а последняя сдача могла бы отыграть мне весь проигрыш, но, к сожалению, только удвоила его.

— Боже правый! — только и сказал он и тихо присвистнул.

Модести кивнула в сторону двери, которая вела в гостиную.

— Если хочешь выпить, то все там.

— Спасибо, как тут не выпить. — Он встал и, уже почти подойдя к двери, спросил: — А тебе? Красное вино?

— Сейчас не хочу. Если, конечно, ты в состоянии пить без компании.

На какое-то мгновение к Дельгадо опять вернулось веселое настроение, и он парировал:

— Я готов обходиться без компании практически всегда. За одним исключением.

Он вышел в гостиную, зажег свет. Потом Модести услышала звон стекла. Через минуту Майк появился в спальне с бокалом бренди с содовой и со льдом. Он миновал кресло у окна и присел на край кровати.

— Это большие деньги, — сказал он с легкой грустью. — С чем же ты теперь осталась?

Модести постаралась добавить в улыбку горечи.

— Это не разорение, но неприятный удар.

— Я слышал, у тебя неплохая квартирка в Лондоне. И еще дом в Танжере.

— Я уже успела взять в долг под них. Не исключено, что придется что-то продать.

Дельгадо отпил половину бокала. Вторым глотком он допьет его до конца, отметила про себя Модести. Он снова смотрел на нее с любопытством.

— Что же ты теперь будешь делать, Модести?

— Я знаю, чего я делать не буду: искать богатого мужа или любовника. И еще я не намерена переезжать в трехкомнатную квартиру.

— Но чем же ты собираешься заняться?

— В смысле работы?

— Ну да.

— У тебя есть какие-то предложения?

Майк помолчал, задумчиво водя пальцем по верхней губе, потом сказал:

— Увы, пока ничего.

— Я так и подумала.

— Почему? — На его лице появилось удивленное выражение.

— Ты бы не стал впутывать меня в операцию, где собирался бы поучаствовать сам, да и я все равно не согласилась бы, Майк. — Она говорила спокойно, дружелюбно. — Мы не нуждаемся друг в друге.

— Ты считаешь, мне нет дела до того, что с тобой случилось?

— Если бы я поняла, что это действительно так, то была бы огорчена, — солгала Модести. Участие со стороны Майка ее сильно удивило бы. — Но я давно уже забочусь о себе сама,

Майк. Что я потеряла, то опять соберу. Тем или иным способом.

Майк допил бренди, поставил бокал и спросил:

— И скоро?

— Скоро. — Она произнесла это слово спокойно, и лицо ее сохраняло безмятежное выражение, но за всем этим скрывалась целеустремленность.

— Значит, у тебя что-то наклеивается? — улыбнулся Майк. — Вот за это ты мне нравишься. Но я не задаю никаких вопросов.

— Спрашивай, не спрашивай, все равно ничего не скажу, — спокойно отозвалась Модести.

— Естественно.

Он взял из ее пальцев сигарету, затушил в пепельнице, стоявшей у нее на коленях, и, переставив пепельницу на столик, передвинулся ближе, не выпуская ее руки.

— Дела давно минувших дней, — сказал он, потом свободной рукой сбросил с Модести халат. Его пальцы коснулись ее лба, щек, шеи и двинулись вниз, к груди.

Модести почувствовала, как у нее сладко заломило все тело, но тотчас же усилием воли приказала себе собраться, перерезав все нити чувств и воспоминаний.

Майк оглядывал ее тело.

— Да, ты повзрослела, — задумчиво сказал он.

— Я и тогда была взрослой, Майк. Посмотри хорошенько на меня... Нет, на лицо... — Она уставилась на него в упор и произнесла медленно и четко: — Не сейчас.

— Да? — В его голосе звучало только удивление, но не обида.

— В чем же дело?

— Есть несколько причин. Во-первых, мне так хочется. Во-вторых, сейчас не время. В-третьих, я не играю в игры, когда предстоит работа.

— Работа?

— Говорят тебе, я потеряла целое состояние и теперь хочу заработать новое...

— Вот, значит, как? — Его брови взметнулись вверх. Модести не пошевелилась, не оказала ни малейшего сопротивления, и рука Майка так и осталась там, где ее застigli слова Модести. Прошло несколько секунд. Модести, по-прежнему глядя на Майка, проговорила:

— Через неделю я буду в Лиссабоне, коль скоро все пойдет по плану. Тогда, если у тебя найдется время, приезжай, может, у меня появится повод отпраздновать удачу.

Он убрал ладонь с ее груди, вернул халат в исходное положение потом, уронив руки на колени, с улыбкой посмотрел на нее.

— Когда уезжаешь отсюда? — спросил он.

— Пока толком сама не знаю. Наверно, завтра вечером. Позвони утром, может, встретимся за ланчем.

— Непременно.

— Спокойной ночи, Майк.

Он встал. Высокий, красивый, двигавшийся с удивительной грацией... У окна он обернулся:

— Спокойной ночи, радость моя.

Зашуршали шторы, щелкнула задвижка, и Майк Дельгадо исчез.

Модести расслабилась. Затем взяла телефон, набрала номер администрации.

— Да... Я попрошу машину через сорок пять минут. Еду в аэропорт. Через полчаса пришлите человека за моим багажом. И еще я хочу знать расписание полетов из бейрутского аэропорта.

Она положила трубку, вылезла из постели и начала опустошать ящики гардероба. Надо было начинать паковаться. Конечно, имело бы смысл намекнуть Майку, что у нее наклеивается какая-то работа, но это также было сопряжено с немалым риском. Майк может заинтересоваться, и тогда уж постарается извлечь из этого пользу для себя. Поэтому сейчас необходимо поскорее исчезнуть, улететь первым же самолетом, не очень далеко. А неделю спустя они увидятся в Лиссабоне. Прошло десять минут.

Ее сумки и чемоданы были сложены, на кровати лежала дорожная одежда: легкий костюм, свежий лифчик и колготки. Кроме того, она решила надеть туфли без каблуков.

Еще оставалось время, чтобы быстро принять душ. Уже натягивая шапочку, Модести вспомнила не без досады, что в ванной оставались лишь крохи мыла, и что она позабыла сказать об этом горничной. Она открыла свою сумку и вытащила оттуда большой подарочный набор фирмы «Герлен», полученный ею от Вилли две недели назад.

Подарки от Вилли перестали ее удивлять, и она давно оставила все попытки протестовать. Но этот подарок несколько озадачил Модести. Вообще-то Вилли любил разные занятные штучки. Так, из Америки он привез ей «дерринджер», сделанный в шестидесятых годах прошлого века, а также «вильямсон» сорок первого калибра с ручкой слоновой кости и золотыми пластинками, украшенными затейливой резьбой. Этот же набор поразил ее именно своей ординарностью.

Направляясь в ванную, она машинально отметила, что набор тяжеловат, но сейчас голова ее была занята другим, и Модести лишь слегка удивилась, когда, открыв коробку, обнаружила в ней всего-навсего два небольших куска мыла, жестянку с тальком, да какой-то одеколон. Но коробка показалась ей глубже, чем следовало бы. Тогда она вытащила из-под картонки кусок мыла.

Модести наладила душ, но как только струя воды коснулась ее тела, в ванной зазвучала мелодия, сопровождаемая переливчатым арпеджио. Она удивленно обернулась. Звуки доносились из коробки «Герлена».

После небольшой паузы бархатный голос диктора возвестил:

— А теперь для всех опрятных людей исполняется музыка «Купайтесь на здоровье!».

Модести рассмеялась и, не спуская глаз с коробки, выключила душ. Голос принадлежал Вилли, который, когда отбрасывал свой кокни, прекрасно умел имитировать любую речь.

Снова зазвучал оркестр, исполнявший «Полонез» Шопена.

В конце четвертого такта послышалось журчание спускавшейся в ванне воды, которое удивительным образом вплеталось в мелодию, составляя с ней гармоничное целое. Вилли использовал принцип «говорящей скрипки» или «говорящего фортепьяно», когда голос, проходя через микрофон, модулирует звуки, издаваемые инструментом, в результате чего музыка приобретает странный «фантастический» характер. Вилли же вместо человеческого голоса использовал разнообразные шумовые эффекты ритмическое шуршание губки, бульканье убегающей воды, попискивание резиновой утки — все звуки ритуала омовения были умело вплетены в мелодию шопеновского «Полонеза».

Модести стояла чуть наклонив голову, касаясь рукой крана, внимательно вслушиваясь в этот необыкновенный концерт, дабы не упустить ни одной детали. Время от времени ее сотрясали приступы смеха и в глазах плясали радостные огоньки. Она пыталась понять, сколько же времени ушло у Вилли на то, чтобы придумать и осуществить на практике все это. Концерт длился минуты две, потом что-то резко щелкнуло, и наступила тишина.

Модести вздохнула и решила, что как-нибудь надо проиграть этот концерт Тарранту. Он по достоинству оценит работу Вилли. Она снова включила дуги и подставила под струю свое отдохнувшее тело. Болезненно-томительное напряжение, вызванное появлением Майка Дельгадо, исчезло без следа, смытое смехом, приятным сюрпризом и хорошими воспоминаниями.

Она подумала о Вилли. Послезавтра ему предстояло оказаться в Руане на операционном столе Жоржа Бриссо. Да, его ожидали малоприятные два часа, но это было необходимо.

Десять минут спустя она сидела на кровати одетая и вникала в расписание бейрутского аэропорта, а ночной портье спускался с ее чемоданами.

Глава 8

Директору музея Маттиоре удалось сделать над собой необходимое усилие и скрыть раздражение.

— Поверьте, мсье Рэнсом, — сказал он учтивым тоном, — все мы отлично понимаем, какая на нас возлежит ответственность. По возвращении в Париж вы можете довести это до сведения мсье Лейтона. Все меры безопасности насчет Ватто отвечают самым строгим критериям.

Человек, сидевший на дальнем конце стола в кабинете директора, откинулся на спинку стула и устало сказал по-французски:

— Я в этом не сомневаюсь. Но я не хочу перечить мистеру Лейтону. Он платит мне деньги, чтобы я представлял его интересы. И он в своем праве. Как-никак, Ватто — его собственность.

Рэнсом говорил по-французски достаточно бегло, хотя и с английским акцентом, к которому примешивался американский, что действовало директору на нервы.

Рэнсом, одетый в темно-синий блейзер европейского покроя, бежевые брюки и кремовую рубашку с серебристо-серым галстуком, был высок, довольно коротко острижен, хотя его густая черная шевелюра создавала впечатление некоторой небрежности в причёске. На загорелом лице темнели глаза кофейного цвета, а на щеках виднелись пятна, состоявшие из множества маленьких черных точек, словно когда-то он получил пороховые ожоги. Нос у него был с горбинкой.

Директору не нравился этот человек, но он не мог себе позволить выказать свое отношение. Он сказал:

— Разумеется, мсье Лейтон имеет право застраховаться от любых неожиданностей. Именно ему принадлежит полотно великого мастера, найденное в нашем городе. Картина представляет собой огромную ценность, и мы бесконечно признательны ему, что он оказал честь нашему маленькому музею и позволил выставить полотно, хотя, конечно же, крупнейшие парижские галереи осаждали его аналогичными просьбами.

Рэнсом посмотрел на часы и ничего не сказал.

— Но я не понимаю, почему вдруг мсье Лейтона охватило внезапное беспокойство, — продолжал директор. — Он любезно позволил нам выставить картину на полтора месяца, прежде чем он заберет ее к себе, в Соединенные Штаты. До конца срока осталось две недели. Что же стало причиной перемены его настроения?

— Я не задавал ему никаких вопросов, — сказал мсье Рэнсом. — Это не входит в мои обязанности. Но могу, если угодно, высказать лишь предположение: похоже, до него дошли слухи о том, что ее хотят похитить.

— Слухи, — с легким раздражением сказал директор, чуть приподнимая плечи. — Слухи!

Рэнсом помолчал, потом сказал:

— Я в общем-то не специалист, поэтому не могли бы вы мне немного рассказать об этой картине?

— С удовольствием, мсье. — Просьба приятно удивила директора. Возможно, этот Рэнсом не такой уж мужлан. — Итак, Антуан Ватто создавал свои картины в начале восемнадцатого века — он изображал представителей французского света на фоне идиллической природы. Некоторые его работы — как, например, этот «Праздник в лесу» — были утеряны. — Он показал рукой на телевизор в углу комнаты.

Камера внутреннего телевидения, установленная в зале музея, где экспонировалась картина Ватто, захватывала просторную нишу и трех-четырёх посетителей, стоявших у каната, которым было отгорожено произведение знаменитого мастера. Рэнсом не потрудился даже повернуть головы. На экране картина превратилась в маленький, еле заметный прямоугольничек.

— Кое-кто из гравёров той поры, — продолжал директор, — создал копии с работ Ватто, и потому гравюры «Праздника» можно увидеть в ряде музеев. Оригинал был написан для графа Шарантена и находился в его парижском доме до революции.

— До какой революции? — спросил Рэнсом.

Директор чуть поморщился и, устремив взгляд в потолок, сказал:

— Французской революции, мсье. Той, что имела место в конце восемнадцатого века. Тогда были уничтожены многие аристократические семьи, в том числе и Шарантены. Считалось, что картина тоже погибла в те грозные годы. Нам вряд ли когда-нибудь удастся узнать, каким образом ее вывезли из Парижа в замок Брунель. Тем не менее это произошло.

Он повернулся на стуле и посмотрел в окно. Примерно в трех милях от музея на зеленом склоне возвышался небольшой замок.

— Несколько месяцев назад замок был выставлен на продажу и все, что в нем хранилось, было описано для аукциона, — невозмутимо продолжал директор. — Ваш мсье Лейтон посетил аукцион. Он приобрел один-единственный лот — несколько старых картин, которые более чем полтора столетия находились на чердаке. Они не представляли собой никакой художественной ценности и были покрыты пылью веков. — Директор снова обернулся к Рэнсому. — Мсье Лейтон распорядился привести их в порядок. Тем не менее они ничего от этого не выиграли — за единственным исключением. — Он энергично подался вперед и драматическим голосом произнес: — За исключением «Праздника в лесу», который оказался в отличном состоянии, па задней части холста в углу обнаружили красную печать с гербом рода Шарантенов. — Директор развел руками и произнес: — Это находка века, мсье. Подлинник Ватто. Метр в длину, шестьдесят семь сантиметров в ширину. Крупнейшие знатоки были единодушны — это Ватто. Ну, конечно, этот волшебный, неповторимый колорит...

— Как давно картины Ватто продавались в последний раз на открытом рынке? — внезапно осведомился Рэнсом. Директор заморгал, задумался, потом сказал:

— Признаться, не припомню.

— Ну, а сколько может стоить этот самый «Праздник»?

— Кто знает, мсье, — снова развел руками директор. — Это поистине бесценный шедевр. Может, полтора миллиона долларов, может, два... Трудно сказать. Все зависит от энтузиазма желающих.

Рэнсом кивнул и сказал:

— В таком случае, согласитесь, мистер Лейтон имеет веские основания всерьез относиться даже к непроверенным слухам о том, что не исключена попытка похитить эту картину.

Директор глубоко вздохнул.

— Вы не совсем правы, мсье, — сказал он. — Самое ужасное, что может случиться с картиной, — не похищение, а, скажем, пожар. Поэтому в нашем музее приняты дополнительные противопожарные меры. Поэтому картина повешена так, что в случае появления огня она может быть быстро снята.

— Понимаю. — Рэнсом заглянул в записную книжку. — При чем быстро снята вором, так?

— Это бесценное творение, — произнес директор сухим тоном, — но это все же картина, а не слиток золота. Кому может этот условный вор продать похищенного им Ватто?

— Он мог продать ее заранее, до факта похищения, — сказал Рэнсом, — за половину цены. Тому, кто хочет наслаждаться ею в одиночку.

На это директор только вскинул вверх руки и воскликнул:

— Бессовестный миллионер, который держит краденые сокровища искусства у себя в подвале и спускается туда по ночам, чтобы созерцать свое добро? Существуют ли такие оригиналы?

— Существуют, — просто ответил Рэнсом. — Я мог бы назвать вам две-три фамилии, но не стану этого делать. Я даже могу назвать одного человека, который никогда не созерцает то, что приобрел таким вот путем. Главное для него — обладание.

Директор недоверчиво и смущенно покачал головой и сказал:

— В этом, судя по всему, вы разбираетесь гораздо лучше меня, мсье Рэнсом.

— Потому-то секретарь мистера Лейтона и позвонил вам насчет моего приезда, — терпеливо отозвался Рэнсом и опять посмотрел на часы. — Не могли бы вы коротко описать мне ваши меры безопасности, прежде чем мы пойдем и посмотрим на картину.

Директор взял карандаш и начал чертить какие-то каракули в своем блокноте.

— Ну, во-первых, в зале, где экспонируется картина, установлена телекамера, — сказал он, показывая рукой на телевизор в углу. — Пока музей открыт, в этом кабинете кто-то есть. Или я, или мой ассистент.

— Другие меры?

— Полагаю, вы уже знаете о них из газет, мсье. Мы нарочно во всеуслышание заявили о них, чтобы предотвратить возможные попытки непрофессионалов похитить картину. Картина висит в нише в маленьком зале, который мы ради этого освободили от других картин. В этот зал не допускаются люди с тростями, зонтами и прочими предметами, способными нанести ущерб картине.

— Как близко посетители могут подходить к картине?

— Не ближе трех метров. В зале постоянно находится наш сотрудник и имеется ограждение — особый канат... Кроме того, постоянно дежурят три жандарма, один снаружи, двое на входе.

— Инспектор Форе упоминал электрическую сигнализацию.

— Вы уже говорили с ним?

— Я всегда проверяю все по нескольку раз.

— Ясно. Да, есть у нас и подобное приспособление. Насколько я понимаю, оно испускает пучок лучей, создавая тем самым барьер, и, если кто-то попытается его преодолеть, в разных частях нашего музея должны сработать звуковые устройства.

— Какова высота барьера?

— Полагаю, инспектор вам все уже рассказал. Два метра. — На лице директора появилась ледяная улыбка. — От пола и выше человеческого роста. Надеюсь, вас это устраивает?

Рэнсом неохотно кивнул, вынул из кармана пиджака металлический портсигар, закурил сигарету и положил портсигар на стол со словами:

— Музей скоро закрывается. Я хотел бы посмотреть сам, как охраняется картина, и провести проверку...

Он замолчал. Директор смотрел мимо него. На экране телевизора вместо четкого изображения плясали какие-то ломаные искаженные контуры. Директор встал из-за стола, прошел к телевизору, стал лихорадочно крутить ручки настройки, но безрезультатно.

— Неполомки налицо, — заметил Рэнсом. — Надо все как следует наладить.

— Все будет сделано утром, до открытия, — уверил его насупившийся директор. Он еще немножко — и безуспешно — покрутил ручки настройки, потом сдался и выключил телевизор.

— Не беда, — сказал он. — Все равно телевизор не работает по ночам, а мы скоро уходим...

— Не могли бы вы позвонить дежурному по залу и попросить его не уходить, пока я с ним не поговорю? — проговорил Рэнсом.

Директор пожал плечами. Анри проведет в музее, по меньшей мере, полчаса после его закрытия, проверяя, в порядке ли сигнализация на окнах и дверях. Но что толку объяснять это американцу? Он взял телефон, стоявший на его столе, и нажал одну из четырех кнопок.

Анри медленно направлялся к большому сводчатому проходу в зал, где висела картина Ватто. До закрытия музея оставалось пять минут, и последние посетители уже двигались к выходу. Сейчас посетителей было куда меньше, чем в первые три недели экспозиции. Иногда музей оказывался пустым еще за полчаса до закрытия.

Но та женщина по-прежнему стояла перед Ватто и что-то записывала в маленькую книжечку. Всякий раз, закончив записывать, она открывала большую сумку, висевшую у нее на плече, и убирала книжечку. Потом начинала снова внимательно разглядывать картину, опять открывала сумку, вынимала книжечку и снова что-то в ней писала.

Школьная учительница, не иначе, подумал Анри. Он автоматически отметил: неплохие ноги. Неплохая попка. Правда, с талией дело обстояло так себе, да и животик был заметный. Лицо желтоватое, и над верхней губой намечались усики.

Жаль, подумал Анри. Она была бы ничего, если бы лучше следила за своей фигурой и не одевалась в эту коричневую нейлоновую хламиду. В тон хламиде был и платок на голове, из-под которого выбивалась бахрома волос мышинового цвета. Да и очки отнюдь не украшали посетительницу. В целом все это лишь портило хорошую попку.

В маленькой клетушке в углу коротко зазвонил телефон. Не торопясь, Анри дошел до телефона и снял трубку, присаживаясь на высокий табурет.

Модести Блейз быстро оглянулась и, убедившись, что в зале нет посторонних, взяла под мышку свою тяжелую сумку и вытащила из нее тонкую трубочку.

Затем, снова закинув ремень сумки на плечо, она стала раздвигать трубочку. Та оказалась состоявшей из нескольких секций, словно антенна. Трубка была сделана из легкого сплава, и вскоре в руках у Модести оказался металлический, сужающийся к концу прут длиной в десять футов, с двумя металлическими отростками в дюйм длиной. К рукоятке был прикреплен тонкий резиновый провод, другой конец которого скрывался в сумке.

Очень осторожно Модести взяла прут обеими руками, затем высоко подняла над головой, после чего двинулась к барьеру-канату. В голове у нее заработал таймер, но двигалась она спокойно, без поспешности. Модести знала, что прут нужно держать на высоте двух метров от пола, иначе сработает сигнализация. Высоко поняв прут и подойдя как можно ближе к барьеру, она поднесла конец прута к левому верхнему углу золоченой рамы в стиле Луи XV и нажала на кнопку в рукоятке. Послышалось легкое шипение, и из отверстия на конце прута брызнула краска, банка с которой стояла в сумке.

Прошло тридцать пять секунд. Между тем директор говорил из своего кабинета наверху:

— Да, Анри, я понимаю, что вы не собираетесь уходить, пока не проверите, как работают все системы безопасности, но со мной тут находится джентльмен, — он одарил Рэнсома очередной ледяной улыбкой, — который просил меня напомнить вам задержаться... Что? Да, конечно. Мы спустимся через несколько минут.

Рэнсом протянул руку к трубке и тихо произнес:

— Разрешите мне поговорить с ним.

— С Анри? — Директор удивленно посмотрел на американца, потом сказал в трубку: — Подождите, Анри. — Он снова взглянул на Рэнсома, уже не пытаясь скрыть раздражения. — Уверяю вас, мсье, он не скажет вам ничего нового. Не вижу смысла вам общаться с ним сейчас.

— Я хочу поговорить со всеми, — отрезал Рэнсом. — С инспектором, с вами, с Анри, короче, со всеми, кто имеет отношение к этому делу. Возможно, у вас есть свои соображения, как я должен действовать, но все-таки платит мне мистер Лей-тон, и, стало быть, я поступлю так, как он считает нужным.

Губы директора вытянулись в тонкую линию. Он молча протянул трубку собеседнику.

— Анри! — сказал тот в трубку. — Меня зовут Рэнсом, я представляю интересы Лейтона, который владеет этим самым Ватто. Я сейчас спущусь, но пока хотел бы спросить вас вот о чем. Кто дежурит в зале, пока вы говорите по телефону?

В зале не дежурил никто. Модести Блейз провела концом прута по нижней кромке рамы. Не отнимая прута от холста, она отпустила кнопку.

Теперь по всему периметру холста появилась кремовая полоса шириной в дюйм. На глазах полоса стала высыхать и теперь приобрела цвет штукатурки стены, на которой висела картина.

Шестьдесят секунд. Примерно соответствовало ее лучшему результату, достигнутому во время подготовки в парижском гараже за день до появления в музее. Второй этап — закрасить всю картину — должен был занять гораздо меньше времени, так как уже не было опасности забрызгать раму.

Модести начала энергично водить прутом, не обращая внимания на боль в руках. Сосредоточенно вглядываясь в то, что получалось на холсте, она в то же время вслушивалась в звуки, доносившиеся из клетушки Анри. И хотя до его поста было никак не меньше десяти шагов, она без труда слышала голос, который делался все громче и громче.

В кабинете директора Рэнсом говорил в трубку:

— Нет. Анри, я вовсе не обвиняю вас в халатности. Я охотно готов поверить вам, что с того места, где вы сейчас находитесь, вы прекрасно видите всех, кто выходит из зала. И я также знаю, что никто не сможет подойти вплотную к картине, пока включена электронная сигнализация. Во всяком случае никто не может сейчас похитить картину, но есть все же опасность, что ей могут нанести ущерб. — Он замолчал, вздохнул, потом попытался что-то сказать, но это ему удалось лишь с третьей попытки.

— Да, я понимаю, что на такое способен только безумец, но согласитесь, Анри, что в нашем свихнувшемся мире хватает психически неуравновешенных людей. Прекрасно, пусть в настоящий момент там находится лишь эта школьная учительница, но я-то говорю не о данном моменте. Прошу вас усвоить одну простую истину...

Он снова замолчал, резко отодвинув трубку от уха, потому как в ней с негодованием заклокотал голос служителя музея. Когда тот наконец утихомирился, Рэнсом снова взялся за свое.

Директор откинулся на спинку стула. К нему опять вернулось хорошее настроение. Наконец-то коса нашла на камень. У него уже не было сил препираться с этим проклятым американцем, зато Анри оказался в своей стихии. Когда дело доходило до словесной перепалки, Анри не было равных. Он быстро и без особого напряжения выматывал оппонента.

Между тем Модести Блейз спокойно сложила металлический прут и вместе с рукояткой упрятала его назад в сумку. Она бросила взгляд на Ватто. Последние полосы успели поблекнуть. Казалось, на стене осталась лишь одна рама.

Она насадила колпачок на отверстие в боку сумки, а затем не спеша двинулась к сводчатому проходу. У нее в руках снова появились записная книжка и карандаш, и она на ходу стала делать какие-то пометки.

Анри швырнул телефонную трубку на рычаг и посмотрел на американку испепеляющим взглядом. Она остановилась, дописала строчку, затем спрятала записную книжку и, ускорив шаг, направилась к большому залу, расположенному ближе к выходу.

Анри провожал ее взглядом, хотя все его мысли были по-прежнему сосредоточены на том, что он недавно услышал по телефону. В его мозгу проплыли словесные и визуальные образы, связанные с учительницей и ее попкой, после чего он снова вернулся к упоительной ненависти и стал сочинять полные ядовитого сарказма фразы, которые вскоре скажет этому чертову мсье Рэнсому.

Две минуты спустя по каменной музейной лестнице спустился директор. С ним был высокий темноволосый человек. Анри вышел из своего закутка и застыл в ожидании словесного поединка.

Вот, значит, этот Рэнсом, подумал он. Типичный американец. И главное, так противно говорит по-французски. Анри решил отринуть вариант, полный едкой иронии. Нет, он лучше будет предельно вежлив и чуть снисходителен.

— Анри, — сказал директор, — это мсье Рэнсом. Анри наклонил голову на миллиметр и холодно произнес:

— Очень приятно.

— Ватто вон там? — спросил Рэнсом, кивая на проход.

— Да, мсье. Прошу за мной. — Анри с достоинством повернулся и двинулся к залу с шедевром. Директор замыкал процессию. Оказавшись в маленьком зале, они повернули направо, туда, где был натянут шнур.

— Прошу, мсье, — сказал Анри, небрежно поводя рукой в сторону картины и не спуская глаз с лица Рэнсома.

— Сейчас я отключу основную сигнализацию и покажу вам, как работает система в этом зале...

— Он вдруг осекся и окаменел. Рэнсом смотрел мимо него. Лицо директора посерело.

— Это шутка? — хрипло спросил Рэнсом. Анри обернулся к стене. Рама была пуста! Лучи ламп отражались от голой поверхности!

— Это... это просто невероятно, — сказал он хриплым, срывающимся голосом. — Просто невероятно! Здесь была только та женщина... Если бы она попробовала дотронуться до картины, сработала бы сигнализация. К картине нельзя прикоснуться, если не встать на лестницу. Как же она ухитрилась вырезать холст? — С каждой фразой голос Анри делался выше и пронзительней. Он попытался сделать шаг вперед, но Рэнсом крепко схватил его за руку.

— Как давно она покинула зал? — спросил он.

— Три... от силы четыре минуты назад. — Анри схватился за голову обеими руками. — Но это же просто невозможно. Невозможно!

— Она вряд ли далеко ушла, — сказал Рэнсом, — и не хотелось бы включать сирену, чтобы дать ей понять, что мы уже в курсе... — продолжал он тихим, но свирепым тоном. — Свяжитесь с жандармами. Пусть начнут ее поиски. У нее где-то рядом должна стоять машина. Ну, живее, бегом!

Анри побежал, пошатываясь и спотыкаясь, и стук его каблучков гулким эхом разносился по залам музея. Рэнсом повернулся к директору.

— Как вы отключаете сигнализацию? Директор с видимым усилием закрыл разинутый рот, потом сказал:

— Вон там... там находится пульт, — прошептал он, глядя на Рэнсома полными ужаса глазами. — У меня есть ключ. — Шатаясь, он подошел к стене и стал открывать металлическую панель.

— Отключите основную сигнализацию, — приказал Рэнсом. Директор повернул три или четыре выключателя. Рука его дрожала. Рэнсом подошел к барьеру и перегнулся через шнур.

Тотчас же зазвенел звонок в клетушке Анри.

— Так, и это тоже выключите! По крайней мере, система была в рабочем состоянии. — В голосе Рэнсома смешались злость и досада. Звонок перестал звенеть, и директор направился к американцу.

— Ближе не подходить! — рявкнул Рэнсом. — Мне нужна лестница и два чехла. Пошевеливайтесь!

— Чехлы? Ну, конечно... — бормотал бедняга-директор, проводя рукой по вспотевшему лбу. — Но полиция, мсье? Разве мы не должны связаться с инспектором Форе?

— Принесите, черт возьми, чехлы! — рявкнул Рэнсом. Он уже полностью владел собой, но голос его был как сталь. — А пока вы ходите, я сам позвоню ему отсюда.

Модести Блейз сидела в большом темном соборе, который выходил на площадь. Шесть минут назад она покинула музей.

Даже теперь собор казался слишком большим по отношению к городу, а ведь он был построен триста лет назад. Здесь, в углу последнего ряда, ее практически не было видно в тусклом свете, проникавшем в собор через ряд узких витражных окон. Впереди, на других скамьях, сидело еще человек восемь, и они были заняты своими делами.

Опустившись на колени, она извлекла из-под скамьи большую синюю пляжную сумку, которую спрятала там полчаса назад. В ней находились белые элегантные туфли, белая шляпа с узкими полями, губная помада, пропитанные очищающим раствором салфетки, а также карманное зеркальце с маленькой лампочкой, питавшейся от прикрепленной сзади батарейки.

Она сняла головной платок, к которому, как оказалось, была прикреплена бахрома волос мышиного цвета. Под коричневым нейлоновым балахоном у нее оказалось голубое платье с белым ремнем. Запустив руку под подол, Модести извлекла прокладку с живота, потомправила платье и ту же застегнула ремень.

Коричневый балахон, прокладка, платок, черная сумка, туфли без каблуков — все было запихнуто в пляжную сумку. Вскрыв пачку салфеток, Модести наклонилась, взяла зеркальце и включила лампочку. Шестидесят секунд спустя желтоватый грим, а также черные усики бесследно исчезли. Она наложила новый слой губной помады, удостоверилась в том, что все в порядке, затем убрала зеркало.

Волосы ее были кое-как заколоты под платком. Теперь она быстро собрала их в тугий пучок, тщательно заколола и надела шляпу.

Минуту спустя Модести Блейз уже стояла на паперти и беседовала с пузатым добродушным священником. Она спрашивала, как проехать из города в деревню Бурнисс. Священник прошел с ней через площадь к ее серому «ситроену», объясняя маршрут и энергично жестикулируя.

Модести села за руль, рассеяно выслушала пояснения священника, поблагодарила его ослепительной улыбкой и не торопясь выехала со стоянки.

Тем временем незадачливый директор музея появился в маленьком зале с двумя сложенными чехлами. Он был уже не таким бледным, но его бил озноб, и он все время покрывался испариной. Рэнсом к тому времени снял шнур. Он взял один чехол и аккуратно расстелил его на полу перед рамой.

— На полу могли остаться какие-то отпечатки, — пояснил он директору. — Надо сохранить их до появления полиции.

— Вы говорили с инспектором Форе? — спросил директор.

— Конечно. Он сказал, что высылает двоих детективов. Я же должен доставить ему раму, чтобы можно было проверить ее на предмет отпечатков пальцев.

— Он сам не придет? — мертвым голосом осведомился директор.

— Сейчас он занят выставлением оцепления. Важно не позволить этой женщине покинуть город с картиной, — рявкнул Рэнсом. — Ну, а где лестница, которую я просил?

— Сейчас ее принесет Анри, — пролепетал директор, и в проходе тотчас же появился Анри с большой деревянной стремянкой.

— Пожалуйста, отойдите назад, — сказал Рэнсом. Он взял лестницу, осторожно подошел к чехлу под картиной и поставил стремянку. Затем забрался на стремянку и стал заворачивать раму в чехол. Как следует упаковав, он взял раму и спустился.

С ношей в руках он двинулся по проходу. За ним семенили директор и Анри.

— У вас есть машина, мсье? — осведомился директор.

— Да, у вашего служебного входа.

— Может, мне попросить одного из жандармов проводить вас?

— Надеюсь, — мрачно отозвался Рэнсом, — что в настоящий момент жандармы делают все, чтобы найти и препроводить куда следует ту самую особу, которая украла картину мистера Лейтона.

Глава 9

Вилли Гарвин неистово тер волосы полотенцем, поглядывая в зеркало над щербатой раковиной. К каждой из его щек были приклеены по два комка ваты. Положив полотенце, он приблизился к зеркалу, потянул за один комок и заглянул под него.

Удовлетворенно кивнув, он и вовсе удалил его. Вата была черной, но зато на его щеке не осталось никаких следов «порохового ожога».

Нос его теперь лишился горбинки. Лишь там, куда доктор Жорж Бриссо вставил восковую прокладку, виднелся разрез. Но через день-другой от него не должно было остаться следа.

До полуночи оставалось минут десять. Чтобы снова стать самим собой, Вилли нужно было сделать еще одну вещь.

Он провел пять часов в багажнике серого «ситроена» Модести. Они ехали в предместье Парижа, где у них была квартирка в задней части антикварного магазинчика. Машина, которую Вилли использовал как мистер Рэнсом, теперь стояла в лесу примерно в пяти милях от того самого музея. Там они встретились с Модести, и она увезла его в «ситроене».

Вилли вылил черную воду из таза, в котором он смывал краску с волос, и она с шумом стала исчезать в отверстии раковины. Теперь настал момент, который он отложил напоследок. Вилли взял маленький стерженек с присоской на конце, подошел к зеркалу и с его помощью стал удалять коричневые контактные линзы, которые заслоняли голубые радужки его глаз.

Конечно, некоторые ловкачи быстро привыкают снимать-надевать эти чертовы штуковины, думал он, орудуя стерженьком, но ему это занятие не доставляло радости. Наконец дело было сделано. Он положил линзы в коробочку и взял большой металлический портсигар.

Именно этот портсигар он выкладывал на столе в кабинете директора музея. Большую часть его занимали батарея мощностью в один ватт и соединенный с ней излучатель, который работал примерно на той же частоте, что и музейное телевидение. Будучи включенным, он начисто уничтожал изображение на экране.

В портсигаре оставалось место лишь для четырех сигарет. Сейчас там лежала одна. Вилли взял ее, закурил, затем провел расческой по влажным волосам и направился в соседнюю комнату.

Модести в перчатках сосредоточенно водила влажной кистью по поверхности картины. Ей осталось очистить от светлого слоя лишь несколько квадратных дюймов бесценного холста. Увидев Вилли, Модести подняла голову и улыбнулась.

— Так оно лучше, Вилли-солнышко. Черные пятна на щеках — еще куда ни шло, а вот нос мне не понравился.

— Я и сам был от него не в восторге, — признал Вилли. — А как картина?

— Отлично. Твой состав очень хорошо отходит. Никакого Ущерба. — Она продолжала водить кистью по холсту, время от времени смачивая ее в ванночке с водой.

Вилли сел и, продолжая курить, стал следить за ее работой.

— Хорошо, что представился шанс проверить это на практике, — заметил он некоторое время спустя. — Одно дело планы в голове и совсем другое, когда из этого что-то получается.

— Да, и главное — это оказалось как нельзя кстати. Здорово придумано. Ты просто молодец.

— Я? Но это же твоя идея!

— Ну и что? Подать идею легче легкого. А вот воплотить претворить ее в жизнь... — Мокрой тряпкой Модести удалила последние следы камуфляжа и сказала: — Так, ну теперь посмотрим, что тут у нас.

Вилли надел перчатки, потом приподнял картину и прислонил ее к стене.

«Праздник в лесу» являл собой изображение изящных мужчин и женщин в красивых нарядах. Они весело пировали на лесной поляне.

— Если бы кто-нибудь сегодня удумал создать такой шедевр, — задумчиво протянул Вилли, — то ему разве что нашлось бы место на конфетной коробке.

— Тебе не нравится? — удивленно спросила Модести.

— Нет, с картиной полный порядок. Просто и сюжет, и стиль несколько устарели. Но этот парень Ватто, конечно, дело свое знал. Погляди, Принцесса, какие цвета, как он ловко ими работает...

— Да... — На какое-то время Модести погрузилась в созерцание картины, потом сказала: — Он добивается эффекта... — Потом осеклась и добавила: — Даже не знаю, как...

— Переливчато-перламутровый колорит, — изрек Вилли. Модести рассмеялась.

— Опять ты читаешь искусствоведческие работы, — заметила она, зная привычку Вилли время

от времени удивлять ее необычным словом или словосочетанием.

— Я много получаю от чтения статей музыкальных критиков, — признался Вилли и, ухмыльнувшись, добавил: — Ребята косят наповал.

— Как прикажешь тебя понимать?

Вилли прикрыл глаза, сосредоточился и забубнил:

— В этом маленьком шедевре пассажи производят впечатление светонепроницаемых герметических оболочек, а лаконичные интерлюдии придают ему переливчато-перламутровый колорит... Сказать, что исполнение этого произведения требует немалой степени отточенной виртуозности, было бы жалкой литотой.

— Ну уж, Вилли, ты хватил через край. Литота — это, пожалуй, слишком!

Вилли открыл глаза.

— Честное слово, Принцесса. Я посмотрел это слово в словаре. Литота — это или оборот, обратный гиперболе, то бишь преуменьшение, или замена одного выражения равнозначным, но в отрицательной форме, или и то и другое вместе. Например, сказать: «Джон Далл — не бедняк» — это как раз литота... Почитай музыкальных критиков. Это просто фантастика.

— Как-нибудь почитаю. Кстати, о фантастике, этот твой «Полонез» в ванной — вот уж настоящий шедевр.

— А, значит, ты открыла герленовский набор?

— Да. Запись просто потрясающая, Вилли. Уж не знаю, сколько ты потратил на это времени, но результат получился сногшибательным.

Вилли польщенно улыбнулся, подошел к старинному буфету в углу, открыл бутылку красного вина и разлил его в два бокала.

У древней печки стояло два старых кресла. Вилли чуть придвинул их друг к другу, потом взял бокалы и протянул один Модести. Они сидели, потягивая вино и поглядывая на картину, наслаждаясь минутами отдыха после напряженной работы.

— Ты не звонил Венгу насчет Люсиль? — вдруг спросила Модести.

— Угу. Звонил. Все в порядке, Принцесса. Он посадил ее на самолет, потом, в тот же вечер, позвонил в школу, чтобы узнать, как она долетела, и встретили ли ее в Танжере.

— Никаких проблем у нее не возникло?

— Если верить Венгу, она была не очень-то довольна, что ни ты, ни я не пришли ее проводить.

— Он разве не сказал, что мы через несколько дней прилетим ее повидать?

— Сказал, но она все равно насупилась.

— Ничего, переживет, — сказала Модести, пожимая плечами.

— По-моему, она не очень горевала, что нас там не было, просто подвернулся хороший случай немного поактерствовать.

Вилли встал, расстелил на столе одеяло. Потом положил картину лицевой частью вниз. Подрамник был дубовый, с одной поперечиной и крепился к раме металлическими уголками поверх резиновых пластин. Вилли разложил на столе свою сумку с инструментами. Он отвинтил уголки и вытащил подрамник из резной раззолоченной рамы.

— Ты можешь вытащить холст так, чтобы не повредить печать? — осведомилась Модести.

— Еще бы, Принцесса. — Вилли взял небольшую, похожую на вилку фомку и начал отдирать первую из многочисленных скрепок, удерживавших холст.

Так, в молчании и в трудах, Модести и Вилли провели четверть часа.

— Вилли, — нарушила тишину Модести. — Все никак не могла выбрать момент — хочу сказать тебе, что в Бейруте возник Майк Дельгадо.

Вилли покосился на нее, затем продолжил отдираание скрепок.

— Возник? — повторил он. — Как же у него это получилось?

— По его словам, он случайно оказался в тех же краях, что и я.

Вилли отделил верхний ряд скрепок.

— Дельгадо оказался там как раз в тот момент, когда ты проигралась в пух... Что ж, это даже хорошо. Он растрезвонит это по всему белому свету.

— Это уже попало в кое-какие газеты, — заметила Модести. — Я обещала увидеться с ним в Лиссабоне. Может, имеет смысл поддержать знакомство?

Вилли задумался, почесывая подбородок рукояткой фомки.

— У Дельгадо тут могут быть свои планы, — сказал он наконец. — Может, это не то, что нас интересует, но... Короче, не надо его разочаровывать.

— Ты хочешь сказать, что если он прибудет в Лиссабон, то исключительно потому, что у него есть свои профессиональные виды на меня? — спросила Модести. Она встала и подошла к Вилли, который снова склонился над холстом.

— Ну да. Ты же знаешь его как облупленного. Принцесса. Она улыбнулась и, постучав Вилли пальцем по плечу, заметила:

— Вилли, ты, может, просто устал, но твои слова звучат жутко бестактно. Разве ты не допускаешь, что я могу интересоваться его сама по себе? Как женщина?

Вилли положил фомку и сокрушенно покачал головой.

— Господи, как я наивен, Принцесса, — пробормотал он. — Это моя беда. Я просто осел.

Модести рассмеялась и прошла в соседнюю комнату. Там в углу стоял большой ящик, из которого виднелись гипсовые статуэтки, упакованные в солону. Каждая из них была высотой примерно в два фута, и выглядели они по-восточному причудливо, а если что и притягивало к

ним взгляд, то, пожалуй, вопиющее отсутствие вкуса в исполнении. У одной из статуэток была отломана голова. Ящик был готов к отправке в Лиссабон на адрес несуществующей фирмы, каковой предстояло забрать его в порту. Модести взяла и голову, и туловище статуэтки и вернулась в комнату к Вилли. Он уже полностью отделил холст от подрамника и теперь проверял его податливость.

— Думаешь, его можно свернуть в трубку? — спросила Модести.

— Если не скатывать очень туго, то все будет в порядке, — отозвался Вилли, кивая головой.

Три минуты спустя холст уже находился в пустом цилиндрической формы футляре шириной четыре дюйма, прихваченном в трех местах клейкой лентой. Затем Вилли поместил цилиндр в туловище статуэтки, а Модести поставила голову на место. Обе части отлично подходили друг к другу.

Модести взяла статуэтку и направилась с ней в ту комнату, где стоял ящик. Вилли проследовал за ней. Модести уложила статуэтку на соломенное ложе.

— Все в порядке, Вилли, — сказала она. Вилли положил сверху еще слой соломы, затем приладил тяжелую деревянную крышку и начал приколачивать ее гвоздями.

— Дай бог, чтобы старина Таррант не подкачал, — сказал он.

Рене Вобуа, глава Второго отдела, погладил гладко выбритую щеку и взглянул из окна своего кабинета на голубя, который уселся на ветку каштана. Голубь смотрел на Рене Вобуа.

Прижимая к уху трубку телефона-скремблера, Вобуа встал, открыл окно, вытащил галету из ящика стола и раскрошил ее по подоконнику. Когда он закрыл окно, голубь спикировал на карниз и начал клевать.

— Но, друг мой, — говорил Вобуа в трубку с легким упреком, — вам следовало сказать об этом раньше. Вот уже тридцать шесть часов наша полиция сбивается с ног в поисках этого Ватто.

Таррант отозвался смущенным тоном:

— Прошу прощения, Рене, но я не мог сказать вам того, о чем сам тогда не подозревал.

Вобуа не обиделся за эту ложь, ибо отлично понимал ее необходимость. Таррант не пытался надуть его, но лишь выказывал тем самым понимание его положения. Вобуа был даже рад, что не узнал об этом раньше, потому как это создало бы для него лишние осложнения.

— Мужчина и женщина, это, разумеется, Гарвин и Блейз? — спросил он. Вобуа говорил по-английски практически без акцента и лишь та четкость, с которой он произносил слова, указывала на то, что это все-таки не его родной язык.

— Понятия не имею, Рене, — отозвался Таррант. — Блейз и Гарвин вообще-то отошли от дел, хотя это похоже на их почерк. Так или иначе, я получил анонимное предупреждение и счел долгом поставить вас в известность.

— Это, как мне кажется, дело полиции, а не Второго отдела, Джеральд, — отозвался Рене, с улыбкой наблюдая, как голубь клюет крошки. Что ж, нужно было довести ритуал до конца.

— Понимаю, Рене, но, учитывая странное происхождение этого предупреждения, я решил все-

таки поставить в известность именно вас.

— Я понимаю, — сказал Вобуа, глядя на записи в блокноте. — Итак, вы говорите, что, когда некий грузовик окажется у одного из парижских складов, из него может выпасть ящик, и что когда этот ящик осмотрят, чтобы установить, все ли там в порядке, в нем обнаружат пропавшего Ватто?

— Так мне сообщил анонимный доброжелатель, Рене.

— И кроме того, невозможно будет установить, кому предназначался ящик или кто был отправителем?

— Совершенно верно.

— И вы говорите, что было бы неплохо, если бы во время этого открытия присутствовал журналист, который предал бы случившееся огласке?

— Да.

— Но это спугнет виновных в похищении, и они тогда и не подумают постараться получить ящик...

— Я вполне отдаю себе в этом отчет, — отозвался Тар-ранг. — Я понимаю, что это огорчит наших друзей-полицейских, но зато бесценный Ватто снова вернется к законному владельцу. Итак, вы сможете устроить все соответствующим образом?

Вобуа вздохнул.

— Господи, сколько от вас мороки, Таррант, — сказал он самым учтивым тоном. — Мне гораздо труднее найти водителя и грузчика для этого грузовика, чем организовать взлом сейфа в посольстве или похищение портфеля посла.

— Я знаю, Рене, я знаю, — рассмеялся Таррант. — Вы правы. Самое трудное — это подобные мелочи. Но все же вы сумеете все организовать?

Вобуа завершил эскиз обнаженной женской фигурки.

— Суметь-то сумею, и сделаю так, что все почести достанутся полиции. Но тем не менее от вас очень много мороки.

— Чрезвычайно вам признателен, — сказал Таррант. Так оно и было. Они всегда оказывали друг другу содействие, когда это только было возможно. Когда же политические ветры начинали дуть в другом направлении и партнеры вдруг на время превращались в антагонистов, они начинали воевать друг против друга в своем странном тайном мире без снисхождения, но не теряя при этом взаимного уважения.

Вобуа добавил голый девичье по пояс целомудрия и с неприязнью посмотрел на свой рисунок.

— Зачем она это делает, Джеральд? — спросил он. — Сначала этот жуткий проигрыш в Бейруте. Потом похищение, которое вовсе не является похищением. Никак не могу увидеть в этом смысла.

— Лучше не ломайте голову понапрасну, Рене, — посоветовал Таррант. — Как только смогу, я

все вам растолкую.

— Отлично. Но позвольте спросить, Джеральд, что вы сами думаете? Она проверяет вашу гипотезу?

Последовало короткое молчание, потом Таррант ответил:

— Я думаю... да.

— Если Модести Блейз играет в вашей команде, надо полагать, намечается что-то большое?

— Я могу и ошибаться, Рене.

— Но если вы не ошибаетесь?

— Тогда затевается нечто серьезное. Голубь улетел. Вобуа с легкой грустью посмотрел ему вслед и сказал:

— А знаете, я никогда с ней не виделся. Я бы хотел когда-нибудь познакомиться с этой самой Блейз.

— Она не раз говорила о вас. С восхищением. Я попытаюсь это устроить. Она будет только рада.

— Буду ждать встречи с нетерпением. Если, конечно, вы до этого не угробите ее, Джеральд. — Вобуа произнес фразу непринужденно, но очень рассердился на себя, когда услышал, с каким напряжением прозвучал ответ абонента:

— Да, Рене, если я до этого ее не угроблю.

— Мои поздравления, — сказал Майк Дельгадо.

Он вытянулся на кровати, накрывшись простыней и смотрел на Модести Блейз. Она все еще спала. Она лежала на животе, повернув голову в его сторону. Тело ее было расслаблено, дыхание ровное, лицо умиротворенное, юное, уязвимое.

Окна спальни были распахнуты настежь. Первые косые лучи солнца, пробившись сквозь закрытые ставни, раскрасили золотыми полосами загорелую спину Модести и простыню, закрывавшую ее от талии и ниже.

Вилла стояла на холме. За ней начинались заросли эвкалиптов, карликовой сосны и джакаранды. Ниже по берегу Тагуса проходило шоссе между Историлом и Каскаисом.

Дельгадо приложил палец к кончику носа Модести, чуть нажал и повторил:

— Поздравляю.

Она поморщилась, убрала голову, потом, уже просыпаясь, открыла глаза и что-то промычала.

— Я просто сказал «поздравляю», — пояснил Майк. Она перевернулась на спину и потянулась, словно кошка, отбросив при этом простыню. Потом приподняла голову и с интересом посмотрела на собственное тело со словами:

— Надо же, я вся в золотых полосках.

— Очень привлекательно. — Майк перевернулся в ее сторону, оперся на локоть и стал водить кончиками пальцев по золотой полоске. Модести уже окончательно проснулась и весело следила за манипуляциями Дельгадо.

Его пальцы скользнули по ее животу и двинулись к внутренней стороне бедра, где полоса исчезала.

— Прямо как в детской игре-головоломке, — заметил Майк. — Мистер Банни пытается отыскать дорогу в свой домик. Это непросто. Ну, дети, можете помочь ему?

Майк провел пальцем еще по одной полоске, и его рука оказалась на внешней стороне бедра.

— Мистер Банни заблудился, — заметила Модести.

— Мистер Банни имеет основания считать, что головоломка подделана. Ну-ка, придвинься на четыре дюйма.

— Это будет жульничество.

— Мистер Банни, черт бы его побрал, обожает жульничать.

— Знаю. — Модести взяла его руку и положила себе на грудь. — А который час?

— Часы у меня на руке.

Модести повернула его запястье и провозгласила:

— Пять минут десятого.

— Это имеет какое-то значение?

— Нет, просто у меня сегодня встреча с Вилли. Нам надо кое-что обсудить.

— Это насчет Ватто?

— Какого Ватто? — спросила Модести, и ее брови поползли вверх.

— Старика Ватто, один шедевр которого на днях как в воду канул. Кто покупатель, радость моя?

— Мистеру Банни не следует совать свой розовый носик в чужие дела, — нравоучительно заметила Модести.

— По-моему, ты мне уже советовала это раньше, — усмехнулся Дельгадо.

— Вот и отлично, Майк. — Она говорила без признаков раздражения. — И вообще лучше об этом помолчать.

— Ладно. Я просто хочу сказать, что мне это доставило удовольствие. Мне совершенно не хотелось бы видеть тебя разоренной. И ты правильно сделала, что выбрала Лиссабон. Можешь продавать товар за золото, тут в этом смысле никаких ограничений. Вилли доволен?

— Он, по-моему, в последние дни находится в хорошем настроении. Ему тоже не нравилось видеть меня без гроша.

— Могу себе представить.

Модести чуть насупилась, словно пытаясь воскресить в памяти какой-то эпизод, затем спросила:

— Что ты мне говорил, когда я только просыпалась?

— Я пытался выразить тебе мое удовольствие. Передать поздравления.

— Ты опять насчет Ватто?

— Нет, это просто поздравления. От меня тебе. Лично.

— По поводу чего?

— По поводу того, что ты многому научилась. Для меня эта ночь стала просто незабываемым переживанием.

Модести откинулась на подушку. Лицо ее было умиротворенным. Майк наклонился над ней, глядя на нее с явным любопытством, и, когда он снова заговорил, ирландский акцент звучал особенно отчетливо.

— Прошло пять лет. Даже тогда ты неплохо умела дарить себя. В тебе было пламя. Но теперь это длинная-длинная радостная песнь.

Модести тихо перебила его:

— Жизнь так и не научила тебя, когда надо говорить, а когда молчать, зеленоглазый ирландец? Он удивленно уставился на Модести.

— Думаешь, я слишком разболтался? Несу чушь?

— Ну, почему же чушь?

— А в чем дело?

Она пристально посмотрела на него, потом подняла руки и обняла его за шею.

— Просто слова порой должны уступать место делам... — пробормотала Модести.

Снова их тела слились, и золотые полосы солнечного света начали свой причудливый танец, создавая все новые и новые прихотливые узоры...

В десять часов Модести вышла из ванной, завязывая пояс желтого халата. В открытую дверь гостиной она видела спину Майка. Он был в голубых спортивных брюках и рубашке «матлот». Он стоял у столика, накрытого к завтраку, и просматривал газету.

— Через пять минут я оденусь и выйду, — весело крикнула ему Модести.

Она уже направлялась к спальне, когда Майк вдруг сказал:

«Погоди». Голос его прозвучал как-то странно. Она повернулась и подошла к нему. Он молча протянул ей газету. Она так же молча стала просматривать страницу.

Газета называлась «Ль'Аурор». На первой странице огромными буквами чернел заголовок: «ОБНАРУЖЕН ПРОПАВШИЙ ВАТТО». Модести стала читать первые абзацы, набранные крупным шрифтом.

— Этот чертов ящик выпал из грузовика и открылся, — сказал Майк. — В нем были какие-то гипсовые статуэтки.

Некоторые из них разбились. В одной оказался спрятан холст.

Дельгадо наблюдал, как Модести реагирует на этот удар. Лицо ее не побледнело, но зато странно окаменело. Наконец она протянула ему газету и пошла в спальню. Он двинулся следом. Она сидела на кровати, сунув руки в карманы халата и смотрела в окно, ставни которого теперь были распахнуты.

— Они могут проследить, куда ведут нити? — спросил Дельгадо.

— Нет. Ни назад, ни вперед. Если бы пресса не устроила трезвон, они могли бы доставить груз в Лиссабон и там уже проверить, кто пожелает его получить. Но теперь этот номер не пройдет. Мне надо сказать журналистам спасибо.

Майк зажег сигарету, передал Модести. Он обратил внимание, что еще мгновение назад у нее был отсутствующий взгляд. Теперь в ее глазах появилась новая сосредоточенность.

— Да уж, есть за что сказать спасибо, — иронически произнес Дельгадо.

— Я совершила ошибку, — сказала Модести, и в ее голосе зазвенела ярость — она злилась на самое себя. — Не надо было так отправлять груз!

— Но это был лучший способ.

— Нет. — Она посмотрела на Майка в упор. — Это был самый безопасный способ, но не самый лучший. Мне следовало бы вывезти Ватто самой. С Вилли. Мы так всегда делали раньше. Но я что-то утратила форму.

— Ты?

— Да, я! — Модести встала и, обхватив себя руками, начала расхаживать по спальне. Сигарета, зажата в пальцах, не дрожала. — Теперь, прежде чем я сделаю новую попытку, мне придется немножко поработать над собой...

— Новую попытку?

— А что еще мне остается? Только прежде нужно восстановить форму. Лучше держать удар, быстрее соображать. В общем, стать той, какой я была раньше.

— Чем же ты планируешь заняться?

— Пока не знаю. Но, наверно, чем-то вроде того, что было у меня все те годы... Что-то серьезное. — Она коротко усмехнулась и сказала: — Ты не волнуйся. Я знаю, ты одинокий волк, и я вовсе не посягаю на то, что ты там наметил для себя...

— У меня пока нет ничего определенного.

— Может, так оно и есть, но ты ведь всегда держишь нос по ветру. А я утратила контакты. Может, ты подскажешь, если что-то где-то наклеивается...

— Ты готова наняться?

— На время... Если ничего лучше не подвернется. Он молчал добрую минуту, потом помотал головой.

— До меня доносятся разные слухи, но никогда не известно, что за всем этим скрывается...

— Если поймешь, что есть какой-то неплохой вариант, причем по моей части, то дай знать.

Она подошла к окну и, затягиваясь сигаретой, уставилась перед собой.

Возникла пауза, потом Майк спросил:

— Какие у тебя планы?

— На сегодня?

— Да.

— Первым делом позвоню Вилли, если он еще не читал газет. Ну, а потом начну жить дальше... сама по себе... Мы поспешили праздновать победу, Майк. Праздник окончен...

— Ты хочешь, чтобы я съехал?

— Извини, Майк, но что поделаешь!

— Я могу чем-то помочь?

Она с улыбкой посмотрела на него и спросила:

— Ты, надеюсь, не собираешься предложить мне денег взаймы?

— Нет, конечно. — Он улыбнулся и добавил: — Это не устроило бы никого из нас.

— Это верно. Тогда о какой же помощи может идти речь?

— Я имею в виду то, о чем ты только что говорила. Если вдруг до меня дойдут слухи и они окажутся подтвержденными... Короче, где я могу найти тебя?

— Еще пару дней я пробуду здесь, как и собиралась, а потом поеду в Танжер.

— С Вилли Гарвином?

— Да. К его протеже Люсиль... Она хочет нас видеть.

— Ясно. Но что ты будешь делать?

— Попробую узнать, не пожелает ли кто-нибудь купить мой тамошний дом.

— Тебе будет его не хватать. Ты давно им владеешь. Но по крайней мере, это даст какие-то

средства... За него могут неплохо заплатить.

— Да уж, это было бы кстати. Я ведь заняла деньги под его стоимость... Но ты звони или телеграфируй туда. Я там пробуду недели три, если мы с Вилли не отыщем какую-нибудь стоящую работу.

— Ладно. — Дельгадо встал и сказал: — Можно хоть позавтракать или уезжать на голодный желудок?

— О чем ты говоришь! — В ее голосе была теплота. — Я тоже что-нибудь съем с тобой за компанию.

— А потом еще напоследок искупаемся?

— Нет, после завтрака тебе лучше уехать. У меня есть кое-какие спешные дела. И надо кое-что обдумать...

— Ты еще не пристрастилась к созерцанию пупа? — буркнул он. — Помогает в размышлениях. — В его глазах появились насмешливые искорки.

— Почему бы и нет? — сказала она, не обижаясь на шпильку. — Я пользуюсь приемами йоги, когда мне нужно хорошенько сосредоточиться, снять напряжение. — Она подошла к двери, обернулась, и на ее лице появилась озорная улыбка подростка. — По крайней мере, не одному тебе на него таращиться.

Примерно в двухстах ярдах от виллы стояла «симка», на водительском месте которой сидел человек и делал вид, что читает газету. На нем был бежевый легкий пиджак, кремовая рубашка с бежевым галстуком и мягкая кремовая шляпа из поплина с узкими полями. Лицо у него было худое и смуглое.

Он посмотрел на часы, бросил взгляд на виллу, скрывавшуюся в зелени, потом снова взялся за газету. В машине было жарко, а вскоре сделается и вовсе как в духовке. Но он был готов ждать сколько понадобится, чтобы выполнить данное ему поручение.

Все эти неудобства не шли ни в какое сравнение с неудовольствием того, на кого он работал.

Глава 10

Модести Блейз лежала на пляжном коврикe на песке. Самые жаркие часы уже миновали, но солнце по-прежнему пекло всюю. На маленьком пляже к востоку от Каскаиса находилось человек десять, и до ближайшей группы от Модести было шагов пятьдесят.

Майк Дельгадо уже уехал — в Лиссабон, а может, и в аэропорт. Модести не спрашивала о его планах. В час дня Модести позвонила Вилли Гарвину в лиссабонский отель.

— Привет, Принцесса, — весело отозвался он. — Похоже, наш старик неплохо поработал со своим оппонентом-приятелем. — Вилли имел в виду Тарранта и Вобуа.

— Да, в этом смысле все идет хорошо, только, боюсь, Майк ни на кого нас не выведет.

— Ты пыталась с ним поработать?

— Да, я сказала ему открытым текстом, что поступаю в продажу. Но он на это никак не отреагировал.

— М-да. А мы-то надеялись, что он рано или поздно узнает об этой веселой компании.

— Может, еще слишком рано. А может, они слишком хитрые. И вообще, вряд ли кто-то сумеет что-то узнать, пока он не свяжет себя с ними договором по рукам и ногам и не окажется под их контролем.

— Да... Ну, так что теперь?

— Через два дня едем в Танжер, как и собирались. Я сказала Майку, что он сможет найти меня там. Даже если он сам ничего не узнает, он, по крайней мере, хоть распушит слух, что мы поступили на рынок. Вдруг это услышат те, кто нас так интересуется.

— О'кей. Ты чем сегодня занимаешься, Принцесса?

— Ничем, но пусть тебя это не волнует. Ты-то, похоже, завяз по горло.

Вилли хмыкнул и со вздохом признался:

— На мою беду, особа попалась романтическая.

— Так это же хорошо!

— Чего уж тут хорошего! Она хочет, чтобы я убил вечер, слушая эти самые fado, в которых поют о любви без взаимности... Для меня это чересчур. В этом есть нечто макабрическое.

— Опять ты начитался музыкальных критиков? Что же мы могли бы предпринять, в чем не было бы ничего макабрического?

— Во всяком случае, нет резона разгуливать с веселыми минами, потому как внимательные люди могут почуять подвох. Может, выйдем в море от Историла, посмотрим на Бока-до-Инферно?

— Отлично. А потом я угощу тебя ужином на вилле.

— Договорились. Тогда увидимся на пристани в Историле часов в семь.

— В семь так в семь.

Днем Модести надела поверх своего темно-синего купальника клетчатые черно-белые шорты и такую же рубашку и отправилась на пляж. Она поплавала часок, а потом стала нежиться на солнце.

Она лежала, блаженно подставляя свое тело горячим португальским лучам и, прикрыв глаза, думала о Вилли. Ей было приятно, что они сегодня вечером совершат морскую прогулку. В обществе Вилли ей всегда было хорошо. Она вернулась памятью к тому уже далекому дню, когда выкупила из сайгонской тюрьмы мускулистого, лишенного, казалось бы, человеческого облика уголовника, мозги которого работали с большим напряжением и которого снедали злорадность, подозрительность и ненависть ко всему на свете.

За неделю до этого она увидела его в поединке, который проводился на открытой арене по инициативе Федерации восточных единоборств, пытавшейся привить во Вьетнаме тайскую борьбу. Вилли действовал мощно и быстро, но этого Модести было бы мало. Решение выкупить его и попробовать использовать в своей Сети пришло к ней после того, как он отправил соперника в нокаут.

Надев рубашку, Вилли посмотрел куда-то в проход арены, и на его лице Модести заметила смесь усталости и отчаяния. Она проследила взглядом за Гарвином, и увидела, как по проходу идут двое полицейских. Когда она снова взглянула на Вилли Гарвина, его лицо опять излучало ненависть и злобу.

Полицейские подошли к нему, что-то коротко ему сказали, и Вилли, не попытавшись даже оказать сопротивления, пошел с ними. Когда он проходил мимо нее, их взгляды на мгновение встретились. Похоже, он что-то увидел в ее глазах, потому что огоньки ненависти вдруг угасли. Он пожал своими плечиками, в голубых глазах появилось выражение покорности судьбе, и его увели.

Модести тогда вступила в борьбу с собой: попытаться выкупить его или забыть о случившемся? Но именно те два коротких проявления совсем другого начала в этом человеке и решили дело. Она выкупила его, забрала с собой в Танжер, и полтора месяца спустя прежний Вилли Гарвин приказал долго жить.

Она поняла — впрочем, она заподозрила это с самого начала, — что у нового Вилли Гарвина мозги работают даже лучше, чем у нее самой. Он обладал очень многими полезными в их деле приемами и навыками, отточив их до блеска. Он поразительно быстро впитывал знания и сразу же запоминал все, что видел, слышал или читал. Новый Вилли Гарвин ходил с гордо поднятой головой. Это был довольный жизнью и уверенный в себе человек. Модести понимала, что сыграла роль катализатора в этом чудесном превращении, и поначалу это даже встревожило ее, потому что она видела, что он живет только ею и через нее.

Модести в общем-то сохранила это чувство ответственности за Вилли, но за годы совместной работы она сама стала во многом от него зависеть. Они сражались бок о бок, проливали свою и чужую кровь и одерживали победы, выручали один другого из беды, а когда опасность оказывалась позади, помогали друг другу залечивать раны. Впервые в жизни она нашла человека, на которого могла всецело положиться, а для Модести Блейз это, безусловно, было поистине бесценной находкой.

Разумеется, в ее жизни встречались мужчины, которые вызвали у нее самые теплые чувства, и с которыми она оказывалась в интимных отношениях, но эти моменты близости носили преходящий характер, потому что по-настоящему Модести Блейз могла принадлежать лишь самой себе. И все эти мужчины вместе взятые не стоили одного Вилли Гарвина.

Да, замечательно, что сегодня они вместе выйдут в море. Им будет хорошо вдвоем на маленькой яхте. Они смогут расслабиться и спокойно потолковать о том о сем. Но не о работе. Поскольку о работе пока было нечего сказать.

— Привет! — вдруг раздался голос поблизости. Модести открыла глаза. Примерно в шаге от нее присел на корточки человек в голубой рубашке, шортах цвета хаки и открытых сандалетах. Ему было лет двадцать пять. У него было смуглое худощавое лицо и маленькие жесткие глазки. Он улыбнулся и сказал по-английски с акцентом:

— Не хотите ли совершить прогулку по морю со мной и моим товарищем?

Судя по акценту, это был итальянец или сицилиец. Первое предположение, что это обычный кадреш на пляже, Модести отвергла, как только открыла глаза и увидела говорившего. В этом человеке было нечто, заставившее сработать ее систему безопасности. Модести поняла, что наконец-то к ней пожаловала долгожданная беда. Где-то в самом уголке сознания мелькнуло удивление: если это было то самое, что ее так интересовало, то подход осуществлялся как-то слишком грубо и даже угрожающе.

Модести приподнялась на локте, посмотрела на говорившего, затем на его приятеля, который устроился чуть поодаль, присев на согнутую ногу и держа в руках помятую шапочку. Этот тип был чуть повыше, но на нем лежала та же печать беды. У берега качался на волнах небольшой катерок с каютой на две полки. Один человек находился на катере, другой стоял по колено в воде и придерживал судно, не давая ему сесть на мель.

— Нет, — сказала Модести, — благодарю вас, но никакого желания кататься я не испытываю.

Но человек кивнул в сторону своего приятеля и сказал:

— Эмилио очень хочет прокатиться. Говорит, это необходимо.

Эмилио улыбнулся одними губами, но в глазах его стояла настороженность. Он чуть повел в сторону рукой, и Модести увидела, что за помятой шапочкой он прячет ствол с глушителем. Это был «смит-вессон» марки «сентенниал», короткоствольный бескурковый револьвер с отпиленным передом спусковой скобы. Палец Эмилио лежал на спуске.

Глядя на него в упор, Модести провела трехсекундный анализ ситуации. На ней сейчас купальник и легкие сандалии. На голове не было шиньона, в котором она порой хранила конго. Тюбик помады, он же газовый баллончик, находился далеко, на вилле. В ее сумочке, которая лежала в пляжной сумке вместе с шортами и рубашкой, не было никакого огнестрельного оружия. Там находились только пудреница, маникюрный наборчик, обычная губная помада, сигареты, зажигалка, деньги и два носовых платка.

Ее единственным оружием была большая деревянная нащепка на застежке сумки: если отстегнуть кожаный чехол, эта деревяшка превращалась в конго.

Между тем первый сказал:

— Мы идем сейчас.

Он встал и попятился. Эмилио остался на месте, по-прежнему прикрывая шапочкой «смит-вессон». Модести встала на колени, стряхивая ладонями песок, прилипший к телу. При первом же движении ее руки револьвер Эмилио дернулся. Его приятель, с застывшей улыбкой на лице, сказал зловещим шепотом:

— Нет. Руки по швам... Двигаться медленно... Очень медленно. И все время лицом ко мне. Во избежание неприятностей.

У него был вид человека, который не бросает слов на ветер. Модести встала.

— Вещи взять можно?

Он оглянулся, подумал, потом сказал:

— Мы сами все заберем.

С этими словами он собрал коврик, взял сумку, потом кивком велел следовать за ним, а сам направился к катеру.

Модести знала, что Эмилио идет сзади, и его револьвер нацелен ей в спину. Чуть наклонив голову, Модести взглянула на его косую тень. Эмилио отставал от нее на расстояние двух вытянутых рук — это свидетельствовало о его хорошей профессиональной подготовке, затруднявшей все контрмеры.

Первый вошел в воду, подождал, когда она подойдет. Потом на всякий случай, для публики, он широко улыбнулся и подал ей руку. Когда она оказалась в катере, ей было жестом ведено сесть слева в середине. Эмилио расположился напротив. Теперь уже Модести видела револьвер вполне отчетливо, хотя Эмилио по-прежнему прикрывал его так, чтобы никто с пляжа не мог его углядеть. Затем в катер забрались и тот, кто проводил с ней все переговоры, и тот, кто держал нос судна. Модести посмотрела на своего недавнего собеседника и сказала по-итальянски, кивнув на державшего катер.

— Значит, это Форли, так, что ли?

Эмилио, не спуская глаз с Модести, спросил Форли:

— Ты с ней знаком?

— Встречался однажды, в Катании. Четыре года назад. Тогда я работал у Векки, а он с ней вел дела.

— Векки будет недоволен, — нарушила молчание Модести. — Он мой старый знакомый.

— У Векки сейчас свои проблемы, — сказал Эмилио, и его рот растянулся в крокодильей усмешке. — Векки помер.

Четвертый тип запустил двигатель, и катер стал удаляться от берега.

— Будьте добры, сигарету, — произнесла Модести, глядя на берег, до которого было примерно полмили, и пытаясь оценить свою позицию.

Форли опустил руку к карману, но Эмилио, грязно выругавшись, заставил его застыть.

— Не подходи к ней, кретин, — рявкнул он. — Ни в коем случае. Ни ты, ни кто-то еще.

Модести отправила на обработку еще один фрагмент информации. Тот, кто за всем этим стоял, неплохо разбирался в ситуации и знал, что от нее можно ждать неприятностей. Он послал четверых, чтобы доставить ее, и предупредил их, чтобы были начеку. Интересно...

Форли открыл ее пляжную сумку, потом сумочку и начал аккуратно просматривать содержимое.

Полчаса спустя катер оказался в укромной бухточке, и еще через пару минут его кранец стукнулся о деревянный причал. Модести высадилась на эту шаткую пристань, потом они поднялись по извилистой узкой тропинке, проходившей через заросли кустарника, и оказались на дороге, где их ожидала легковая машина. Уго — так звали человека, который окликнул ее на берегу, — велел ей сесть между водителем и Форли. Остальные трое забрались назад. Эмилио расположился в середине, и ствол его револьвера то и дело касался шеи Модести.

Десять минут спустя машина подъехала к довольно уродливой вилле, выкрашенной в розовый и голубой цвета. Вилла стояла на полянке, а вокруг росли зонтичные пихты. Возле дома стоял маленький красный фиат. По распоряжению Уго Модести вышла из машины, остальные последовали за ней. Машина проехала дальше по грунтовой дороге. Модести провели в заднюю часть дома, и она оказалась на широкой террасе.

В комнате, выходящей на террасу, сидели четверо. Они играли в кункен. Трое были одеты по пляжному. Четвертый был в бежевом костюме, в кремовой рубашке и в бежевом галстуке. На диване лежала его кремовая поплиновая шляпа с узкими полями. Лицо у него было худое и смуглое.

Двое одетых по-пляжному были такими же бандитами, как и Форли, — много мускулов, но мало мозгов. Третий был широкоплечий коротыш. Из-под шортот виднелись мускулистые ляжки. Ступни ног были маленькими. Редкие пряди черных волос аккуратно зачесаны через лысину. Глаза холодные и быстрые. Модести решила, что этот субъект даже поопаснее, чем Эмилио, который в этом смысле резко выделялся из первой четверки.

Оценка ситуации была проделана ею почти что подсознательно. Впрочем, это уже вошло у Модести в привычку, ибо золотое правило боевых действий требовало при наличии более одного противника первым выводить из игры того, кто опасней других.

Коротыш пристально смотрел на нее, и его толстые пальцы вертели карту. Волосатые ручищи оставались на столе. Он сказал:

— Я Герас. Известно такое имя?

— Человек Монтлеро?

— Так точно. Монтлеро и послал меня с ребятами. Теперь понятно, что мы собрались не шутки шутить?

Модести кивнула. Монтлеро занимал довольно высокое место в иерархии американских гангстеров. Четыре года назад его депортировали из Штатов на родную Сицилию, но он по-прежнему контролировал рэкет в определенных районах Америки. Кроме того, он развернулся вовсю в Италии и Сицилии.

— Я знаю кто. Теперь скажите зачем? — произнесла Модести. — Если это, конечно, не секрет.

— Думаете, у вас совсем нет врагов? — спросил Герас, чуть поднимая брови.

— Может, есть. Но Монтлеро берет за свои услуги очень дорого. Такая работа стоит сорок тысяч долларов.

— Может, кто-то не любит вас сильнее, чем любит сорок тысяч долларов, — осклабился Герас.

Модести была сбита с толку, хотя постаралась не подать виду. Она только пожала плечами и спросила:

— Ну, а что теперь?

— Когда мне сообщат, я дам вам знать, — сказал Герас. — Может, завтра, может, послезавтра. — Он посмотрел на Уго, который положил на стол пляжную сумку и ее

содержимое. Маникюрный набор он отложил отдельно.

— Оружия нет, — доложил он Герасу по-итальянски. — Только пилка для ногтей и ножницы.

Герас положил на маникюрный набор зажигалку, буркнув:

— Хочешь, чтобы она устроила пожар?

Его ручищи перещупали все содержимое сумки, потом он небрежно запихал вещи обратно и снова взялся за карты.

— О'кей, — процедил он.

Эмилио взял ее за руку, тыча в ребра револьвером. Форли дал ей пляжную сумку и взял за вторую руку. Вдвоем они вывели ее в холл, где наверх вела лестница. Уго последовал за ними.

Когда дверь закрылась, Герас посмотрел на человека в бежевом костюме и спросил:

— Порядок?

— Да, — кивнул тот. — Теперь надо подождать, посмотрим, найдут ли они выход. Все подготовлено?

— Да.

— В их распоряжении сорок восемь часов.

— А потом?

— Ваше дело будет сделано. Хотите, отпустите их на все четыре стороны.

Герас почесал подбородок большим пальцем:

— Ей нужно платить. Большую сумму.

— Не сейчас. Она по-глупому продулась в пух. Герас облизал кончиком языка полные губы:

— У этой женщины хорошее тело и большое мужество. — Помолчав, он добавил: — Ее можно было бы использовать. Сначала...

Человек в бежевом костюме покачал головой:

— Только по истечении сорока восьми часов. Таков контракт. — Он посмотрел на часы и добавил: — Доиграем, и я поеду.

Модести поднималась по лестнице. Сбоку шел Форли, сзади Эмилио. Мозг ее лихорадочно работал. Как только Модести увидела эту виллу, она начала фиксировать в сознании все, что попадалось ей на глаза. Проходя по террасе, например, она обратила внимание на металлическую решетку четыре на три фута, закрывавшую одно из окон наверху.

Теперь ее вели по широкому коридору — надо полагать, именно в эту комнату с зарешеченным окном.

Прежняя дверь комнаты была снята с петель и стояла у стены коридора. На ее место

водрузили новую, из тяжелого дерева, причем открывалась она наружу. Модести увидела медную пластинку врезного замка, кроме того, в двери было просверлено четыре отверстия диаметром с полдюйма.

Уго прошел вперед и застыл в ожидании. В руке у него была картонная коробочка, а в ней гаечный ключ и четыре длинных болта с шестиугольными головками. В другой руке Уго держал «люгер» десятого калибра с четырехдюймовым стволом. В конце коридора, в десяти шагах от двери, стоял диванчик.

Уго поставил на пол коробку, вынул ключ и, прижав дверь тяжестью своего тела, повернул ключ в замке. Затем он резко распахнул дверь и отскочил в сторону, нацелив «люгер» на дверной проем. После этого он немножко расслабился и сказал:

— О'кей, Эмилио.

Эмилио ткнул Модести в спину стволом своего револьвера. Она вошла в комнату. Вилли Гарвин в вишневых плавках и сандалиях на босу ногу стоял, опершись плечом о раму, и смотрел в окно. Ставни были открыты и плотно прижаты к стенам. Собственно, никакого окна не было — только проем и решетка.

По стенам комнаты стояли две железные кровати с тощими матрасами и тремя сложенными одеялами. В стене виднелась Дверь. Она была открыта, и Модести поняла, что за ней уборная и ванная. Там тоже не было окна, только маленькое вентиляционное отверстие.

На полу в главной комнате стояла картонка, в которой лежали буханки хлеба и еще какие-то пакеты. Рядом — стул, а на нем две фаянсовые чашки. Кроме этого, никакой другой обстановки в комнате не было.

Как только дверь за Модести закрылась, Вилли отвернулся от окна. На его губах блуждала рассеянная улыбка. Он кивнул так, словно все случившееся только подтверждало его догадки, и сказал:

— Привет, Принцесса.

— Привет, Вилли. — Она поставила пляжную сумку на одну из кроватей. — Давно тут загораешь?

— Пару часов, — отозвался он негромко, в тон Модести. — Не знал, в какую игру с ними сыграть, но решил погодить: вдруг и тебя привезут. Так оно и вышло. Пока ничего не понимаю.

— Я тоже.

За дверью раздался стук. Вставляли новый дверной переплет. Для того-то и были там проделаны отверстия, а звуки означали, что ввинчиваются новые болты. Уго или кто-то еще работал гаечным ключом, завинчивая болты так, чтобы дверь уже была намертво прикреплена к раме.

Модести посмотрела на картонную коробку и произнесла одно-единственное слово:

— Еда?

Вилли кивнул и сказал:

— А в кране вода.

Модести смотрела по сторонам каким-то рассеянно-отсутствующим взглядом. Они автоматически произносили слова, отзывались на реплики партнера, но мозги у них были заняты очень серьезной работой.

— Думаешь, это связано с тем, что нас волновало? — осведомился Вилли, но Модести покачала головой и, подойдя к нему, выглянула из окна.

— Не похоже. Не тот подход. Если бы кто-то хотел нас нанять, он действовал бы по-другому.

— Тогда все так, как говорил Герас? Кому-то захотелось свести старые счета?

— Может быть. — Модести пожала плечами. — Но если это не то, что нас интересует, то мне лично неохота ждать, пока нам объяснят, что к чему.

— Правильно.

Решение было принято, и теперь настала пора сосредоточиться на сиюминутных проблемах. Модести открыла пляжную сумку, вытащила сумочку поменьше. Застежка с конго была в целости и сохранности. Она постучала пальцем по застежке, привлекая внимание Вилли, и он молча кивнул. Затем Модести вынула из сумки губную помаду, оглянулась, подошла к голой стене у двери. Вилли присоединился к ней.

За дверью продолжали прикручивать болты. Модести прочертила по стене тонкую горизонтальную линию и прошептала:

— Сорок футов?

Вилли на мгновение задумался, потом кивнул. Модести быстро набросала заднюю часть дома: террасу, французские окна, кухонную дверь, три верхних окна, крышу.

Перейдя к другой части стены, Модести стала набрасывать, на сей раз гораздо медленней, план нижнего этажа. Рядом с домом она начертила прямоугольничек, а внутри него — кружок. Это означало маленький красный «фиат», который Модести заметила, когда ее подвезли к вилле.

Время от времени она посматривала на Вилли, ожидая подтверждения. Однажды он взял у нее помаду и нарисовал дверь. Модести не сомневалась, что и Вилли сумел запомнить все, что попало ему на глаза. Она сама научила его этому, пояснив, что в их профессии такая стратегия приносит ощутимые результаты.

Молча она стала набрасывать план верхнего этажа. Там было место, которое никто из них не мог воспроизвести с достаточной точностью. Она провела линию, изображавшую внутреннюю стену, поставив вопросительный знак, потом стала отдельно чертить план той самой комнаты, выходившей на террасу, куда ее привели сначала. План был подробный, с расположением мебели.

Когда она закончила, Вилли кивнул в знак согласия. Минут пять они провели в молчании, изучая все эти планы, едва обратив внимание на то, что болты наконец были прикручены и в коридоре послышались и стихли шаги.

Модести подошла к своей кровати, сняла с себя купальник, начала надевать шорты, которые

извлекла из пляжной сумки. Вилли отвел глаза от плана и, повернувшись в ее сторону, спросил:

— С этим все, Принцесса?

Он не то чтобы специально уставился на ее наготу, но и не отводил глаз. Между ними не было никаких тайн.

Модести кивнула и бросила ему купальник. Он смял его в своей большой ручище и начал стирать им тонкие алые линии со стены. Она же надела рубашку, застегнула пуговицы и села на кровать.

Послышались звуки отъезжавшей машины. Это, похоже, был фиат. Модести похлопала ладонью по краю кровати, и Вилли сел рядом.

— Я неплохо все осмотрел, пока тут ждал, — сказал он.

— И что же?

— Есть тут кое-что, — сказал он, хмурясь. — Прямо даже не знаю... Смотри. — Он встал и приподнял край матраса. — Эти кровати сделаны из железных трубок, и они соединены между собой. Вот эта поперечина соединяет ножки, а ножки крепятся к каркасу, видишь?

Она кивнула и опустилась на колени, следя за его пальцами. Она увидела круглую головку болта, проходившего через ножку-трубку и железный угольник, крепившийся к каркасу. С внутренней стороны были навинчены квадратные гайки. Модести снова кивнула и поднялась с колен, не задавая никаких вопросов. У каждой койки, стало быть, по четыре болта, и Вилли явно успел проверить их все, потому что между ними было принято в подобных ситуациях подвергать все самому тщательному осмотру. Он явно исследовал и уборную, а в ней бачок и умывальник, а также вентиляционное отверстие и решетку на окне. Если бы на полу был линолеум или ковер, Вилли заглянул бы и под них, чтобы как следует рассмотреть доски пола.

— Все восемь болтов затянуты до упора, кроме одного, — сказал Вилли. — Гляди.

Вилли подошел ко второй кровати и начал отвинчивать одну из гаек в изголовье. Модести ухватилась за угол кровати, чтобы дать возможность Вили высвободить ножку. Затем она снова, причем очень осторожно, опустила кровать.

Вилли показал ей ножку. Отверстие, через которое проходил болт, представляло собой квадрат в три четверти дюйма.

— Почему такая форма и такой размер? — тихо спросила Модести.

— Не знаю. Вроде бы должна быть круглой. Но эта квадратная дыра прямо для гайки, которым крепится та самая решетка на окне.

Модести стояла, насупившись, и размышляла. Ножку можно без труда просунуть между прутьев решетки. Потом, если чуть изловчиться, можно насадить отверстие в ножке на гайку, крепившую решетку, а затем открутить ее. Ножка могла сыграть роль гаечного ключа.

Часа за два можно отвинтить все четыре гайки, а затем с помощью связанных одеял тихо спустить решетку вниз. Потом выбраться из окна и съехать по одеялам вниз, — и поминай как звали.

Вилли не спускал с нее глаз. Модести покачала головой.

— Нет, это слишком очевидно. Они явно ждут от нас, чтобы мы воспользовались этим вариантом.

— Угу. — Вилли кивнул с довольным видом. — Мне тоже так показалось. Только вот зачем им это?

— Не знаю. Но не будем идти по их дороге. Пойдем по нашей собственной.

— Ладно. Когда?

— Ну, если они нам действительно подсунули эту ножку, то они думают, что мы начнем действовать, когда стемнеет. Значит, нам надо поторопиться. Дай-ка немножко подумать.

— О'кей. — Он приладил ножку на место и улегся на кровать, закинув руки за голову. Модести прилегла на вторую кровать.

— Сколько человек тебя брали? — спросила она.

— Четверо. — Он кивнул, показывая на свое тело в плавках. — Взяли меня прямо на пляже. Я был с Луизой.

— С романтической особой?

— Да.

— Она видела, как они тебя уводили?

— Нет. — Он ухмыльнулся. — Помимо песен о любви она еще обожает мороженое. Особенно ей нравится банановое. Я как раз шел за очередной порцией, и тут появился этот квартет. Все было сделано тихо-мирно...

— Ясно. Как они выглядели?

Когда Вилли закончил описание, Модести кивнула.

— Понятно. Те же ребята забрали и меня.

— Трудный у них выдался денек. Но приемчик неплохой. Надо запомнить, Принцесса.

— Запомни.

Модести прикрыла глаза. Ее мускулы находились в абсолютно расслабленном состоянии, но в сознании появилась удивительная легкость, упругость. Такое воодушевление испытывает альпинист, глядящий на отвесный склон, парашютист, готовящийся к прыжку, охотник на хищников, выслеживающий тигра. Ощущение опасности стимулировало Модести, и она не радовалась и не огорчалась, а принимала это как неизбежность.

Когда-то давным-давно, когда Модести Блейз была маленьким существом без друзей, без дома, без имени и проводила время в странствиях по охваченным войной Балканам, а потом и Ближнему Востоку, ее снова и снова посещал животный ужас. Но затем от частого повторения это ощущение преобразовалось в тот стимулятор, который подействовал и сейчас.

Подобно тому, как альпинист мысленно оценивает свой маршрут, взвешивая все возможные опасности, Модести Блейз пыталась разобраться в сложившейся ситуации.

Ее и Вилли брала четверка бандитов. Еще четверо играли в карты, когда она появилась на вилле. «Фиат» уехал, а в нем укатил, по меньшей мере, один человек. Выходит, на вилле осталось не больше семи. Если, конечно, в доме не находились те, кого она не видела. Но это казалось маловероятным.

Где-то в половине девятого у них, наверно, обед. Затем, похоже, опять карты. Самое лучшее время застать их врасплох.

Пусть соберутся все вместе. Вступать в борьбу с вооруженными бандитами, если они разбредутся по всему дому, равносильно самоубийству.

Модести вспомнила диванчик в коридоре. Для кого он — для охранника? Но было бы бессмысленно охранять дверь, которую только что закрепили намертво. Может быть, просто на диванчике кто-то спит ночью? Модести открыла глаза и спросила:

— Сколько времени нам понадобится, чтобы начать действовать?

Вилли задумчиво посмотрел на голую стену, затем ответил:

— Минут сорок... Плюс-минус десять.

— Ты можешь все устроить по-тихому?

— Ну да. У меня есть одна мысль. Но для подготовки нужно полчасака...

— У тебя в запасе даже два часа. Мы все равно не выступим раньше десяти. Торопиться ни к чему.

— Годится. — Вилли словно прочитал ее недавние мысли и пришел к тем же выводам. — Пусть соберутся в большой комнате, там их и возьмем, да?

— Да, я из холла, ты из кухни.

— Да, так оно будет лучше.

— Я пушу в ход Ошеломитель.

— Давай.

Возникла пауза. Потом Вилли повернулся на бок и, глядя на Модести, спросил:

— Давно хочу узнать — как тебе «Алиса в стране чудес»?

— Даже не знаю, что и сказать. Жаль, я не читала «Алису» в детстве. Теперь уже не то впечатление. Я знаю, что это классика, что этот Кэрролл был человек с большими причудами, а потому я сразу начинаю выискивать разные там символы... — Помолчав, Модести добавила:

— Мне нравятся стихи, а вот героиня не очень. Почему она так мало пугается?

— Ну, для нее это как сон. Она чувствует, что все вокруг ненастоящее.

— В ее возрасте сны меня пугали сильнее, чем явь...

— Меня тоже.

— А ты читал «Алису» в детстве?

— Тетка читала, — сказал он, погружаясь в воспоминания. — В десятиминутных промежутках между клиентами.

Модести знала о его тетке, которая вызвалась присматривать за Вилли, когда его незамужняя мать умерла.

— Она как-то плохо похожа на тех, кто читает детям сказки на ночь, Вилли-солнышко.

— Она делала это, только когда напивалась и только в промежутках между клиентами. Когда она была трезвой, она запросто могла надавать тумаков, если видела, что я не сплю. — Он подумал и весело добавил: — Я-то предпочитал даже тумаки этой самой «Алисе с перегаром». По крайней мере, они научили меня ловко уворачиваться... К шести годам у меня уже была отличная реакция.

Он сел на кровати и сказал:

— Времени вагон и маленькая тележка, но все-таки я подготовлю все, что нужно.

Вилли вошел в уборную, оставив дверь открытой. Модести встала с кровати и пошла за ним, остановившись на пороге. Затем Вилли встал на колени и ухватился за довольно длинную сливную трубу под умывальником. Уперевшись другой рукой в стену, он резко потянул трубу на себя.

— Вилли Гарвин — умник и получает отличную отметку, — сказала Модести тоном школьной учительницы.

Вилли усмехнулся, затем толкнул трубу в обратном направлении. Минут пять его мощные руки раскачивали трубу туда-сюда. Это была работа не просто для очень сильного человека, но для того, кто знал, как распорядиться своей силой. Между движениями его мускулы полностью расслаблялись. Вилли тратил силы очень экономно. Наконец труба не выдержала и отломилась под раковиной. После чего Вилли взял ее двумя руками и уже без особого труда выломал окончательно.

— Для следующего фокуса, — возвестил он, — мне потребуется помощь симпатичной молодой особы из зрительного зала.

Они вернулись в комнату. Вилли ослабил гайку на ножке кровати, но не стал ее отвинчивать до конца. Поскольку болт был длинным, то образовался зазор между ножкой и угольником рамы.

— Вставь трубу в зазор и держи так, чтобы середина оставалась между ножкой и рамой, — сказал Вилли Модести.

Она выполнила его инструкции, а Вилли прижал изо всех сил ножку к трубе. Он продолжал давить, пока середина трубы не превратилась в расплюснутую полосу.

— Порядок, Принцесса, — весело сказал Вилли, и она подала ему трубу, в середине которой появился плоский отрезок, примерно в три дюйма.

Затем Вилли начал водить этим расплюснутым куском по острому краю рамы, так что

возникла бороздка. Затем он перевернул трубу и бороздка появилась на другой стороне.

После этого Вилли стал мерно сгибать и разгибать трубу, после чего она переломилась пополам ровно по бороздкам, и в руках у него оказались два отрезка с концами, как у зубила.

— Неплохая штука свинец, — удовлетворенно буркнул он. — Тяжелый.

— Да. — Модести взяла одну часть трубы и взвесила в руке. — Можно использовать и для других целей.

— Например? — спросил Вилли, быстро посмотрев на нее.

— Потом... В другой раз, Вилли-солнышко. Вилли снова привел в порядок ножку кровати и улегся на нее. Модести вернулась на свою кровать.

— Я не рассказывал тебе об одной моей японской подруге, которая ловила жемчуг? — спросил он.

— Ловила жемчуг? Нет, это что-то новое.

— Очень симпатичная девчушка. Только она постоянно тренировалась — задерживала дыхание. По несколько минут не дышала! И главное, тренировалась в самое неподходящее время...

— Ив постели тоже?

— Вот именно. Принцесса! В постели. Первый раз, когда она отмочила этот фокус, я перепугался до смерти... Вот и говори после этого об ужасах.

— Я все никак не могу понять, выдумываешь ты эти истории или нет, Вилли-солнышко, — сказала Модести и рассмеялась.

— Я ничего не выдумываю, — обиженно ответил он. — Просто во мне, наверно, есть что-то такое, что притягивает девиц с причудами.

Герас помешивал ложечкой кофе.

— Послушайте, — сказал он. — Я не хочу, чтобы все пошло наперекосяк. Если Блейз и Гарвин очень сообразительные, то они начнут отвинчивать решетку, как только стемнеет. Если они просто сообразительные, то займутся ею завтра вечером. Если же у них не хватит смекалки...

— Он пожал плечами... — Тогда мы немножко позабавимся...

Он обвел тяжелым взглядом своих людей, собравшихся за обедом в столовой виллы.

— Вымой посуду, Форли, — сказал он, показывая на стол. — А потом, когда все сделаешь, поднимись вверх.

— Зачем? — тревожно спросил он Гераса.

— Ты приляжешь на диван и будешь читать порнографическую книжку, — ухмыльнулся Герас. — А заодно слушать, что там происходит. Может, услышишь какие-то там звуки. Вдруг они уже всю отвинчивают ножку... — Герас закурил сигарету и сказал: — Начиная с

половины одиннадцатого в большой комнате, что выходит на террасу, должен дежурить один человек со стволом и еще один в саду. Тоже с пушкой.

— Но почему? — спросил Уго. — Если они сумеют выбраться, мы должны их пропустить, так?

— Ты болван, Уго, — фыркнул Герас. — Если они захотят уйти, то мы их должны, понятно, пропустить. А если они не захотят уйти? Если они решат, что мы завалились спать? Если они захотят отплатить нам за гостеприимство?

— Гарвин работает ножами как никто, — тревожно пробормотал Форли. — А Модести Блейз...

— У Гарвина сейчас нет ножей, — перебил его Герас. — И у женщины тоже нет ничего. Но они опасны. Поэтому двое должны быть на дежурстве. Эмилио, проследи, чтобы все было в ажуре.

— Начиная с десяти тридцати? — переспросил Эмилио.

— Да. — Герас встал и посмотрел на часы. Девять пятнадцать. — Ну ладно, — сказал он, — давайте для разнообразия сыграем в покер. А то мне надоел кункен.

Глава 11

Солнце еще не село. В запертой комнате были закрыты ставни. Обе кровати были поставлены на попа в середине комнаты, поддерживая друг друга верхушками. Они были скреплены жгутами из одеял, а матрасы лежали на верхушке, чтобы на этой перевернутой букве V создалась удобная площадка.

Вилли сидел на корточках на этом возвышении, возле электрического провода с лампочкой. Свет был включен.

Затем Вилли прислонил свое «зубило» острым концом к потолку и ударил по нему вторым отрезком трубы. Удар получился негромким, но острое вошло в штукатурку на четверть дюйма. Модести тем временем гремела фаянсовыми кружками, пускала воду из крана, подставляла под струю кружки, опорожняла их в унитаз и спускала воду.

Вилли продолжал свою работу. Пять минут спустя ему удалось отколоть первый кусок штукатурки. Затем он кивнул Модести, и та хлопнула дверь в уборную, а Вилли ловко выбил кусок обрешетки ударом своего зубила. Затем он просунул руку в отверстие и нащупал балку потолка.

Балки шли от окна к двери. С помощью своего «зубила» Вилли пометил себе прямоугольник на потолке и снова принялся за дело. Двадцать минут спустя он отбил кусок штукатурки шириной пятнадцать дюймов и длиной в два фута. Ширина как раз соответствовала расстоянию между параллельными балками.

Обрешетка легко ломалась, и Вилли с помощью одеяла приглушал треск оставшихся фрагментов. Модести создавала шумовую завесу, то и дело спуская воду в бачке унитаза.

Вилли привстал и просунул голову и плечи в отверстие, затем, сделав усилие, проник на чердак. Модести увидела его лицо в прямоугольном отверстии — он протянул руку, чтобы подхватить лампу на проводе, которая была в шести дюймах от края отверстия.

Тогда Модести взяла свою пляжную сумку, взобралась по импровизированным «лесам» и тоже

протиснулась в дыру.

Вилли осторожно исследовал чердак. Модести приподняла лампочку, насколько позволял провод, чтобы ему было лучше видно. Несколько мгновений спустя он показал жестом, что все в порядке.

Он нашел люк.

Модести опустилась на колени рядом с Вилли.

У люка была деревянная квадратная крышка на петлях примерно в три фута. Вилли приподнял ее на дюйм и, приложив глаза к щелке, посмотрел вниз. Они находились над концом широкого коридора. Неподалеку стоял диван. Вилли приподнял крышку чуть выше и жестом пригласил Модести взглянуть.

Модести увидела затылок и плечи Форли. Он прилег на диван и читал какую-то книжку.

Модести жестом велела Вилли снова опустить крышку. Она чуть нахмурилась. В общем-то было нетрудно спрыгнуть прямо на Форли и вывести его из игры, но для этого нужно было открыть люк полностью. Но тут могли заскрипеть петли, и Форли получал возможность крикнуть.

Вилли легонько постучал пальцем по запястью Модести. Она посмотрела на него. Он сделал кружок из большого и указательного пальцев. Потом подполз к проделанной им дыре и скрылся внизу. Вскоре он снова появился на чердаке. У него в руках были две свинцовые трубки.

Модести покачала головой. Вилли, конечно, умел прекрасно метать не только ножи, но и самые разные предметы. Ему не составило бы труда оглушить Форли, но, когда трубка упадет на пол, стук услышат внизу.

Тут Модести увидела, что Вилли привязывает к отрезку трубы жгут из одеяла длиной в семь или восемь футов.

Затем он распластался у люка на животе, а Модести стала осторожно приоткрывать крышку. Дюйм, три, восемь... Скрипа не последовало. Вилли навис над отверстием. Модести прижала его поясницу к полу, чтобы ему было удобнее осуществить задуманное.

Вилли Гарвин тщательно все рассчитал и затем одним неуловимым движением метнул свинцовый отрезок трубы. Снаряд угодил Форли точно по затылку. Бандит не успел никак отреагировать, только руки его безвольно обвисли, а книга осталась лежать на коленях итальянца. Свинцовая труба соскользнула с дивана и повисла в футе от пола, раскачиваясь, словно маятник.

Затем Вилли втянул ее обратно, Модести приоткрыла люк пошире. Вилли сел, потом просунул ноги в отверстие. Еще одно движение, и он повис на руках и мягко спрыгнул на пол. Модести сбросила ему сначала свою пляжную сумку, потом обе трубки.

Когда она столь же бесшумно приземлилась рядом с Вилли, тот уже обыскивал Форли. Огнестрельного оружия при нем не оказалось, но Вилли обнаружил в его кармане кнопочный нож с костяной рукояткой. На какое-то мгновение Вилли застыл, проверяя нож на кончике пальца. После этого он грустно выпятил вперед нижнюю губу. Нож Форли не вызвал у него восторга, но на безрыбье и рак рыба...

Модести приподняла пальцем веко Форли. У него явно было сотрясение мозга. Насколько сильное, Модести не могла определить, но было ясно, что минут пятнадцать он будет лежать спокойно. Этого должно хватить. Не было нужды связывать его. Через пять минут все будет кончено — тем или иным образом.

По лестнице они спустились в холл, где было несколько дверей, в том числе и в большую комнату, выходящую на террасу. Чтобы не шуметь, они спускались босиком.

Дверь была закрыта. За ней слышались голоса, потом звякнул стакан. Еще одна дверь была приоткрыта. Насколько они понимали, стена той комнаты была общей с кухней. Вилли первым вошел в эту комнату, держа нож за кончик лезвия тремя пальцами, в том числе и большим. За ним с интервалом в один шаг следовала Модести. Пляжную сумку она оставила у лестницы, в одной руке у нее было конго, в другой кусок трубы.

Они остановились, пытаясь увидеть то, что хотели. Наконец они добились своего. Дверь в общей стене. Вилли тихо подошел к ней и приоткрыл. В кухне никого не было. Он оставил дверь приоткрытой, подошел к Модести. Та уже сняла рубашку. Она была обнажена до пояса, готовая пустить в ход Ошеломитель, прием, который гарантировал замешательство оппонентов на три секунды.

Модести передала Вилли кусок трубы. В правой руке у нее по-прежнему было конго. Она положила левую на плечо Вилли, придвинула губы к его уху и прошептала:

— По счету двенадцать. Один...

При этом слове Вилли быстро двинулся к двери в кухню и скрылся в ней. Модести повернулась и вышла в холл. В голове у нее заработал секундомер. Она подошла к двери, взялась за ручку.

Восемь... Девять секунд...

Она открыла дверь, спокойно вошла и без спешки закрыла ее за собой. Она застыла, оперев руки в бедра. На губах ее играла вопрошающая улыбочка.

За круглым столом сидело пятеро — Герас, Уго, еще двое бандитов и человек, который управлял катером. Один бандит стоял справа от нее, наливая себе из бутылки в стакан. Это был Эмилио.

На нее уставилось шесть пар глаз. Шестеро мужчин застыли, словно в живой картине.

Они были ошеломлены.

Десять секунд.

Тихо открылась дверь из кухни. Появился Вилли. В левой руке он держал свинцовую трубу, в правой нож. Никто не заметил его появления.

Модести словно сфотографировала мизансцену, запоминая мельчайшие подробности. Два ствола... Один у Эмилио в кобуре под мышкой. Другой у Гераса, тоже в кобуре, но на спинке стула. Следовательно, самый опасный сейчас Эмилио. Двое бандитов увидели бы Вилли, но они повернулись назад, глядя на полуголую Модести. Уго смотрел прямо на нее. Герас и механик с катера тоже сидели спинами к Вилли.

Одиннадцать секунд.

Модести неспешно сделала два шага вперед, оставив Эмилио справа, словно не обращая на него внимания.

Двенадцать секунд. Кто-то с шумом выдохнул, и живая картина вдруг утратила свою неподвижность.

Модести шагнула в сторону. Из рук Эмилио выпала бутылка, он потянулся к кобуре. Но Модести изо всех сил взмахнула ногой и угодила ему в солнечное сплетение.

Механик качнулся и упал на пол. От его головы отскочила свинцовая труба. Вообще-то первым Вилли собирался вывести из строя Гераса, но за ним маячила Модести, и, если бы Вилли промахнулся, он мог бы задеть ее.

Вилли же, метнув кусок трубы, прыгнул ногами вперед, перелетев через стол. Ногами он ударил сидевших напротив него двоих бандитов, а его ручища метнулась к Герасу. Но тот оказался начеку и внезапно завалился набок со стулом вместе.

Эмилио потерял сознание. Он осел у бара и задел стакан, который разбился вдребезги. Модести же метнулась к одному из бандитов, который, пошатываясь, двинулся было в ее сторону, но она ловким и точным ударом конго отправила его на пол. Второй бандит стоял на четвереньках, мотал головой и пытался подняться. Краем глаза Модести увидела, как Вилли левой рукой приподнял Уго и коротким ударом той же левой отправил его в нокдаун.

Пока Вилли не пускал в ход правую руку. В ней был нож.

Герас лежал на полу и, страшно оскалившись, нашаривал кобуру, которая лежала также на полу рядом с перевернутым стулом.

Понимая, что дело в общем-то сделано, Модести подошла к человеку на четвереньках. С момента ее появления в комнате прошло восемь секунд.

Модести услышала, как Вилли рявкнул: «Тихо, Герас», после чего послышался странный звук и вопль.

— Я же тебе говорил, — сказал Вилли.

Бандиту тем временем удалось кое-как подняться, и теперь он шатался на сделавшихся ватными ногах. Модести ударила его дважды конго, по обеим рукам, потом подтолкнула к качалке, стоявшей неподалеку от стола. Он плюхнулся в нее, и руки его беспомощно обвисли.

Модести бросила взгляд на Гераса. Нож Вилли пригвоздил его руку к полу. Вилли склонился над ним, выдернул нож, потом подобрал ствол, который уже лежал возле кобуры.

Герас с гримасой боли поднял руку, из которой текла кровь, потом прижал ее к животу. Лицо его было бледное, глаза остекленели.

— Ну, вот, вроде бы и все, Принцесса, — сказал Вилли. Вид у него был довольный. Она улыбнулась и подошла к Эмилио забрать его оружие. Вилли вышел из комнаты и вскоре вернулся с ее рубашкой, которую он галантно подал ей, чтобы она могла одеться.

— Ты последи за порядком, — сказала Модести, — а я схожу погляжу, что там вокруг.

— О'кей, Принцесса.

Модести начала прочесывать комнату за комнатой. Ей не удалось найти никаких письменных распоряжений, которые привели к тому, что она с Вилли оказалась на этой вилле. В двух из четырех спален она нашла пистолеты. Форли сопел на диване. Модести связала его жгутами из одеяла. Когда она опять спустилась в холл, то услышала, как в большой комнате кто-то завопил.

Оставляя это без внимания, Модести вышла из дома. На аллее машин не было. Гараж у дома также пустовал. За гаражом Модести обнаружила старинное ландо. Судя по всему, его берегли не одно десятилетие — и четыре колеса, и кузов были в очень неплохом состоянии, но солнце, ветры и дожди последних нескольких лет все же дали о себе знать...

Модести прошла за дом. Сада как такового не было, имелась лишь лужайка, а за ней росли деревья. У самых деревьев стоял деревянный сарай. В нем Модести обнаружила старые ведра, ржавый топор, мотки толстой веревки, а также тачку.

Двадцать минут спустя она прошла через террасу в комнату, где Вилли пас шестерку их бывших тюремщиков. Войдя, она чуть было не расхохоталась. Один из громил остался в трусах, а Вилли напялил на себя его цветастую рубашку, брюки, которые оказались на несколько дюймов короче, чем следовало бы, а также щегольские лакированные туфли с острыми носами.

Пятеро лежали на спинах, заведя руки за головы. Большие пальцы у них были связаны скрученными полосами скатерти. Все были в сознании и лежали рядком, но никто не смел пошевелиться. Герас, к удивлению Модести, лежал без признаков жизни на диване. Его правая рука была перевязана бинтом из той же скатерти. Вилли сидел на краю стола, курил и играл трофейным ножом. На столе лежали три ствола, а кроме того, стояли наполненное какой-то жидкостью блюдце, бутылка, «Детрола», а также валялся моток ниток, в который была воткнута иголка.

— Что с ним, Вилли? — спросила Модести, кивая на Гераса.

— Решил, что надо бы зашить ему руку. — Он кивком показал на нитки. — Все лучше, чем ничего. Но обычная иголка — штука хитрая...

— Он что, потерял сознание в ходе операции? — с улыбкой спросила Модести.

— Не совсем... — В голосе Вилли зазвучало смущение. — Болван начал вопить и дергаться. Вот и пришлось маленько охладить его пыл. Скоро очухается...

— Отлично. Мне надо с ним поговорить.

Вилли вытащил для нее сигарету из пачки на столе и зажег с помощью изящной золотой зажигалки, которую до этого Модести у него не видела. Она явно досталась Вилли вместе с одеждой.

Модести села в качалке и, вытянув свои длинные ноги, стала наблюдать за Герасом.

Глаза пятерых лежавших на полу мужчин перебежали с Вилли на Модести и обратно. Они смотрели с испугом и непониманием на странную парочку, мирно покуривавшую среди этого хаоса.

— Поздновато насчет прогулки по морю, Принцесса, — меланхолично заметил Вилли.

— Даже не знаю... Ночью вообще-то даже приятнее. Я бы прогулялась. Но у них тут нет машины.

— Вообще ничего нет?

— Только карета. Старинная. Вроде той, что мы видели в музее в Лиссабоне, только без тех украшений. А вот с автотранспортом плохо.

— Жаль.

— Да... Ты лучше притащи сюда и того, что валяется наверху.

— А он живой?

— Когда я последний раз его видела, он уже приходил в себя. Вилли исчез в дверях. Он отсутствовал дольше, чем требовалось. Только три минуты спустя он появился, бредя, как пожарник, с Форли на плечах. Глаза у того были открыты. Вилли сбросил свою ношу и уложил итальянца рядом с остальными.

На диване зашевелился Герас. Модести подошла, сильно ущипнула его за мочку уха. Вскоре глаза его открылись. Взгляд сделался осмысленным. На губах появилась улыбка, в которой смешались и испуг, и надежда. Испуг не удивил Модести. Она успела уже убедиться, что бандиты хорошо сражаются до момента поражения, после этого их боевые качества улетучивались бесследно.

— Что это за фокусы, Герас? — резко спросила она.

— Не знаю... честное слово. — В его голосе были заискивающие нотки, попытка заручиться пониманием у оппонента-профессионала. — Монтлеро получил заказ. Выгодный. Послал меня с ребятами, это для нас обычная работа... больше ничего...

— Ясно. Если увидишь Монтлеро, скажи: ежели я не убью его в течение года, он может потом спать спокойно. Я не умею долго сердиться.

— Год... — Улыбка Гераса сделалась болезненной. Но тут он вдруг уловил другой, имеющий лично к нему отношение смысл фразы и закивал головой изо всех сил. — Когда увижу, да? Значит, я его увижу?

— Я сказала «если увидишь», — напомнила Модести. — Ну, а теперь выкладывай, что вам поручили.

Герас попытался сделать успокоительный жест рукой, потом болезненно поморщился.

— Но я же говорил, Модести, я не знаю... Нож, который Вилли до этого держал в руке, вдруг просвистел в дюйме от уха Гераса и вонзился в спинку дивана.

Лицо Гераса приобрело цвет грязного молока.

— Мисс Блейз, гаденыш, — холодно произнес Вилли. Он подошел и выдернул нож из спинки дивана. Лицо его излучало непритворный гнев.

— Виноват, конечно, мисс Блейз... Виноват... — забормотал перепуганный Герас. — В общем,

мне ничего толком не сказали, мисс Блейз. Мы приехали в Лиссабон, встретились с контактом, вы его тут видели, мисс Блейз. Мы даже не знаем, как его зовут. Он назвал вас и... — Герас поперхнулся, едва не совершив новой оплошности, — и мистера Гарвина... Нам было приказано задержать вас, привезти сюда и продержать под замком сорок восемь часов. Мы наняли виллу, подготовили комнату, затем... поехали за вами.

— Что должно было произойти по истечении сорока восьми часов?

— Нам сказали отпустить вас, мисс Блейз, — стараясь придать интонациям полнейшую искренность, произнес Герас. — После этого наша работа уже заканчивалась.

Вилли Гарвин рассмеялся. В смехе его не было веселья.

— Честное слово! — с отчаянием воскликнул Герас. — Клянусь могилой моей матери!

Модести поглядела на Вилли, чуть вопросительно подняв брови.

— Насчет сорока восьми часов он не врет, Принцесса, — отозвался Вилли и, ткнув пальцем в сторону Форли, добавил: — Я маленько потолковал с этим типом, прежде чем тащить его вниз. Он рассказал то же самое. Только добавил, что, по их расчетам, мы должны были воспользоваться той ножкой от кровати как ключом, чтобы отвинтить решетку. А если бы нам не удалось выбраться, Герас имел право поступить с нами, как ему заблагорассудится.

— Ничего не понимаю, — медленно произнесла Модести.

— Я тоже. Хочешь добраться до их контакта?

— Нет. — Она повысила голос, чтобы ее хорошо слышал Герас. — Мы лучше спросим самого Монтлери. — Она подошла к столу и затушила сигарету. — Тут нет телефона, Вилли. Придется, видать, идти домой пешком.

— До Каскаиса миль семь-восемь...

— Не беда. Вечер приятный.

— Мои туфли тесноваты, да и у тебя слишком легкие сандалии. Дай-ка я посмотрю, что тут у них имеется. Есть у меня одна идейка.

Модести сразу поняла, что имеет в виду Вилли, но притворилась, что не вычислила ход его мыслей, чтобы не портить ему удовольствие.

— Ладно, Вилли, — сказала она, беря в руку один из пистолетов. — Пойди погляди, что к чему.

Карета поскрипывала и покачивалась на ухабах, затем, когда под колесами оказалась щебенка, она покатила ровнее. Солнце село давным-давно, и вот уже два часа карета была в пути.

Герас сидел на месте кучера. Перевязанная рука была спрятана под накинутым плащом. Уго и Эмилио возглавляли «конную» упряжку, а за ними в две цепочки тянулись остальные четверо бандитов, привязанные к одной оглобле общей веревкой, которая обхватывала каждого из них за пояс. Они всю натягивали гужи, и, несмотря на лому в плечах и одеревеневшие ноги, тащили карету по небольшому, но довольно затяжному подъему перед спуском к Каскаису.

«Лошади» давно уже перестали что-нибудь соображать и о чем-либо думать. Задыхаясь,

разинув рты, обливаясь потом, они делали то, что им было ведено, пребывая в состоянии той самой апатии, которая наступает, когда бывает сломлена воля.

Уже трижды Герас не успевал вовремя нажать на тормоз, и карета врезалась в шестерку «лошадей». Это вызывало бурный всплеск ругани, и все упоминалась как Божья мать, так и сам Творец. Законы кинетики, принципы инерции и сохранения энергии излагались в весьма примитивных терминах и тотчас же становились предметом бурной и ожесточенной полемики. Когда же Герас, опозорившийся руководитель некогда лихого бандформирования, пытался призвать своих подчиненных к порядку и всецело посвятить усилия работе, ему рекомендовали предаться самому с собой таким сексуальным извращениям, которые потрясли бы даже каменотесов древней Помпеи.

Но теперь пламя мятежа окончательно угасло, и остались лишь зола и пепел. С помощью проб и ошибок кучер и его лошади кое-как приспособились к той необычной роли, что отвела им судьба. Никому уже и в голову не приходило попросить передышки или попытаться совершить побег.

Теперь они сосредоточились лишь на том, чтобы все тянули гужи ровно, без рывков, чтобы шедшие сзади кретины не наступали тебе на пятки, чтобы топающие впереди идиоты вовремя убрали свои копыта, чтобы шут гороховый, сидевший на месте кучера, на спусках не забывал тормозить, причем не очень резко, и, наконец, чтобы случайные прохожие оставались удовлетворены краткими репликами Уго, пояснявшего, что все это делается на пари и потехи ради.

Модести Блейз мирно дремала, прислонившись к плечу Вилли. Ее совершенно не беспокоила постоянная тряска кареты. Как-никак, добрую половину своей жизни она вообще не знала, что такое кровать, и могла спать в любых условиях.

Вилли Гарвин устроился в углу ландо, наблюдая за спиной Гераса и за головами «лошадей». Рядом лежал пистолет, а в спинку переднего сиденья был воткнут нож, до которого можно было в случае надобности без труда дотянуться в доли секунды.

— Я не большой мастак палить из пушки, — предупредил Вилли «лошадей», прежде чем отправляться в путь-дорогу. — Поэтому в случае чего я сперва всажу нож в спину Герасу, а потом уж попытаю счастья со стволом, и дай Бог, чтобы я попал в смутьяна, а не в его соседа. Короче, чтобы все было без фокусов, ясно?

О фокусах никто из бандитов и не помышлял.

Вилли блаженно вдыхал теплый вечерний воздух. Сейчас он находился в состоянии полного умиротворения. Он вообще всегда любил эти моменты, когда, хотя еще свежи воспоминания о случившемся, дело сделано и можно немножко расслабиться.

Такие чудесные мгновения нередко посещали его, с тех пор как в его жизни появилась Модести Блейз, которая сделала его Другим человеком. Сегодняшняя акция оказалась недолгой и, как теперь выяснилось, несложной. На их долю выпадали испытания и покруче, где были смертельная опасность, боль, раны. Но когда все заканчивалось, возникали моменты такого же умиротворения.

Он подумал о человеке, которого знал когда-то давно и который не испытывал таких чудесных мгновений. Этому человеку, которого также звали Вилли Гарвин, жизнь вообще была в тягость, пока однажды в сайгонскую тюрьму, где он сидел, не явилась высокая двадцатилетняя

темноволосая женщина, удивительно похожая на принцессу, и не сказала ему: «Вилли Гарвин, ты уходишь отсюда. Вместе со мной».

В полутьме ландо Вилли увидел, как ее голова вдруг соскользнула с его плеча, потом снова устроилась поудобнее. Модести вздохнула во сне, и опять ее дыхание сделалось спокойным и ровным.

Вилли Гарвин не уставая дивился своему счастью. Модести Блейз заметно превосходила его во всех отношениях, хотя сама ни за что не согласилась бы с этим утверждением. Но по пронизательности ума и силе духа она могла дать сто очков вперед кому угодно, в том числе и ему, Вилли. И самое удивительное, она словно и не ведала, сколь велика дистанция между ними... В ее жизни не нашлось человека, который, предложив ей помощь и защиту, стал бы переделывать для нее мир. Ей пришлось самой добиваться всего. И это несмотря на то, что у нее выдалось такое детство, о котором Вилли было страшно и подумать. И все же она стала великой Модести Блейз...

Вилли не завидовал ни Майку Дельгадо, ни прочим счастливицам, которые оказывались с ней в постели. Вилли знал, что ее связывают с ним куда более прочные узы, чем с любым из приглянувшихся ей мужчин. Она сочла необходимым заново возродить его, и этот поступок соединил их стальными обручами, в сравнении с которыми ее прочие связи напоминали шелковые ниточки.

Вилли выглянул из кареты. Внизу показались огни Каскаиса. Герас то и дело нажимал на тормоз, а «лошади» понуро тащили ландо по спуску.

Вилли легонько погладил Модести по щеке. Она не вздрогнула, не подняла голову, но голосом, в котором не было признаков сна, спросила:

— Приехали?

— Скоро приедем. Минут через пять будет Каскаис. А там, глядишь, найдем такси и поедем обратно на виллу.

— Да. Таксист подождет, пока я переоденусь и упакую вещи. Потом заберем твои чемоданы в отеле.

— О'кей. Значит, съезжаем, Принцесса?

— Да. — Она коснулась пальцем его уха, и это означало, что ее слова предназначаются для Гераса. — Я придумала отличный план застать Монтлери у него на дому. А там мы попросим его рассказать нам, кто устроил все это и зачем. Нанесем ему визит вежливости.

Вилли рассмеялся тихим, но зловещим смехом.

— Отлично. А я заставлю его запеть. Нужно немного: крючок и коробка спичек... — Он замолчал, потом спросил с надеждой в голосе: — А Герас часом не в курсе?

Гераса эти слова бросили в дрожь. Это было видно даже в сумерках.

— Вряд ли, Вилли, — ответила Модести. — А кроме того, я хочу, чтобы повертелся у нас именно Монтлери.

— Повертится, уж это я тебе обещаю, — сказал Вилли, словно предвкушая жестокое веселье.

Он прекрасно знал, что Модести и не собирается разыскивать Монтлеро на Сицилии. Но он также не сомневался, что Герас и его подручные завтра отправятся туда первым же самолетом, и Монтлеро теперь надолго лишится сна и покоя.

В десять утра на вилле, которую снимал Герас, появился человек в бежевом костюме. Он ходил по комнатам пустого дома, удивленно озираясь по сторонам. В руке у него был пистолет.

Ему пришлось порядком повозиться, чтобы открутить винты, запиравшие дверь той самой комнаты. Когда же наконец он вошел в нее, то увидел дыру в потолке и таращился на нее добрую минуту. Решетка на окнах была в целости и сохранности.

Час спустя он уже был в Лиссабоне, откуда отправил зашифрованную телеграмму в Барселону.

Глава 12

Таррант просматривал бумаги за своим письменным столом. Перед ним лежали три газетные вырезки, где рассказывалось о триумфе Джона Далла в одном из бейрутских казино за счет «богатой, красивой и загадочной представительницы лондонского света Модести Блейз».

«Загадочной» — это, конечно, вставил редактор, подумал Таррант. Что ж, за это слово в суд не подашь. Что же касается «представительницы лондонского света», то это явно позабавит Модести.

Другие вырезки на все лады рассказывали о краже и находке картины Ватто. Да, Рене Вобуа постарался на славу, отметил Таррант. Он решил отправить Рене пакет «Свупа», чтобы тот мог угостить как следует своих голубей. Вобуа понравится, что англичане специально производят корм для диких птиц.

Наконец Таррант просмотрел светло-зеленый листок — отчет его агента из Лиссабона. Отчет был краток и малоинформативен.

Таррант откинулся на спинку кресла и взглянул на своего помощника Джека Фрейзера. Это был худощавый человек лет сорока восьми, в очках и с повадками диккенсовского банковского клерка. Эта маска сослужила ему добрую службу на протяжении многих лет оперативной деятельности.

— Ваше мнение, Фрейзер? — произнес Таррант. Тот почтительно потупил взор, разглядывая ковер.

— Бейрутское происшествие выглядит весьма правдоподобно. Кража, — тут он осекся и, быстро покосившись на Тар-ранга, поправился: — Мнимая кража также производит самое благоприятное впечатление.

— Вот именно, мнимая, — отозвался Таррант. — Точно сказано. — Он подождал появления на лице Фрейзера улыбки собачьей преданности и, когда та не заставила себя долго ждать, продолжил: — А как насчет этого? — И постучал по зеленому листочку.

— В нем есть нечто туманное, сэр, — осторожно произнес Фрейзер, причем завершил фразу с интонациями, которые вполне можно было считать вопросительными.

— Да, в отчете есть какая-то нечленораздельность, Джек, но вы требуете слишком многого. —

Называя Фрейзера по имени, Таррант подавал ему сигнал отбросить все актерство и говорить прямо.

Фрейзер снял очки и начал их протирать.

— Слишком много, — с презрением фыркнул он.

— Да, нашему человеку в Лиссабоне пришлось работать почти что вслепую. Будьте к нему снисходительнее.

— Я бы отрезал ему кое-что лишнее тупым ножом, — кровожадно сообщил Фрейзер. — Вы просите его вести наблюдение и докладывать о результатах. Он, черт бы его побрал, наблюдает и докладывает, что у него создалось впечатление, что случилось нечто пока ему не понятное между Модести Блейз и шайкой бандитов во главе с Герасом, который также оказался в Лиссабоне. — Фрейзер надел очки и мрачно продолжил: — Ему, видите ли, неизвестно, ни что именно произошло между Модести и этой шайкой, ни куда делись и те, и другие. Он упоминает еще и Дельгадо, но и тут ему неизвестно, куда тот двинулся потом. Он дает описание внешности человека, которого, впрочем, не может опознать, и лишь сообщает, что он водит красный «фиат». Хорош агент! Моя покойная теща-кретинка и то лучше поработала бы на нас из своей могилы.

— Вы же сами дали ему указания ни во что не впутываться, а только наблюдать, — напомнил Таррант. — А вы прекрасно знаете, что в таких условиях наблюдать непросто.

— Мы платим нашим людям не за то, чтобы им жилось просто, — упрямо произнес Фрейзер. Он плюхнулся в кресло и закурил сигарету. Выражение неудовольствия на лице помощника показалось Тарранту довольно комичным, но он прекрасно его понимал. Кто-кто, а Фрейзер сумел бы отлично провести наблюдение, находясь чуть не в гуще событий, но ни во что не впутываясь. У него был бесценный талант оперативника, но именно поэтому он не испытывал снисхождения к менее способным коллегам.

— Думаю, что теперь Лиссабон не имеет для нас особого значения, — произнес Таррант. — Она с Вилли переезжает в Танжер. Как и было запланировано.

— Может, именно в Лиссабоне на них пытались выйти те, кто нас так интересует, — сказал Фрейзер, мрачно глядя на свою сигарету. — За последние две недели исчезло еще четырнадцать профессиональных наемников. И это только те, кто проходит по нашим досье. На самом деле их может быть раз в пять больше.

— Ей нужно непременно попасть в те круги, где к ней могли бы обратиться те самые вербовщики, — сказал Таррант. — Вообще Лиссабон выглядит подозрительно — слишком уж все быстро случилось — не прошло и суток после сообщений о неудаче с похищением Ватто. О мнимой неудаче, — добавил он, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Не понимаю, почему вы так беспокоитесь, — отозвался Фрейзер. — Она создает себе легенду. Теперь надо подождать, как развернутся события. Нам не привыкать — ждать и надеяться.

Таррант встал, подошел к окну. Сунув руки в карманы пиджака, он уставился на Уайтхолл.

— Меня волнует проблема связи, — наконец сказал он. — Мы надеемся, что, если к ней обратятся по интересующей нас проблеме, она даст нам знать об этом тем или иным способом, чтобы мы могли установить наблюдение за ней и Вилли по нашим каналам. Но тут могут

возникнуть накладки. А у нас нет системы экстренной связи.

— Вряд ли ее приведет в восторг такой контроль, — задумчиво произнес Фрейзер. — Но раз она в Танжере, можете позвонить ей и обо всем договориться.

— Нет, — покачал головой Таррант. — Я хочу, чтобы вы сами туда поехали, Джек.

— Я? — удивленно переспросил Фрейзер, но в его удивлении также чувствовалась готовность немедленно отправиться в путешествие. — Для этого вам придется переквалифицировать меня в...

— Это будет сугубо неофициально, — перебил его Таррант, обращившись от окна. — Впрочем, все у нас сейчас совершенно неофициально. Вы уйдете в трехнедельный отпуск начиная с завтрашнего дня и, следовательно, будете вольны распоряжаться своим свободным временем, как вам заблагорассудится.

Фрейзер встал и затушил сигарету в большой пепельнице на столе. В его движениях появилась какая-то новая легкость.

— Я пять лет уже занимаюсь сплошной канцелярщиной, — напомнил он, и в его интонациях послышалось что-то вроде горькой обиды.

— Полагаете, вы утратили полезные навыки? Фрейзер подумал, потом ответил:

— Нет. А вы как полагаете?

— Тут вам судить. И я отнюдь не приказываю, учтите. Просто я не могу найти человека, который справился бы с этим заданием хотя бы наполовину так, как справитесь вы, Джек.

Фрейзер кивнул. Он придерживался того же мнения, и его нельзя было упрекнуть в тщеславии. Тут на его худом лице появилась легкая улыбка, и он сказал:

— Модести Блейз не скажет вам спасибо за то, что в игру вхожу я.

— Знаю, — сухо отозвался Таррант. — Она, несомненно, весьма саркастично прокомментирует это. Поэтому лучшая тактика для вас, Джек, согласиться с ней или даже предвосхитить ее. Пожалуйста, дайте понять, что считаете меня старым ослом, который отдает дурацкие распоряжения.

— Это поможет?

— Думаю, она попросит вас умолкнуть, но окажет содействие, — улыбнулся Таррант. — Она удивительно лояльна по отношению к своим друзьям.

Либманн стоял с секундомером в руках и смотрел на взлетную полосу в северной части долины. Тридцать семь человек на маленьких, но мощных мотоциклах двигались по плоской земле.

На них были американские стальные каски и легкие защитные щитки из пластика на груди и спине. Под формой на них были надеты сочлененные щитки, прикрывавшие живот и промежность. Разумеется, это не спасало от прямого попадания, но было уже не раз проверено, что все-таки эта амуниция предохраняет от малых повреждений и, кроме того,

придает тем, кто ее носит, чувство уверенности в себе. Каждому солдату полагалась винтовка AR-15. У каждого мотоцикла была коляска с безоткатной сорокамиллиметровой пушкой, а также с ящиком для боекомплекта.

Когда когорта-мотоколонна достигла дальнего конца долины, Либманн выключил секундомер и повернулся туда, где находился огромный макет кувейтского рельефа. Он подошел к Близнецам, стоявшим у той части макета, что изображала порт.

— Минута сорок шесть секунд, — сказал он своим ледяным и высоким голосом.

Лок сделал запись в блокноте. Переворачивая страницу, он выронил карандаш. Чу посмотрел на него сверкающим взглядом и пробормотал:

— Неуклюжий осел.

У Лока тоже засверкали глаза, но он промолчал, наклоняясь, чтобы подобрать карандаш. Чу, напротив, стоял прямо, и потому цепь, соединявшая их, натянулась до предела. Лок занес руку для удара, но так и не ударил. Какую бы ненависть ни испытывали друг к другу Близнецы, каждый из них прекрасно понимал, что если дело дойдет до драки, то все может кончиться смертью одного и безумием другого.

Либманн посмотрел на Чу и сказал:

— Лок, запишите, что подразделение Хамида должно улучшить показатели на восемь секунд.

Снова Лок нагнулся за карандашом, но на сей раз Чу угрюмо наклонился вслед за ним.

Поначалу Либманн сомневался в правильности выбора Карца, нанявшего Близнецов. Затем он стал свидетелем учений по обработке захвата кувейтского аэропорта. Близнецы возглавляли десантное подразделение, которое должно было высаживаться с парашютами. Близнецам был выделен специальный двойной парашют и сбруя. Прыжки с парашютом проводились где-то в другом месте, и Либманн при этом не присутствовал. Зато основная часть операции репетировалась здесь, в долине, и тут Либманн увидел Близнецов в деле. Они вели своих бойцов с железной решимостью, превратив вверенное им подразделение в мощный всеокрушающий кулак.

Как Либманн успел убедиться, в ходе дисциплинарных акций на арене Близнецы, когда надо, превращались в единое целое, в одного человека, а точнее, в одного сверхчеловека. Если бы Либманн был в состоянии испытывать жалость, он бы пожалел их за непосильное бремя, которое им приходилось владеть во все остальные моменты «мирного» существования. Но поскольку он был не способен на жалость, то наблюдал за их действиями с большим интересом эксперта.

Либманн посмотрел на наручные часы. Через пятнадцать минут должен совершить посадку транспортный самолет с двадцатью тоннами груза — мины, ракеты, гранаты, пластиковая взрывчатка, а также стандартные патроны для AR-15. Все это предстояло выгрузить и, соблюдая все предосторожности, доставить на склад в пещере, в горе на дальнем конце долины.

За этим горным кряжем находилось озеро, воды которого тихо изливались, образуя поток шириной в двадцать футов. Постепенно наращивая скорость, он низвергался с гор серией водопадов, а потом превращался в спокойную реку, которая неспешно катила свои воды, огибая горы, образывавшие стены долины. Пещера идеально подходила для склада

боеприпасов. Близость озера создавала прохладу, а стены пещеры были покрыты специальным составом, чтобы помешать проникновению влаги.

Либманн подошел к камню, на котором стоял портативный передатчик, взял в руку микрофон.

— Хамид, уберите своих людей со взлетно-посадочной полосы, — распорядился он. — Пусть будут готовы через пятнадцать минут начать выгрузку боеприпасов.

Либманн положил микрофон. Тотчас же маленький, похожий на авторучку приемник, прикрепленный к нагрудному карману рубашки, трижды пропищал. Либманн сказал Близнецам:

— Я понадобился Карцу. Не забудьте передать Хамиду насчет восьми секунд. — Он повернулся и зашагал к стоявшему неподалеку джипу, сел, и джип покотил, поднимая облако пыли.

Карц сидел у себя в кабинете, рядом с оперативным отделом. Когда вошел Либманн, он отложил в сторону папку, взял три скрепленные вместе донесения и сказал:

— Поступили новые сведения от нашего руководителя отдела кадров. Произошли события, которые позволяют всерьез сосредоточиться на Блейз и Гарвине.

Либманн позволил себе чуть-чуть пожать плечами.

— Это мало что значит, Карц. Время не ждет. Сейчас создаются инженерные подразделения и мобильный резерв. Пора назначить командиров.

— Согласен. — Карц положил на стол донесения. — К счастью, ситуация резко изменилась, и теперь нет необходимости осторожничать. Мой заместитель по кадрам нашел отличный рычаг.

— Но вы настаивали на том, чтобы Блейз и Гарвин прошли через проверку. А это потребует времени.

— Она была устроена заранее, для экономии времени. Перед ними была поставлена задача повышенной трудности, и они выполнили ее с впечатляющей легкостью. — В глазах Карца появилось редкое выражение удовольствия. Он протянул листок Либманну.

Либманн внимательно изучил текст.

— Ясно, — сказал он, дочитав до конца. — Ваш заместитель по кадрам полагает, что может существовать связь между Блейз и Гарвином с одной стороны, и британской разведкой — с другой.

— Да.

— Но это делает их непригодными. Непригодными!

— Я это допускал с самого начала. Но если взять их под серьезный контроль, остальное уже не имеет никакого значения.

— Вы полагаете, нам удастся установить такой контроль? — спросил Либманн, кивая на листок. В его голосе вдруг появились озабоченные нотки.

— Да. — Карц положил свою словно вытесанную из камня ладонь на папку. — Это их досье,

которое я затребовал у контролеров. В нем содержатся все известные факты про Блейз и Гарвина. И еще тут есть детальная оценка их личностей, данная группой психологов. — Он чуть кивнул каменной головой. — Они будут под надежным контролем.

— Они будут недовольны. Принуждение для них в новинку.

— Разумеется. Но недовольство без возможности проявить его на деле не пугает меня.

— Вы полагаете, они хорошо справятся со своими обязанностями?

— У них не будет иного выхода. Рычаг останется в наших руках. До самого конца.

— Я понимаю. Я имел в виду другое: есть ли у них все те качества, предъявляемые нами к командирам подразделений. Карц чуть приподнял ладонь и снова опустил ее на папку.

— Все здесь, Либманн, все в досье. И вывод в данном смысле положительный.

— Очень хорошо.

Каменный взгляд упал на Либманна, и в глазах Карца засветилось нечто звериное.

— Вам следовало обратить мое внимание на этих двоих еще давно. Это серьезное упущение с вашей стороны, Либманн.

Либманн застыл на месте, смакуя пробежавший по телу озноб. Выждав несколько секунд, он спросил:

— Когда они прибудут?

— Через восемь дней. Может, раньше.

В голосе Карца звучала непреклонность. Взгляд его снова сделался непроницаемым. Либманн понял, что Карц окончательно решил для себя этот вопрос и выкинул его из головы. Теперь его занимали многочисленные и сложные аспекты предстоящей операции. Он может просидеть вот так пять минут или пять часов, а затем в дебрях его сознания произойдет сдвиг тектонических плит, и проблема перестанет существовать.

Либманн поймал себя на том, что по-прежнему держит в руках листок. Он еще раз перечитал его, положил на стол и тихо вышел из комнаты.

Глава 13

Над холмами Танжера потоки теплого воздуха разносили приятный запах мяты. К западу от города находился район, именуемый у местных Горой. Там среди сосен располагались шикарные виллы и миниатюрные дворцы с видом на пролив.

Фрейзер медленно поднимался по склону между деревьев. На нем были дешевый помятый кремовый пиджак и серые фланелевые брюки, бордовые носки и новые желтые сандалеты. Нос Фрейзера обгорел от лучей нещадного южного солнца. Лоб тоже сильно порозовел. На плече у него висел очень неплохой фотоаппарат. Под пиджаком виднелись влажная кремовая рубашка, полосатый галстук и тонкий пуловер-безрукавка.

Вскоре за деревьями он увидел большой бассейн, а также сам дом. Сад был окаймлен прямоугольником из карликовой сосны. За этой живой изгородью на ухоженных клумбах пестрели яркие цветы. Подойдя ближе, Фрейзер заметил, что цветы росли в больших цементных вазонах, вкопанных в грунт и наполненных хорошей плодородной почвой. Пространство вокруг бассейна было вымощено кафелем. Фрейзер разглядел диван-гамак под навесом, несколько шезлонгов, а также два столика с большими тентами.

Фрейзер подходил к дому с тыла, но тем не менее вилла вызвала у него вздох восхищения. Она была двухэтажной, но очень широкой, с белыми стенами и терракотовой крышей. Большие створчатые окна выходили во внутренний дворик, обрамленный с двух сторон толстыми белыми стенами с арками в форме трилистников. Между открытой частью дворика и бассейном простиралась зеленая лужайка.

Человек лет пятидесяти в белой куртке и темных брюках расставлял на одном из столиков стаканы и кувшин с фруктовым соком. У него были черные, чуть подернутые сединой волосы. Он мог быть алжирцем, марокканцем или представителем любой другой национальности, которым так изобилует этот регион.

Фрейзер вытащил свой путеводитель и вышел из-за деревьев. Человек поднял голову, пристально посмотрел на него, затем снова продолжил свое занятие, переставляя содержимое подноса на садовый столик. Фрейзер прокашлялся и подошел к нему.

— Э... прошу прощения, — начал он, запинаясь. — Вы говорите по-английски?

Человек в белой куртке выпрямился, посмотрел на Фрейзера и отозвался вполне учтивым тоном:

— Да, я говорю по-английски.

— А... Отлично... — Фрейзер провел рукой по лбу. — Я хотел узнать... нельзя ли мне присесть на минутку?

— Прошу прощения, сэр. Это частная вилла.

— Да, да, я знаю... — Фрейзер пошатнулся и ухватился за спинку ближайшего стула. — Но у меня что-то кружится голова. Боюсь, я увлекся и потерял наш автобус. Слишком много фотографировал. — Он поморгал и, слабо улыбувшись, продолжил: — Решил, на свою беду, срезать угол и спуститься к городу, но что-то совсем выдохся. Солнце, сами понимаете...

Фрейзер забормотал что-то совсем уж невнятное и сделал шаг вперед. Тут его поймала сильная рука и усадила на стул под навесом.

— Да, солнце слишком сильное, сэр. Выпейте, прошу вас... Фрейзер нашарил стакан холодного сока, пробормотал: «Безмерно вам благодарен» и начал пить. Голос сказал:

— Пейте медленнее, я сейчас позову мадемуазель.

Фрейзер услышал, как по кафелю застучали шаги. Он не стал поднимать головы, но допил сок, потом, чуть подавшись вперед, стал снимать пиджак и пуловер.

Затем до него донеслись голоса, и он поднял голову. В его сторону направлялась Модести Блейз, а за ней шел человек в белой куртке. На ней были белые пляжные туфли и голубой купальник. В одной руке она несла белую шапочку для купания, через другую был переброшен

пляжный халат.

Она посмотрела на него, и Фрейзер заметил, как в ее глазах блеснул огонек узнавания, потом он тут же погас.

— Жаль, что вам вдруг стало плохо... — сказала она.

— Прощу прощения, — пробормотал он, пытаясь подняться на ноги. — У нас автобусная экскурсия фирмы «Мэдден турс»...

— Прощу вас, садитесь и положите ноги на стул. — Обернувшись к человеку в белой куртке, она сказала: — Мулей, попросите мистера Гарвина принести льда, успокоительные таблетки и еще кувшин сока. И побыстрее.

— Я принесу все, что нужно, сам, мадемуазель.

— Нет, я хочу, чтобы вы поехали в отель, где остановился этот джентльмен. Отыщите представителя «Мэдден турс» или оставьте записку, что этот джентльмен плохо себя почувствовал и задержался у нас. Мы привезем его сами, когда он немножко придет в себя. — Она обернулась к Фрейзеру. — В каком отеле вы остановились? И как вас зовут?

— Отель «Мавритания»... А моя фамилия Сванн, — смущенно отозвался Фрейзер. — Но, право, вы напрасно так беспокоитесь.

— Ничего страшного. Мулей все равно должен был съездить в город.

— Мадемуазель?

— Да. Надо заехать к Конти и сказать, что я буду на примерке завтра в три, а кроме того, возьмите образчики материи для другого платья. Но сперва поезжайте в «Мавританию».

— Очень хорошо, мадемуазель. — Мулей наклонил голову и ушел.

«Ловко! — не без восхищения подумал Фрейзер. — Господи, если бы я не путешествовал от чертовой фирмы „Мэдден турс“ и если бы у меня не было стопроцентного алиби, она отправила бы Старику мою голову на блюде, как пить дать...»

Когда Мулей скрылся в доме, он тихо сказал:

— Все совпадает. Я стреляный воробей.

Она посмотрела на него ровным взглядом и сказала:

— Я это слышала от Тарранта. Но до этого я видела вас лишь в роли государственного служащего. Канцеляриста.

— Я и сейчас играю эту роль. Бухгалтер в отпуске. Решил прокатиться за границу.

От дома отъехала машина. Из дома вышел Вилли Гарвин и двинулся через дворик, неся серебряное ведро со льдом, коробочку с таблетками, кувшин с соком.

На нем были сандалеты на босу ногу, синие боксерские шорты и больше ничего.

— Ты посмотри, кто к нам приехал, Вилли, — все тем же ровным тоном произнесла Модести.

Вилли Гарвин бросил взгляд на Фрейзера, поставил на столик то, что держал в руках, потом скинул сандалии, сел на край бассейна, опустил ноги в воду, прищурившись посмотрел на солнце и сказал:

— Иисус Христос на велосипеде!

— Мне очень неловко, — начал Фрейзер, глядя на Модести с вполне искренним смущением и сожалением. — Я лично считаю, что это совершенно лишний ход, как, наверно, и вы. Я пытался переубедить Старика, но без толку.

— Таррант приказал вам вступить в контакт? — спросила Модести. Фрейзер не мог понять, рассердилась она или нет, но он обратил внимание, что Вилли Гарвин повернулся в их сторону и не спускает глаз с Модести.

— Ну, в общем, да, — ответил Фрейзер, пожимая плечами. — На мой взгляд, это просто глупо. И, похоже, что хватка у него уже не та.

— Вы так действительно считаете? — тихо осведомилась она, но при этих словах Вилли Гарвин прикрыл глаза и затаил дыхание. — Значит, вы так действительно считаете? А кто вы, собственно такой, черт побери, чтобы...

Она осеклась и молча уставилась на Фрейзера. Затем вдруг рассмеялась и села на один из стульев.

— Неплохо сыграно, — одобрительно отозвалась она. — Впрочем, это он велел вам выступить в таком амплуа?

Собираясь с мыслями, Фрейзер сохранял непроницаемое выражение на лице. Потом улыбнулся и сказал:

— Выразусь так: я не совсем уверен, что он теряет хватку.

— Отлично. Можете ему передать, что он выбрал правильную наживку, но я не клюнула.

Вилли открыл глаза, ударил ногой по воде и сказал:

— Но, по-моему, это рискованный ход — в смысле прямого контакта с нами.

— Мне тоже так кажется, — кивнула Модести. На лице ее уже не было и тени улыбки. Она обратилась к Фрейзеру. — Надо полагать, у него есть веские основания.

— Проблема связи, — сказал Фрейзер. — Он боится, что вы можете просто исчезнуть бесследно, как и все те, кто внезапно исчез из оборота. — Прежде чем она успела ответить, Фрейзер добавил: — Он опасается, что после того, как к вам обратятся, наши контакты уже могут всерьез вас скомпрометировать. Таррант считает, что лучше приставить к вам хвост. Даже если вы выслушаете их предложение, это само по себе мало что прояснит. Чтобы до конца понять расклад, вам нужно будет пройти до конца путь наемника. Но кто-то должен следить за вами, чтобы вы не оказались отрезанными...

— Этот человек должен быть большим умельцем, — мрачно изрек Вилли.

Фрейзер посмотрел на него и дружелюбно заметил:

— Я дело знаю.

Наступила длительная пауза. Наконец Модести нарушила молчание.

— Мне это не нравится, но из кабинета Тарранта затея выглядит убедительно. Как вы предполагаете действовать, мистер Фрейзер?

— Примерно так же, как любите действовать вы, мисс Блейз. По своему усмотрению.

Вилли только хмыкнул, но Модести одобрительно кивнула.

— Ладно, пусть так. Но как нам дать знать, если что-то вдруг случится?

— Ну, во-первых, вы сможете позвонить мне в «Мавританию» без особых проблем. Если меня не окажется на месте, передайте просьбу, чтобы мистер Сванн зашел в банк «Баркли» насчет дорожных чеков, по которым он получал наличность.

— А если нам не удастся позвонить?

— Тогда это станет уже моей проблемой. Я буду находиться в постоянной близости...

— Вы действуете в одиночку? — резко спросила Модести.

— Да.

Она смягчилась и, приветствуя эту реплику одними глазами, спокойно сказала:

— Вы действительно должны неплохо знать свое дело, мистер Фрейзер.

— Я порой ошибался, мисс Блейз, но, возможно, гораздо реже, чем многие мои коллеги.

Она улыбнулась. Фрейзер вспомнил, что Таррант рассказывал ему о ее чудесной улыбке, вернее, пытался поделиться своими впечатлениями. Эта улыбка возникала откуда-то из самых глубин ее «я» и поражала своей задушевностью и открытостью.

— Гораздо реже, чем многие, — повторила Модести. — Да, это неплохо, мистер Фрейзер. — Она взяла со стола белую шапочку, и ее лицо снова стало серьезным. — Но это все, так сказать, теория. А практика может оказаться весьма грустной. Так, к нам вообще никто может и не обратиться. Или же вы, не дай бог, совершите одну из ваших редких ошибок и потеряете нас. — Она говорила ровно, без какого-либо желания обидеть. — Если это случится и если нам представится шанс передать информацию о себе на каком-то отрезке нашего пути, что нам нужно будет сделать?

— Если вы отправите телеграмму в Корпус милосердия, в Лондоне, она дойдет до нас.

— Корпус милосердия?

— Ассоциация добровольцев-спасателей. Международная организация. Она готова оказать экстренную помощь в чрезвычайных ситуациях. Наводнения, землетрясения, эпидемии и так далее. Причем в любой точке земного шара.

— Но ваш отдел с ней тесно связан?

— Да. Все сообщения сначала поступают к нам. Впрочем, большинство из них настоящие.

Наши люди пользуются этой крышей только в случае крайней необходимости.

— Но мы не сможем носить с собой все необходимое для шифровки. Нам придется пользоваться каким-то условным текстом.

— Да. Но пусть это вас не волнует. У нас в отделе все поймут. Главное, подпишитесь «доктор Рампол».

Модести встала, надела шапочку, скинула белые сандалии. У нее были крепкие ступни, немножко широковатые, чтобы их можно было счесть элегантными, но тем не менее весьма неплохой формы. Ноги путешественницы, отметил про себя Фрейзер. Он вспомнил рассказ Тарранта о том, как Модести Блейз прошла пешком от Греции до Персии, когда ей не было и одиннадцати. Причем прошла босиком.

Модести подошла со спины к Вилли, пихнула его в воду и нырнула следом. Они начали заплыв, проходя дистанцию от одного конца бассейна до другого и обратно. Кроль Вилли со стороны мог показаться тяжеловатым, но в пловце чувствовались мощь и выносливость. Стиль Модести в принципе мало отличался от манеры плавать Вилли, хоть и был немного помягче.

Фрейзер подумал, что, похоже, один из них учил плавать другого. За проведенные вместе годы они умело делились приобретенными навыками.

Внезапно где-то поблизости затрещал телефон. Они, как по команде, прекратили заплыв, и Модести сказала:

— Я подойду. Наверно, это Конти насчет примерки.

Она в два приема доплыла до борта бассейна, набросив на себя халат, прошла через лужайку во дворик и скрылась в доме.

Телефон умолк. Вилли Гарвин снова стал неторопливо демонстрировать свой кроль. Три минуты спустя из дома вышла Модести. Она бросила халат на стул рядом с Фрейзером и налила ему еще соку.

— Выпейте-ка, — сказала она. — По-моему, вы действительно перегрелись. У вас бледный вид.

— Уайтхолловская бледность.

— Может быть. Но надо пить больше жидкости. А таблетки можете не принимать.

— Спасибо.

Модести опять нырнула в бассейн. Фрейзер заметил, что она поравнялась с Вилли, и они снова поплыли рядом, работая руками и ногами с удивительной синхронностью.

Туда-сюда, туда-сюда сновали пловцы, и ритм их движений усыплял Фрейзера. Он подумал, что Модести, пожалуй, права. Он действительно перегрелся. У него закружилась голова. В бассейне оказалось четверо пловцов. Странно... Фрейзер прикрыл глаза...

Модести задержалась у края бассейна и сказала:

— Вилли...

Он встал, стряхивая воду с волос.

— Мы прошли только полмили, Принцесса, — начал он. — Я-то думал...

Он осекся. Он никогда не видел у нее на лице такого выражения. В нем была смесь ярости и потрясения, горькой обиды на себя и растерянности. Он быстро метнул взгляд на распростершегося в шезлонге Фрейзера.

— Он без сознания. — В голосе Модести чувствовалось напряжение. — Я дала ему таблетку.

Она вылезла из бассейна, Вилли за ней.

— Кто звонил? — спросил он.

— Мужской голос. Незнакомый... — Модести помолчала и добавила: — Вилли, они похитили Люсиль.

— Люсиль? — Какое-то мгновение Вилли пристально смотрел в одну точку, судя по всему, прокручивая в мозгу множество разных вариантов, как это делала она десять минут назад. Когда Вилли снова посмотрел на нее, в его глазах она увидела смерть.

— Вот, стало быть, как они решили сыграть? — произнес он, и его голос чуть дрогнул. — Мы-то подготовились выслушать вежливое приглашение. Но нас не приглашают. Нам приказывают.

— Судя по всему, нам действительно приказывают. Не понимаю, как и когда они захватили ее.

— Сегодня у них в школе отдых на пляже, у моря...

— Тогда все, конечно, просто. Могли увезти ее на катере.

— Опять Герас?

— Нет. — Она уверенно покачала головой. — Это те, кто нас интересуется. А их интересуем мы.

— Что тебе сказал тот тип по телефону?

— Сказал, что они взяли Люсиль. Что мне надо позвонить в школу и сообщить, что Люсиль почувствовала себя плохо, и ее отвезли домой на такси. И еще он велел нам с тобой быть на углу рю Мексик и рю ле Виньи ровно через час. Никаких фокусов. Взять по одному чемодану. Тот, кто нас подберет, понятия не имеет, где Люсиль.

— Неплохо. — Вилли потер ладонью лоб. — Ты позвонила в ее школу?

— Позвонила.

— Ну а по голосу ты не поняла, кто это звонил?

— Нет. Говорил по-английски с иностранным акцентом. Это может быть кто угодно. Никаких следов. Никаких нитей.

Вилли прижал руки к волосам, выжимая воду, потом сказал:

— Господи, Боже мой...

Модеста положила ему руку на плечо.

— Вилли, извини, что я впутала ее в это...

— Ну что ты. — Он был просто шокирован ее словами. — Это все они, сволочи поганые!

— Они играют не по правилам, но что делать, мы-то с тобой не первый год имеем с ними дело, так что удивляться нечему. Надо было предвидеть... — Она говорила спокойно, но в глазах ее было презрение к самой себе.

Вилли осторожно положил руки ей на плечи. Когда не было профессиональной необходимости, он редко дотрагивался до нее.

— Нам обоим нужно было держать ухо востро. Принцесса. Но мы дали маху. Так что, пожалуйста, давай про это забудем. — Он и утешал ее, и сам надеялся получить утешение. — Чему быть — того не миновать. Девочка у них. Теперь они возьмут нас в оборот. Из этого и будем исходить.

— Да, Вилли, ты прав. Не буду. Хватит корить себя... Все, я взяла себя в руки.

— Вот и хорошо, — сказал он, но его пальцы стиснули ее плечи чуть сильнее, чем следовало бы, и в голосе появились нотки отчаяния. — Что же теперь нам делать? Как играть, Принцесса?

Теперь Вилли Гарвин сам просил у нее утешения, но она не могла дать ему этого, она пока не знала, как ответить ударом на удар, как выбраться из западни. Впрочем, задавая свои вопросы, он прекрасно понимал, что просит невозможного.

— Все складывается так себе, Вилли, — проговорила Модеста. — Пока вижу один выход — делать, как нам велят. Будем покорно слушаться, пока не поймем расклад. А затем надо ждать удобного момента, и тогда уже сделать все, что только возможно.

Он отпустил ее, уронив руки.

— Это все слишком туманно, Принцесса. Должен быть какой-то другой выход.

— Другого выхода нет, — отрезала она и посмотрела на него в упор. Вилли не отвел глаза. Он просто усвоил то, что она хотела довести до его сознания. Нужно было оставить все надежды и иллюзии и внушить себе, что нельзя ждать чудес.

Теперь он проследовал за ней в мрачное царство холодных фактов, где Люсиль была лишь одной из величин в зловещем уравнении, которое пока не имело решения.

Модеста испытала облегчение, когда поняла, что Вилли все-таки заставил себя освободиться от лишних эмоций и пришел в состояние, которое позволяло действовать.

— Извини, — сказал Вилли, и на его губах возникло слабое подобие прежней улыбки. — Я на минуту растерялся.

— Я тоже. А Фрейзер все равно ничем нам не смог бы помочь. Потому-то я и вывела его из игры. Мы, конечно, сами напрашивались на неприятности, но Люсиль тут ни при чем. Она — невинная жертва. Придется исходить из того, что на кон поставлена ее жизнь.

— Она перепугается, — сказал Вилли. — Перепугается до умопомрачения.

— Знаю. — Модести говорила резко, без тени снисхождения. — Те, кто поднял руку на ребенка, не заслуживают того, чтобы с ними церемонились.

Она подошла к Фрейзеру, приподняла веко. Он был без сознания. Модести понимала, что он придет в себя теперь не раньше чем через два часа.

— Уложи его у себя, Вилли, — сказала она. — А нам пора собираться. Времени в обрез.

— Что захватим?

— Ничего такого. Ни нашей спецобуви, ни прочего серьезного снаряжения не надо.

— А мои ножички? Твои пушечки?

Ее губы чуть дрогнули.

— Пожалуй. Те, кто хотят нас заполучить, не удивятся. Полчаса спустя они уже сидели в большой гостиной, готовые пуститься в путь. Рядом стояли два чемодана. Мулей приехал из города и получил инструкции относительно Фрейзера. Вилли позвонил и заказал такси.

Модеста встала, подошла к открытому окну, посмотрела в сад. Потом сказала:

— Операция начинается неудачно. Инициатива, как это ни печально, пока на стороне противника. Мы можем на сей раз проиграть. А с ними Люсиль. И также Таррант.

— Что ж, если так написано на роду, — в голосе Вилли не было отчаяния, только констатация факта. — Ты уверена, что это все связано с Таррантом? Это не обычное похищение?

— Нет. Не тот почерк. Тут разыгрывается приз покрупнее.

— Мы с тобой?

— Похоже.

— Они что-то перестарались. Кроме нас есть и другие.

— Да, большое количество нанятых подмастерьев. — Модести взяла сигарету, которую Вилли зажег для нее. — Предположим, Таррант не ошибается. Предположим, кто-то решил захватить Кувейт и затем поставить мировое сообщество перед фактом. Тут нужны головорезы, тут необходим четкий план действий, тут требуется материальная часть, боеприпасы, рядовые. Ну, ты же лучше меня смыслишь в военном деле. Чего еще не хватает?

Вилли кивнул.

— Ну да. Ответ простой. Не хватает командиров. Их надо немного, но как раз это товар дефицитный, на дороге не валяется.

— Их трудно найти вне регулярных армейских соединений.

— Да и в армии тоже непросто. Девяносто процентов в лучшем случае просто пригодны. А для такого дельца просто пригодные кадры — это мало.

— А мы с тобой, значит, подходим? Вилли подумал, потом кивнул.

— Для тех, кто знает про нас все или почти все, — да.

— Выходит, что тот, кто возглавляет эту операцию, имел доступ к нашим досье.

Вилли затянулся сигаретой, выпустил струю дыма, молча глядя на бассейн. Сейчас он думал уже не о Люсиль. Он решил посадить воображение на голодный паек. Этому он научился у Модести. Он знал, что поначалу это дается нелегко, но затем, когда преграды, возведенные силой воли, затвердевают, устанавливается некий новый стереотип.

Раздался стук в дверь. Вошел Мулей.

— Такси пришло, мадемуазель, — доложил он.

— Хорошо, Мулей. Пожалуйста, возьмите чемоданы.

Когда Мулей вышел с чемоданами, она сказала:

— Вилли... Я говорила, что мы можем на сей раз проиграть. Забудь это.

— Кто-то всегда проигрывает, — отозвался он. — Почему бы и нам не проиграть?

— Только не сейчас, черт возьми! — Ее глаза сердито сверкнули. — Легкой победы тут не будет. Но я ни за что не уступлю!

Вилли посмотрел на нее и вдруг почувствовал прилив сил и уверенности в себе. Он выбросил сигарету в окно.

— О'кей. Принцесса, — сказал Вилли. — Значит, будем выигрывать. Другого не дано.

Глава 14

Моторы «Голубки» стонали в разреженном воздухе высокогорья. Внизу, в каких-то трехстах футах от самолета, проплыл горный пик, покрытый шапкой снега. Моторы запели по-другому, когда самолет сделал вираж и, чуть снизившись над горным хребтом, пошел на высоте двенадцати тысяч футов.

Самолет теперь шел на восток, над другим хребтом, в трех милях севернее первого.

Модести сидела на первом сиденье пассажирского отсека, слева. Вилли расположился справа. Кресла сзади и против хода были пустые, но на следующих за ними сиденьях находились двое сопровождающих.

На Модести были черные брюки, рубашка и толстый белый пуловер. Так же был одет и Вилли, только на нем пуловер был серый. Прошло шесть дней, как они покинули Танжер, в сумерках, на маленьком катере. Еще до того, как на следующий день они оказались в Касабланке, им выдали фальшивые паспорта, несколько авиабилетов и сложное описание маршрута. На каждом пересадочном пункте их встречали агенты. Все эти люди — и агенты, и экипаж катера — были им абсолютно неизвестны.

Двадцать четыре часа тому назад они приземлились в Кабуле, а на следующее утро двое мужчин, которые теперь сидели сзади, отвезли их опять в аэропорт и посадили в «Голубку — Де Хавиланд». Конвоиры были суровы и неразговорчивы — один испанец, другой вроде бы

славянин. На обоих была штатская одежда, в которой они чувствовали себя как-то неуютно.

Время от времени они поглядывали на Модести с явным любопытством, но почти ничего не говорили и на все вопросы только отрицательно качали головами. Командир самолета был русский, второй пилот — китаец, но между собой все четверо общались по-английски.

Модести предположила, что они летят на северо-северо-восток. Затем, когда появилось солнце, она убедилась в своей правоте. Впрочем, она бы вычислила это и без солнца. Долгие скитания в прошлом привели к возникновению у нее в голове своеобразного компаса.

В кабульском отеле Модести и Вилли раздобыли карту и сразу стали ее изучать. Афганистан являл собой треугольник неправильной формы между Россией, Ираном и Пакистаном. Но только на северо-востоке, за пятисотмильными отрогами Гиндукуша начинался район Памира и пятидесятимильный отрезок границы с Китаем. К северу простирались пустынные земли, уходившие к границе с Россией.

Их самолет не пролетал над самой высокой частью Гиндукуша. Он просто не мог подниматься так высоко. На такое были способны только ИЛы, курсирующие между Кабулом и Термезом, а также ДС-6. Старички ДС-3 и ДС-4 пролетали над перевалом Саланг. Но даже для этого нужно было подниматься на девятнадцать тысяч футов. «Голубке» приходилось пользоваться другим маршрутом. Она летела на северо-восток сложным, извилистым путем, постепенно углубляясь в сердцевину горной страны.

Модести пыталась угадать, где они будут пересекать границу. Вилли Гарвин повернулся и посмотрел на нее через проход. Его занимал тот же самый вопрос. Еще час-другой лета, и они окажутся за «железным» или «бамбуковым занавесом». Модести еле заметно пожала плечами и снова повернулась к иллюминатору.

Впервые с тех пор, как Модести и Вилли покинули Кабул, они переглянулись. Во время взлета и в последовавшие за тем минут десять Вилли рассеянно смотрел перед собой в открытую дверь кабины пилотов. Ну а затем, когда самолет пошел над горами, он глядел в иллюминатор.

Облаков почти не было, и видимость оставалась хорошей. Модести знала, что все это время Вилли записывает увиденное, словно видеокамера. Она сама пыталась делать нечто в этом роде. Она, правда, не обладала фотографической памятью Вилли, но у нее было лучше развито чувство направления. Возможно, они напрасно тратили силы на это упражнение, но опыт учил по возможности запоминать дорогу туда и обратно, куда бы не заносила их судьба.

Модести смотрела на хитросплетение ущелий и горных хребтов. Время от времени поблескивали зеркальца озер, от которых отходили серебряные нитки горных рек. Теперь вокруг не было высоких пиков, и они летели над долиной между двух горных хребтов.

Самолет стал поворачивать налево. Казалось, они вот-вот врежутся в серую гору, но в хребте обнаружился прогал, и «Голубка» проскочила в него, постепенно снижаясь. Они по-прежнему петляли по какому-то сложному, хитрому лабиринту.

Модести вдруг почувствовала, что Вилли напрягся, и повернулась в его сторону. Самолет сделал еще один крутой вираж, и снова высокая серая стена стала отступать.

Под ними раскинулась новая долина — четырехмильное углубление в горном массиве. В середине она резко сужалась. С обеих сторон высились горы. В северном конце Модести увидела озеро почти правильной круглой формы. Из него вытекала речка, которая дальше бежала не по центру долины, но вдоль ее восточной стены. В южном конце долины речка

скрывалась в нагромождении скал и валунов. В свое время гора словно сбросила свою каменную кожу и обрушила вниз тонны скалистой породы.

Самолет стал разворачиваться, и Модести увидела ряд закамуфлированных барakov и автомобилей. Вокруг сновали крошечные человеческие фигурки. Самолет спустился еще ниже, и на мгновение показался дворец, спрятавшийся между двух горных отрогов. И так, путешествие подошло к концу. Их взору открылся трамплин, — с него кое-кто собирался совершить тот роковой прыжок, которого опасался Таррант. Причем этот лагерь расположился на заброшенной ничейной земле, там, куда никто и не подумал бы послать самолет-разведчик или спутник-шпион.

Самолет прошел над озером, потом над скалами и оказался над посадочной полосой. Машину тряхнуло, и ее колеса коснулись земли. Рев двигателей начал стихать, и самолет стал медленно подруливать к месту остановки. Впереди текла река, огибавшая скалы и большие камни. Кроме того, Модести увидела накатанную и весьма широкую дорогу. Когда самолет остановился, из «бутылочного горла» показался грузовик и стал приближаться к «Голубке».

— Через несколько недель у вас начнется напряженная жизнь, — сказал Карц. — Сегодня вы получите общее представление о том, что является собой операция «Единорог», а завтра вас поставят в известность насчет конкретных задач, которые будут выполнять ваши подразделения.

Он поднял голову и посмотрел на Модести Блейз и Вилли Гарвина, сидевших напротив него на другом конце длинного стола. Они уже сняли свои свитера. Неподалеку стоял Либманн и следил за ними с явным интересом.

Модести чуть повернула голову и заметила, что Вилли смотрит на Карца со странным выражением. Карц явно произвел на него внушительное впечатление. Удивляться тут, впрочем, не приходилось. Карц и ее сильно поразил. Это хладнокровное, словно вытесанное из камня существо имело запоминающуюся внешность. Оно могло подавлять и внушать страх не самым пугливым. Его «я» угнетало и заставляло каждого ощутить свою незначительность.

В его присутствии Модести Блейз вдруг почувствовала себя снова маленькой девочкой. Впрочем, это, как ни странно, помогало — ведь именно в те далекие годы она вела самые ожесточенные сражения одна против всех. Она мысленно оскалила зубы и призвала на выручку ту самую силу, которая не умела высчитывать свои шансы на успех, но питалась звериным стремлением уцелеть любой ценой. Впрочем, внешне Модести сохраняла полнейшую невозмутимость.

— Начнем сначала, Карц, — холодно сказала она. — Сперва о самом главном. — Она сделала паузу и почувствовала, что Вилли внутренне дернулся, словно гипнотические чары Карца внезапно оказались развеяны. Он пришел в себя буквально за доли секунды.

— Совершенно верно, — резко отозвался Карц. — Сначала главное.

Она отметила это как добрый знак и продолжила:

— Мы хотим видеть ребенка.

Карц не спускал глаз с Модести секунд тридцать, затем одобрительно кивнул, словно она выдержала какой-то загадочный тест. Он сказал:

— Ее здесь нет. Она в другой стране.

— Откуда мы знаем, что она жива?

— Вы поймете это, когда операция подойдет к концу. Говорят вам, с ней все в порядке. Но если вы окажетесь непригодными, она умрет. Достаточно мне передать по радио короткое сообщение, и ее не станет.

— Почему мы должны вам верить на слово? А вдруг ее уже нет в живых?

— Она — мой единственный рычаг. Если ее не станет, я теряю над вами контроль.

— И все же ее может уже не быть в живых. А вы просто внушаете нам, что она цела и невредима, чтобы заставить нас плясать под вашу дудку.

— Это не мой метод. Но я понимаю вашу логику. Через неделю я устрою вам разговор по радиотелефону. А потом второй — еще через неделю... и так далее.

— Ладно. — Модести говорила отрывисто, по-деловому. — Но есть еще один важный момент. Предположим, мы сделаем дело, но операция тем не менее провалится. Что станет с девочкой тогда?

— Операция «Единорог» не может провалиться. — Карц произнес эту фразу так, словно изрекал непреложный закон.

— Почему вы так считаете? — спросила Модести.

— Потому что ее контролирую я. А я не ошибаюсь. Никогда.

— Готова согласиться. Но вы не обладаете бессмертием. Могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. А потому я еще раз повторяю вопрос: что произойдет, если операция провалится, хотя мы выполним то, что нам будет поручено?

— Тогда вы либо погибнете, либо окажетесь в тюрьме.

— А девочка?

Карц чуть прикрыл глаза, изучая Модести из-под полуопущенных век. Затем он сказал:

— Я объясняю вам мой метод. Я не выдвигаю пустых угроз и не даю фальшивых обещаний. Если вы окажетесь непригодными, девочка умрет. Если вы достойно выполните то, что вам будет поручено, то независимо от исхода операции она будет доставлена в Танжер тем же способом, каким была оттуда увезена.

— Целой и невредимой?

— Да.

Вилли едва заметно вздохнул, и Модести почувствовала облегчение. Было бессмысленно скрывать удовлетворение от услышанного. Если Карц усомнится в надежности своего рычага, их жизнь окажется под угрозой. То же самое относилось и к Люсиль.

Теперь настала очередь следующего хода. Она кивнула в сторону Вилли и сказала:

— Когда придет время, пусть поговорит с ней по телефону Гарвин. Он считает, что у него на это больше прав, чем у меня.

Вилли быстро понял, что к чему. Для них это был уже проверенный гамбит. Создавая впечатление трений между ними, они несколько усыпляли бдительность оппозиции.

— Ладно, — сварливо обратился он к Модести, — лучше не будем сейчас выяснять отношения и разбираться, кто больше виноват. Мы оба порядком переволновались, Потому как не знали расклада. Теперь все стало ясно и понятно. Так что давай, голубушка, не будем ворошить прошлое и начнем все сначала. Договорились?

Модести холодно посмотрела на него и процедила:

— Ты изменился. Ты забыл свое место.

— Сейчас мы в равном положении, — огрызнулся Вилли. — У меня подразделение и у тебя подразделение. Вот и вся разница. — Он покосился на Карца и спросил: — Верно я говорю?

— Верно, — сказал тот и перевел взгляд на Модести. — Когда вы сможете приступить к делу? Я даю вам двадцать четыре часа.

— Я приступлю к делу прямо сейчас, — отрезала Модести. — Операция намечается серьезная, и потому чем скорее я вникну в то, что мне поручено, тем лучше.

— Проблем возникнуть не должно, — подал голос Либманн. — Людям вашего подразделения ведено слушаться вас так, как если бы ими командовал сам Карц.

— Отмените это распоряжение, — сказала она, поджав губы и глядя на Карца. — Хорош командир, которому требуется такая подпорка. Куда он, интересно, годится?

— Никуда не годится, — согласился Карц. — Но Либманн ошибся. Никто не давал им таких инструкции.

— Ясно. Вы еще собираетесь устраивать мне какие-нибудь новые проверки?

— Вы постоянно будете под наблюдением, — заговорил Карц, и его слова падали, как удары дубинки. — Деятельность вашего подразделения — ваша личная ответственность. То же самое касается и Гарвина. Если вам не удастся добиться требуемых результатов, вы будете сочтены непригодными. Сейчас вы встретитесь с моим заместителем по кадрам, и он снабдит вас экземпляром наших правил. Прочитайте их внимательно.

Его взгляд вдруг сделался отсутствующим. Либманн подошел к двери, открыл ее и сказал:

— Сюда.

Они двинулись за ним по длинному коридору. Это была часть дворца, отведенная под штаб.

— Командиры обедают в отдельной столовой, — сказал Либманн. — Но спят вместе со своими подчиненными. Для каждого из них в бараке отведено свое помещение. Когда вы поговорите с заместителем по кадрам, я отвезу вас в ваши подразделения.

— Вы хотите сказать, что вы еще производите набор? — спросила Модести.

— Нет, мы уже укомплектованы. Осталось только оформление документов. — Либманн показал на дверь в стене и сказал: — Затем он возглавит свое собственное подразделение. Я подожду вас у машины.

Он ушел. Модести легонько постучала в дверь костяшками пальцев, открыла ее и вошла. За ней вошел Вилли и закрыл за собой дверь.

Из-за стола в углу комнаты им навстречу поднялся улыбающийся Майк Дельгадо. Модести поспешила занять позицию между ним и Вилли, заведя назад руку с растопыренными пальцами. Это был сигнал держать себя под контролем.

— Привет, радость моя, — весело сказал Дельгадо. — Добро пожаловать в наш клуб.

— Сволочь! — прошипел за ее спиной Вилли. — Мерзкая грязная сволочь!

Модести обрадовалась, услышав голос Вилли. Это означало, что он подавил в себе желание убивать. Дельгадо посмотрел мимо нее, и на лице его написалось нечто среднее между веселым удивлением и легкой обидой.

— Вилли, ради бога, будь взрослым. Ты слишком много играл с большими мальчиками и знаешь, какие у нас теперь правила. Бывает, выигрываешь, бывает, проигрываешь, но зачем же сердиться?

— Ничего, я тебе припомню это, Дельгадо, — проскрежетал Вилли. — Рано или поздно это все кончится, а тогда и потолкуем по душам.

Дельгадо только рассмеялся.

— Поостынь, дружище, а то можешь помереть раньше срока. Делай, что тебе говорят, и получишь свою девчонку обратно. Целой и невредимой.

— Целой — может быть, — заметила Модести. — Но вот насчет невредимой я не уверена.

Майк удивленно посмотрел на нее.

— У всех нас случаются тяжелые моменты. Придется и ей немного потерпеть. Только не говори, что я тебя неприятно удивил.

— Только на какое-то мгновение, — ответила Модести. — Теперь уже мне все понятно. В тебе нет совести, нет ничего, что могло бы удержать тебя от такого поступка. Но если мы вам понадобились, то почему бы не обратиться к нам прямо, без обиняков?

— Потому что в тебе, напротив, есть остатки совести, моя радость. Мне никогда не удалось бы уговорить тебя взяться за такую грязную работу, если бы не нашелся могучий рычаг воздействия. Согласись, что я прав.

— Соглашусь, что я была набитой дурой. Этот случай в Лиссабоне... Герас и его компания... Значит, это была проверка? Тест? И устроил ее ты? Никто, кроме тебя, не знал, что я собираюсь быть в Лиссабоне в это время.

— Вы с Вилли выступили блестяще, моя радость. Я вами просто горжусь.

Она презрительно передернула плечами.

— Ты был замешан с самого начала?

— Почти что.

— Я-то думала, ты работаешь один.

— Ну я же не отшельник. Когда дело будет сделано, урожай ожидается неплохой. И в каком-то смысле я работал сам по себе... Вербовка кадров была на моей ответственности, а теперь я должен возглавить одно подразделение. Нет более одинокого занятия, чем командовать подразделением в такой операции. Ты еще это поймешь.

Поначалу он говорил с напряжением в голосе, но потом немного успокоился. Показав на два деревянных стула, Майк предложил:

— Садитесь. Нам надо будет кое-что с вами обсудить. Вилли напомнил себе, что по роли ему не положено подставлять стул Модести, а она, сперва встревожившись отсутствием такого внимания, тотчас же устыдилась своей забывчивости. Вилли плюхнулся на стул первым, закурил сигарету, опять-таки и не подумав предложить ей. Дельгадо изобразил на лице легкое удивление, потом весело подмигнул Модести и улыбнулся.

— Операция «Единорог», — начал он. — Название, может, звучит несколько напыщенно, но в общем довольно точно отражает суть. — Он откинулся на спинку стула и заговорил, словно цитируя хорошо заученный текст. — Единорог — мифологическое, страшное и несокрушимое животное с телом коня или быка, вся сила которого заключается в его роге на лбу...

— Ближе к делу, — перебила его Модести. — Мне лично некогда. Мне чем заняться.

Дельгадо подался вперед, положив локти на стол.

— Это точно, радость моя. Тебя ждет подразделение. Ладно, не будем тратить попусту время. Во-первых, каждому из вас причитается по пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, когда дело будет сделано. И вы их получите. Поверьте, все это вполне честный бизнес. Во-вторых, вам не надо опасаться каких-то неприятных последствий. Политическая сторона операции разработана самым тщательным образом, и все будет решаться в высших дипломатических сферах.

Вилли Гарвин наклонился и, чуть не толкнув Модести, затушил сигарету в пепельнице на столе, не произнеся при этом ни слова.

Дельгадо посмотрел на него с интересом, затем продолжил:

— В-третьих, ваш гонорар причитается только вам, и никому больше. Если вы погибнете в сражении или как-то еще, деньги поступают в общий премиальный фонд. В-четвертых, для раненых предусмотрена эвакуация по воздуху и первоклассные больницы. — Тут он поморщился и сказал: — Извините, что говорю об этом, но мы пытаемся создать тут американский колорит. Часть большой аферы.

— Карц упоминал правила распорядка, — напомнила Модести. — Как я понимаю, мы не составляем одну дружную семью?

— Это как посмотреть... — Майк взял два маленьких буклета из стопки на столе и пихнул их в сторону своих собеседников. — Просто надо держать людей в форме. Тот, кто ломает строй, считается непригодным. — Он помолчал и сказал: — Таких мы убиваем. Скорее всего, вы

станете свидетелями дисциплинарной казни в ближайшие семь-десять дней. Смею вас уверить, технически это весьма любопытно.

Модести взяла буклет, сложила его и сунула в карман рубашки.

— Мне поручено подразделение «Р». Что это значит?

— Вам обо всем расскажут самым подробным образом. Но если в двух словах, то Вилли отвечает за подразделение, которое призвано выполнять комбинированные десантно-инженерные функции. Они начинают действовать от аэропорта и соединяются с группой, высадившейся в порту. Минирование объектов в узловых точках во избежание возможного вмешательства со стороны США или Англии. Потом минирование нефтяных вышек для создания дополнительного угрозы...

— Я, кажется, спрашивала насчет моего подразделения, а не Гарвина, — перебила Модести. Она говорила так, словно Вилли не было в комнате.

— Есть пятна и на солнце, — грустно изрек Майк. — Но тем лучше. Учти, что Карцу нравится, когда между командирами есть небольшие трения, но он не допускает открытых ссор. Ну а теперь перейдем к твоему подразделению, радость моя. Подразделение «Р» — это мобильные резервы. Оно выполняет роль полукруглых каналов, как выражается Карц.

— Не поняла.

— Полукруглые каналы. Они находятся у нас в ухе, и благодаря им у нас возникает чувство равновесия. В ходе операции армия не должна утрачивать чувства равновесия. Если во время боевых действий что-то вдруг идет не так — а это нередко случается, — то мобильные резервы быстро, очень быстро вступают в игру, чтобы выправить положение. Среди прочего, я должен обеспечивать транспорт для этих целей — у нас есть маленькие, но шустрые бронетранспортеры.

— Как с оружием?

— Об этом потом. Главная директива — наносить мощные удары, не брать пленных и проявлять полную беспощадность. Карц, кстати, рассматривает это подразделение как одно из самых важных, и он прав. Это единственное подразделение, которое узнает, что ему надо делать, за пять минут до того, как принимается за дело. — Майк одарил Модести очаровательной улыбкой. — Тебе дали самых крутых ребят. Твоя задача — сделать из них крутую команду.

— Еще какие-то проблемы есть?

— На этой стадии у меня все. Да, тебе придется носить положенную по нашим правилам форму. Вилли подберет себе что-нибудь на складе. Для тебя я заказал все отдельно...

— Надеюсь, ты не ошибся, — сухо отозвалась Модести. — Не хотелось бы появиться перед подразделением в виде клоуна.

— Не бойся, я не ошибся, — усмехнулся Дельгадо, и в его зелено-голубых глазах вспыхнули искорки. — Я отлично помню твои размеры, радость моя. У меня замечательная осязательная память.

Дельгадо перевел взгляд на Гарвина.

— Тебе что-нибудь непонятно?

— То, что мне будет непонятно, я выясню без лишней болтовни, — отрезал тот.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Модести, вставая. — Меня ждет Либманн. Он отвезет меня в подразделение.

— Я с тобой, — сказал Дельгадо и тоже встал. — Это может быть забавно.

— Там не обойдется без осложнений.

— Еще бы. Ты женщина. Думаю, что кому-то должно крепко достаться. Не исключено, что тебе.

— И это забавно?

На лице Дельгадо было лишь предвкушение развлечения.

— Я знаю тебя только по постели, радость моя, — напомнил он, — и сгораю от нетерпения увидеть твою другую сторону. Не обижайся. Вовсе не обязательно испытывать неприязнь к человеку на канате, но интересно увидеть, как он грохнется.

— Ну а если я грохнусь?

Дельгадо посмотрел на нее и загадочно заметил:

— Это уже будет проблема Карца. Наверно, тогда он подыщет для тебя другую работу.

Вилли Гарвин соскочил с джипа у двух барачков подразделения «И» в южном конце лагеря. Он захватил свой чемодан, поставил его на землю. У барачков сидели и стояли человек двадцать. Двое из них знали Вилли и поздоровались с ним. Он ответил на приветствия и коротко спросил:

— Где остальные?

Крупный итальянец отозвался:

— Упражняются с газовыми бомбами. А мы уже прошли курс обучения.

— Ладно, забрось-ка, приятель, мой чемодан, а я устроюсь, а потом побеседую со всеми. — Он посмотрел на собравшихся, кивнул им и двинулся к барачку.

Голос с валлийским акцентом произнес:

— Хочешь поработать денщиком, Джио?

— Нет, — усмехнулся итальянец. — Хочу сохранить зубы. И тебе советую об этом не забывать. Они еще нам пригодятся. — Он взял чемодан и двинулся следом за Вилли.

Либманн повел джип дальше и через триста ярдов снова остановил машину. Подразделение «Р» занимало один барачок, где находилось до сорока человек. Сейчас у них было свободное время, и около барачка слонялось человек десять.

Либманн вышел из джипа вместе с Модести. Дельгадо остался в машине. Облокотившись о

дверцу, он стал с интересом следить за развитием событий.

— Это Модести Блейз, — сказал Либманн. — Она будет командовать вашим подразделением.

Кое-кто заулыбался. Кое-кто стал тотчас же раздевать ее глазами. Но нашлись и такие, кто насторожился.

— Скоро привыкнете, — коротко сказала Модести. — Я сейчас с вами потолкую.

Она миновала их и вошла в барак. Либманн последовал за ней. Там одни лежали на койках, другие играли в карты. В центре барака стоял стол, уставленный чашками со следами кофе, заваленный пестрыми журналами и весьма потрепанными учебниками по оружию. В дальнем конце виднелась перегородка, а в ней была дверь. На одной из стен висела деревянная доска для объявлений.

Большинство из мужчин были без рубашек — голые по пояс или в майках. И люди, и их форма выглядели достаточно опрятно, хотя рубашки и брюки были поношенными и выцветшими. Впрочем, и чистота формы, и личная опрятность значились обязательным условием в правилах, которые Модести просмотрела, пока ехала от Дельгадо сюда.

Либманн заговорил все тем же ясным высоким голосом:

— Внимание! Это Модести Блейз. Она будет командовать вашим подразделением.

Реакция на это сообщение последовала довольно вялая. Головы стали поворачиваться в их сторону, но руки по-прежнему тасовали или разбирали карты. На лицах солдат появились примерно те же выражения, что и у тех, кто находился на улице.

Модести неторопливо обвела взглядом длинный барак. Она опять повторила:

— Вы скоро к этому привыкнете. — Кто-то рассмеялся, но смех быстро смолк. Модести пропустила этот смех мимо ушей и коротко сказала: — Построиться у барака. Я хочу с вами поговорить.

С этими словами она повернулась и пошла к выходу. Либманн последовал за ней. Она вышла из барака и остановилась в десяти шагах от джипа, глядя на дверь без признаков нетерпения. Вскоре в проеме появился один солдат, поколебался и вышел наружу. За ним последовали еще двое. Затем появились еще четверо с ухмылками на лицах. Ручеек продолжался еще несколько минут, потом прекратился.

Модести посмотрела на последнего вышедшего и спросила:

— Это все?

Тот молча пожал плечами. Тогда она снова вошла в барак. Там на койке сидели двое и играли в карты или делали вид, что играют. Еще один лежал на кровати, закинув руки за голову и полуприкрыв глаза.

Модести дала волю своей интуиции, оценивая ситуацию. Те, кто играл в карты, выглядели несколько напряженными, а их сосредоточенность казалась деланной. Зато лежавший на койке и не думал волноваться. Модести застыла в ожидании. Секунд через пятнадцать один из игроков бросил быстрый взгляд на лежавшего.

Модести поняла, что не ошиблась. На койке лежал неофициальный лидер. Именно с ним ей, похоже, предстоял поединок.

Это был рослый мускулистый парень с густыми черными волосами на груди, видневшимися в вырезе майки, длинные руки, лицо широкое и угловатое, обтянутое тонкой кожей.

Модести подошла к кровати, встала у изножья, взяла с тумбочки чашку, в которой был недопитый кофе, и спросила:

— Фамилия?

Тот приоткрыл глаза, посмотрел на нее равнодушно и ответил:

— Бруниг.

Всем своим видом здоровяк показывал, что ему решительно наплевать на новое начальство.

— Выйти, Бруниг, — резко произнесла она, и в то же мгновение рука ее опрокинула чашку так, что кофе полился ему на голову и грудь. Она поставила чашку на тумбочку и пошла к выходу. По пути холодно посмотрела на картежников и сказала: — К вам это тоже относится.

Модести услышала скрип койки и быстрый топот ног в ботинках на резине. Но она уже была на улице. Толпа тем временем разрослась за счет представителей других подразделений. Модести не стала выискивать взглядом Вилли Гарвина. Его там не должно было быть.

Она была уже в трех шагах от двери барака, и на ее лице не появилось никаких признаков внутренней концентрации. Теперь она услышала, как затрещали мелкие камешки под подошвой Брунига, сделавшего первый шаг за порогом. Он двигался очень быстро.

Она плавно нырнула вперед, выставив руки, чтобы смягчить падение. Бруниг попытался было увернуться, но опоздал. Ее полусогнутые ноги выпрямились, и она лягнула ими Брунига, угодив ему в грудь. Он полетел в дверной проем и рухнул навзничь. Модести же быстро поднялась на ноги, повернулась и чуть отошла назад, чтобы у нее было больше пространства для маневров.

Бруниг собирался снова ринуться в бой. Она, конечно, могла искалечить его или оглушить, если бы изменила направление удара. Солдаты это прекрасно понимали. И Бруниг тоже. Но ей не хотелось такого исхода поединка. Зрители могли бы отнести это за счет счастливой случайности для нее и рокового невезения для Брунига.

На этот раз Бруниг стал наступать медленно, тяжело дыша. На лице его появилось выражение ярости и изумления. Из-за его спины появились два картежника и проворно отошли в сторону.

Поединок нужно было заканчивать как можно скорее. Впрочем, Модести прекрасно понимала, что бой вряд ли окажется долгим, независимо от того, кто возьмет в нем верх. Бруниг был очень силен и весьма искусен. Иначе и быть не могло, коль скоро он стал авторитетом среди этих крутых ребят.

Мозг Модести работал с бешеной скоростью. Она должна победить, но так, чтобы Бруниг сохранил достоинство. Он слишком популярен в этом подразделении.

Он наступал, чуть выставляя вперед одну ногу. Руки были опущены довольно низко и пальцы полусжаты, чтобы можно было в зависимости от обстоятельств ударить — или кулаком, или

ребром ладони. Модести стала быстро приближаться к нему, сложив руки на груди. Этот необычный ход явно смутил Брунига, даже обеспокоил. Он заколебался, подозревая подвох, и дернулся, чтобы уклониться от удара, который так и не последовал. Она сделала еще шаг и оказалась уже на расстоянии вытянутой руки от Брунига. Он попытался ударить ее по шее ребром правой ладони. Но Модести стремительно вскинула локоть, и запястье Брунига натолкнулось на него. Звук от соприкосновения был достаточно отчетливым. Выпад Брунига был блокирован, а сам он оскалил зубы от боли, пронзившей руку. Тотчас же ладонь Модести ударила Брунига по лицу, после чего она отступила так, чтобы его длинные руки не могли ее достать. Но пока она отступала, он махнул правой ногой, пытаясь угодить ей в пах. Этому хода она и ожидала. Собственно, она его даже спровоцировала.

Она резко оттолкнулась двумя ногами и прыгнула, чуть изогнувшись, чтобы поймать лодыжку Брунига в перекрестье предплечий. Сами предплечья выполнили роль амортизаторов, а пальцы ухватили его ботинок за носок и каблук, после чего Модести резко повернула его ногу. Бруниг издал вопль. Он бешено замахал руками, а его опорная нога затопала по земле, поскольку он стал кружить по оси второй захваченной Модести ноги, чтобы сберечь свои сухожилия. Затем Бруниг упал на землю ничком, раскинув руки. Модести обрушилась на него, ударив коленями по пояснице. Послышалось громкое «Уф!». Это воздух был разом вышиблен из его легких.

Плохо понимая, что происходит, Бруниг приподнял свое окровавленное лицо. Модести протянула руку и, захватив его верхнюю губу под самым носом, изо всех сил ущипнула. По-прежнему упираясь ему в спину одним коленом, она резко подняла его голову так, чтобы без помех нанести удар ребром ладони второй руки по его незащитной гортани.

Увидев занесенную руку, Бруниг испустил пронзительный вопль. Он попытался помотать головой, но у него ничего не вышло. Он отчаянно заколотил кулаками по земле, и из его рта вырвалось едва различимое: «Не-ет!»

Модести смилостивилась и оставила его в покое, поднялась, отошла на шаг. Бруниг лежал, тяжело дыша.

— Ладно, Бруниг, — сказал Модести. — На сегодня достаточно. Можно встать в строй. Я хочу с вами поговорить.

По толпе зрителей прокатился гул удивления. Кто-то засмеялся. Модести грациозно повернулась, как кошка, и, прищурившись, уставилась на солдат. Смех был ей сейчас очень на руку, но она не собиралась показывать этого.

— Кто смеялся? — гневно осведомилась Модести. Солдаты начали переминаясь с ноги на ногу и опасливо переглядываться, словно нашкодившие школьники. Потом смуглый коренастый человек с круглым лицом сказал с сильным акцентом:

— Я смеялся. Просто так.

— Смеялся над Брунигом? — Ее глаза превратились в темные щелочки, в которых бушевало ледяное пламя. Она отвела взгляд от смеявшегося и произнесла, не обращая ни к кому конкретно: — Принести ведро воды и полотенце.

Из толпы вышел один солдат и направился за барак. Минуту спустя он вернулся с ведром воды. Второй сходил в барак и принес полотенце. Пока они выполняли распоряжение, стояло гробовое молчание. Все это время Модести смотрела, не моргая, на круглолицего.

Затем она перевернула Брунига на спину и присела рядом, окунув полотенце в ведро. Быстрыми, но осторожными движениями она стала протирать ему лицо, затем пощупала лодыжку. Бруниг чуть приподнял голову, поглядел на нее туманным недоверчивым взглядом, но промолчал.

— По-моему, серьезных повреждений нет, — сказала она спокойно, без тени гнева. — Встань и попробуй, как нога.

Воинственный пыл Брунига давно угас. На его лице было только смущение, смешанное с подозрительностью. Он встал, осторожно ступил на ногу, сделал шаг, другой. Он слегка хромал.

— Ну как?

Он снова посмотрел на Модести, но теперь уже от подозрительности не осталось и следа.

— Вроде ничего, — медленно произнес он. — Скоро все будет в порядке.

Модести резко обернулась к круглолицему.

— Тебе было смешно. Ты готов сразиться с Брунигом?

Он посмотрел на нее угрюмо, подумал, потом отрицательно покачал головой.

— Отлично. Больше не смейся над теми, кто сильнее тебя. — Направляясь к двери барака, она покосилась на Брунига. Он по-прежнему тяжело дышал, но на его лице больше не было враждебности. Она осадил его, напомнив, что не он теперь главный, но в то же время не превратила его в парию. После нее он оставался самым авторитетным. Теперь она собиралась это подтвердить.

Повернувшись в дверях, она посмотрела на собравшихся. Ей не пришлось особенно повышать голос: вокруг сделалось очень тихо.

— Бойцы из других подразделений могут уйти, — сказала Модести.

Толпа зашевелилась, послышался легкий гул голосов, и вскоре она начала редеть.

— Бруниг, ты знаешь, кто тут кто. Отправь чужих подальше. Я хочу, чтобы, кроме нас, тут больше никого не было.

— Нас, — отметил Дельгадо. — Отлично придумано. Теперь она, конечно, уже их победила. Он покосился на Либманна, который стоял, опершись на радиатор джипа, и тихо спросил:

— Годится?

Либманн повернулся к нему, и на мгновение в его пустых глазах появилось что-то похожее на интерес. Он чуть заметно кивнул.

Бруниг между тем, хромя, обходил собравшихся, время от времени отдавая короткие распоряжения. Наконец он подошел к Модести.

— Все в порядке. Остались только наши... — Он неуверенно замолчал, не зная, как к ней обращаться.

— Меня зовут Блейз, — она сделала паузу и продолжила. — В течение двадцати четырех часов я пойму, что здесь к чему, и мы начнем работать. Сейчас я хочу знать одно: довольны ли вы условиями?

Последние слова Модести заставили Либманна напрячься. Наступила пауза, потом кто-то сказал с американским акцентом:

— Жалобы могут запросто привести к тому, что тебя сочтут непригодным.

— Я буду непригодным командиром, если не удостоверюсь, что вы готовитесь в нормальных условиях. Говорите, что вас не устраивает.

— Выпивка, — отозвался другой голос, на сей раз с шотландским акцентом.

— Каков ваш паек?

— Бутылка в неделю на человека. Мне этого и на один день мало...

— Отставить. Норма достаточная. Чтобы больше я об этом не слышала. — Она окинула взглядом подразделение. — Что-нибудь еще?

— Охрана взлетно-посадочной полосы и хозяйственные работы, — снова заговорил американец, — нам достается нарядов в два раза больше, чем другим.

Модести посмотрела на Либманна в упор и спросила:

— Почему?

Прежде чем ответить, он промедлил секунду-другую. Дельгадо не без удовольствия отметил, что этот вопрос застал Либманна врасплох.

— До сегодняшнего дня это подразделение не было окончательно сформировано и проходило лишь общую подготовку, — холодно сказал Либманн. — Естественно, им пришлось выполнять большой объем дежурств и хозяйственных работ.

— Теперь мы сформировались окончательно. Кто распределяет все наряды?

— Я. Можете подать мне рапорт.

— Считайте, что уже это сделала. Если за двадцать четыре часа ситуация не изменится, я буду вынуждена поставить в известность Карца.

— Это будет неразумным шагом.

— Может быть. Впрочем, может быть, неразумно отвлекать боевое подразделение от усиленной подготовки. Так или иначе, я не сомневаюсь, Карц примет разумное решение.

Впервые Дельгадо увидел улыбку Либманна. Это был оскал мертвеца. Либманна захлестнула волна эмоций, что было для него редкостью. Это, скорее всего, дала о себе знать ярость или страх, или смесь и того и другого, но так или иначе, это доставило ему своеобразное удовольствие, поскольку всерьез затронуло его душевные струны.

— Мы разберемся, — пообещал Либманн, сел в джип, и машина уехала. Но бойцы подразделения «Р» не обратили на это никакого внимания. Они с интересом изучали своего

нового руководителя.

Модести посмотрела вслед джипу, сухо улыбнулась и сказала:

— Ну что ж, мы немножко расшевелили этого мерзавца. В ответ раздался смех и одобрительный гул. Модести посмотрела на лица своих подчиненных и поняла, что добилась их уважения и той лояльности, на которую они вообще были способны. Судя по всему, между ними установились какие-то связи, хотя прочными их назвать было трудно. Это были настоящие головоломы, думавшие только о себе и собственной выгоде со всеми вытекающими последствиями.

Модести не испытывала к ним никаких симпатий. Она понимала, что стоит ей хоть немного ослабить хватку, и они набросятся на нее, словно львы и тигры на оплошавшего укротителя. Но в их первом и очень важном столкновении она одержала безусловную победу, а кроме того, сумела создать ощущение единства. Они сделали первый совместный шаг по маршруту, который был им с Вилли неизвестен, как и сам пункт назначения. Пока трудно было прийти к каким-либо выводам. Они с Вилли заранее договорились об этом. Не следует проявлять поспешности, лучше постараться хорошо сыграть роли, навязанные им противником, и надеяться на то, что капризная фортуна проявит к ним благосклонность.

— Теперь послушайте меня, — сказала Модести, — и причем внимательно. Я не полная идиотка. Я прекрасно понимаю, какие проблемы может создать появление среди вас женщины. Кое-кто из вас, возможно, строит на этот счет определенные планы, лелеет надежды, а потому я вам заранее сообщаю: тот, кто всерьез рассчитывает меня поиметь, лучше пусть сразу об этом забудет. Пока мы делаем дело, об этом не может быть и речи, и вообще, это все не про вас.

Эти слова несколько ослабили напряженность, ощущавшуюся в атмосфере. Модести продолжала:

— Мы будем работать, причем до седьмого пота, так что у вас просто не останется сил для прочих подвигов. А если и останутся, то, как я понимаю, для этих целей существует здесь сераль.

— Это как и виски, — печально произнес американский голос. — Паек для нас слишком мал. Ведь мы большие мальчики. — Эта реплика вызвала веселый гомон.

— Как и с виски, — отозвалась Модести, — вам придется пока довольствоваться тем, что имеется.

Теперь в ней не было ничего женского. Она и не подумала даже улыбнуться. Она по-мужски прислонилась к стене барака. Возможно, кое-кто из них сочтет ее лесбиянкой. Что ж, это ее вполне устраивало.

— Бруниг, — окликнула она поверженного ею здоровяка. — Пусть кто-то отнесет мои вещи в барак.

Глава 15

— Шах, — сказал грузин Тамаз и двинул коня. Модести уставилась на доску. У нее была

лишняя пешка, но эта жертва позволила Тамазу провести быструю атаку. Модести угрожал мат в четыре хода или потеря ладьи.

— Сдаюсь, — сказала она.

За десять дней они сыграли немало партий, но Модести пока не удалось одержать ни одной победы. Тамаз играл, как гроссмейстер.

Был поздний вечер, и они находились в столовой для командного состава. Вилли Гарвин, Суррат и Близнецы играли в покер. Впрочем, с Близнецами трудно было надолго увлечься игрой. Они сидели вполборота с подозрительным видом, пряча один от другого карты. Проходило несколько минут, между ними вспыхивала ссора, и игра надолго прерывалась.

Англичанин Бретт отправился в сераль, занимавший целое крыло большого дворца. Хамид проводил со своим подразделением ночные учения, на которых присутствовал Либманн. Дельгадо дежурил в оперативном отделе.

Карц стоял спиной к занавешенному длинными шторами окну, сцепив руки за спиной. Он никогда не ел в офицерской столовой, но иногда по вечерам проводил там полчаса. По традиции на его появление присутствующие никак не реагировали. Он стоял как вкопанный, лишь изредка слегка поворачивая свою каменную голову и переводя тяжелый взгляд с одного подчиненного на другого. Затем, так и не сказав ни слова, удалялся тяжелой поступью, словно оживший вдрог тролль-гигант.

За эти десять дней Модести узнала очень многое. То, что не удалось установить как факт, она вычислила.

Долина находилась в восточных отрогах Гиндукуша, на высоте четырех тысяч метров. Между долиной и равниной на севере — неразбериха горных хребтов, пиков, долин и ущелий. Никто не знал, как выбраться из этого лабиринта, — сообщение осуществлялось исключительно по воздуху. Озеро, к северу от лагеря, находилось в поросшей лесом котловине, а затем начинались новые горные хребты и ущелья.

В южной части долины речка исчезала в нагромождении валунов и скал. Когда-то в прошлом по реке можно было добраться до равнины, и, наверно, потому-то какой-то древний хан повелел построить здесь свой летний дворец. Пять тысяч рук строили его пять тысяч дней в эпоху, когда время и труд человеческий были дешевы. Возле взлетно-посадочной полосы стояло небольшое сборное строение, в котором находилось два передатчика. Они действовали с помощью дистанционного управления в штабной части дворца. На одном из горных склонов были установлены мачты антенн.

Материально-техническое обеспечение операции выглядело поистине впечатляющим. Раз в два или три дня приземлялся большой транспортный самолет — «Геркулес» или Ан-12 — и доставлял военные грузы. Самолеты снижались над котловиной озера, а потом уже выходили на последнюю прямую над посадочной полосой. Взлет и набор высоты проходил тем же самым образом. Кто-то сказал Модести, что с высоты двадцать тысяч футов долину нельзя было разглядеть и озеро служило единственным ориентиром.

Каждое из подразделений обладало внушительной огневой мощью. Каждая категория оружия сама по себе соответствовала стандартам, но источники производства и поступления были самыми разнообразными. Так, использовались системы AR-15 из Соединенных Штатов, особые, не имеющие отдачи винтовки из России, чехословацкие гранаты, французские мины. Радиоаппаратура была из Италии и Германии, противотанковые мины и управляемые ракеты

— из Соединенного Королевства.

Модести имела возможность понаблюдать за учениями двух подразделений летучей пехоты, которыми командовал Тамаз. Они отрабатывали свои будущие наступательные действия в лабиринте долин и ущелий, а также на макете, представлявшем собой улицы Эль-Кувейта.

На них были особые «реактивные костюмы», заметно отличавшиеся от «ракетных поясов», разработанных ранее американцами. Модести видела их на фотографиях. Но Майк Дельгадо пояснил, что эти костюмы в полтора раза эффективнее. Где они были изготовлены, установить не удалось. У них было три реактивных сопла вместо двух, а также на пластмассовом нагруднике имелось две «подставки» для боеприпасов.

Три человека, оснащенные такими костюмами и вооруженные системой AR-15, способной действовать и как гранатомет, и как пулемет, выпускающий семьсот пуль в минуту, могли без особого труда контролировать около дюжины городских кварталов.

Тяжелый транспорт не нужно было перебрасывать по воздушному мосту. За последний год в Кувейте успешно создавалась небольшая, но надежная пятая колонна, и потому возле аэропорта ко времени высадки десанта должно было скопиться с десятков больших грузовиков, которыми и воспользуются атакующие. Десять легких автомобилей для группы Модести, равно как и сотня мотоциклов, а также шесть стопятимиллиметровых пушек будут переброшены по воздуху. Четыре больших самолета собирались перевозить только взрывчатку и боеприпасы.

Легкие танки, резервные части, а также грузы, необходимые для поддержания порядка после первых двадцати четырех часов вторжения, планировалось отправить морским транспортом, который самым невинным образом подойдет к Кувейту за шесть часов до высадки воздушного десанта.

Только одно подразделение освободительной армии, которым руководил Бретт, должно было отправиться в Кувейт морем. За шесть дней до начала операции его бойцы будут доставлены из долины по воздуху в некий порт, откуда уже двинутся по морю. Модести не знала, где находится этот порт. Ей лишь было известно, что операция начинается одиннадцатого сентября в пять часов утра.

Тамаз стал расставлять на доске фигуры для новой партии. Он заметно отличался от других офицеров Карца. Модести не испытывала к нему никаких теплых чувств, но различие было налицо. Если Либманн, Суррат, Дельгадо и им подобные были людьми, которые изгнали из себя способность переживать, испытывать угрызения совести и так далее, то Тамаз был роботом, который и не подозревал, что подобные чувства существуют.

Модести покосилась на Близнецов. Они начали, по обыкновению, ссориться, обмениваясь оскорблениями. Карц безучастно наблюдал за ними. Игра развалилась. Суррат, улыбаясь, встал из-за стола, подошел к креслу, сел и взял журнал из стопки, высившейся рядом.

Лок подвинул к себе блокнот и стал рисовать гранатомет в разобранном виде. Чу закурил сигарету и молча уставился в пространство.

Три дня тому назад Модести стала свидетельницей первой дисциплинарной экзекуции. Один турок из подразделения Хамида сломал челюсть нимфоманке Лейле. Ее отправили на самолете куда-то лечиться, а на следующий день турок погиб на арене от железных рук Близнецов.

В качестве оружия турок выбрал саблю и попытался разрубить оплечье лат, соединявших

Близнецов. Но клинок турка так и не коснулся кожаной трубки. Близнецы легко обезоружили беднягу, превратили его лицо в кровавое месиво и только потом добились, заколов его же саблей.

Модести наблюдала спектакль с каменным лицом. Она не переживала из-за турка, но празднично-театральная обстановка казни вызвала в ней глубокое отвращение. Она понимала, что те же чувства испытывает и Вилли, хотя и на его лице не дрогнул ни один мускул.

Теперь же братья, сражавшиеся на арене словно единое целое, сидели и исходили злобой друг к другу.

Карц вышел из своего оцепенения, подошел к двери и удалился. Вилли Гарвин сидел за столом и с задумчивым лицом тасовал карты. Он не смотрел на Модести, но она заметила, что он как бы невзначай почесал верхнюю губу пальцем. Это означало, что он хочет ей кое-что сказать.

Это было что-то новое. Обычно, сталкиваясь в столовой, они выказывали по отношению друг к другу все признаки враждебности. Окружающие успели к этому привыкнуть и принимали их трения вполне спокойно, поскольку дело свое они делали хорошо.

Постепенно Модести сжимала тиски, в которых оказалось ее подразделение. Она гоняла их до седьмого пота, и ее собственная сила и выносливость служили для них образцом и ориентиром. Когда они выполняли очередное задание, с полной выкладкой и в сложных условиях, она была рядом, выполняя те же самые нагрузки, подгоняя их и словом и примером.

Она похудела, лицо и руки сделались обветренными, ногти неухоженными. Модести подозревала, что о ней всюду судачат, строят на ее счет разные догадки, но, так или иначе, никаких проблем на сексуальной почве у нее не возникало. Она была недосыгаема для них, и никто не делал попыток преодолеть барьер. Они теперь даже ею гордились. Поначалу подразделение стало мишенью шуток бойцов из других отрядов, но вскоре шутки прекратились. Теперь о Модести рассказывали легенды, быть в ее подразделении считалось знаком доблести.

Впрочем, она и сама многому от них научилась. Ее умение обращаться с пистолетом или винтовкой лишь отчасти покрывало ситуации, способные возникнуть в новой боевой обстановке, и поэтому многие из них куда лучше обращались со стрелковым оружием в военных условиях. Но это вовсе не повредило ее престижу, так как она быстро усваивала новое. Ее зоркий глаз и умелые руки отлично адаптировались к тем видам оружия, которыми ей прежде не приходилось пользоваться.

Никаких проблем не возникло и у Вилли Гарвина. Его лично знали два десятка бойцов в этом лагере, а многие были наслышаны о его подвигах. Кроме того, он отлично разбирался во всех системах вооружения, поскольку до того, как стал работать у Модести, успел послужить в Иностранном легионе французской армии, а также в частях наемников. Вилли, правда, неважно стрелял из револьвера или пистолета, но удивительным образом эта неуклюжесть не распространялась ни на винтовки с автоматами, ни на более тяжелые виды оружия.

Он руководил своим подразделением с мрачной уверенностью и жесткой справедливостью. Его считали безжалостным и беспощадным сукиным сыном, но это принималось как должное и даже вызвало негласное одобрение. Когда начинали греметь выстрелы, жесткий командир был куда предпочтительнее мягкого слабака.

Последний раз Модести разговаривала с Вилли три дня назад в кабинете Либманна. Ее вызвали туда после того, как Вилли побывал в комнате радиста и вступил в обещанный контакт с Люсиль.

Разговор Модести и Вилли был коротким, поскольку при нем присутствовал Либманн.

— Ты с ней говорил?

— Да, с полминуты.

— Понятно, нам никто не обещал долгих разглагольствований. Ты уверен, что это была она?

— Уверен. Слышимость была хорошей.

— Что она сказала?

— Надо полагать, то, что ей было позволено сказать. Что она жива-здоровая, что ее никто не обижает. Она еще спросила, когда я заберу ее. Потом она расплакалась.

— Люсиль — и плакала?

— Что в этом такого?

— Просто она не плакса.

— Ей сейчас тяжело. Она напугана.

— Ладно. Но ты, значит, уверен, что это была она?

— Да.

Модести коротко кивнула и вышла из кабинета. С тех пор они ни о чем не разговаривали.

Теперь Вилли хотел поговорить с ней. Причем не в столовой, а где-то без посторонних. В этом не было ничего удивительного. Ей тоже хотелось свободно пообщаться с ним, но, поскольку они уже успели убедить всех, что не испытывают сейчас друг к другу теплых чувств, нужно было не нарушить достоверности и сейчас.

Тамаз двинул вперед королевскую пешку. Внезапно Модести похлопала по плечу чья-то рука. Она оглянулась. Над ней стоял Вилли.

— Мне надо с тобой поговорить.

— О чем?

— На утро на вторник я зарезервировал дома для моих ребят. — Вилли имел в виду макет улицы для отработки приемов уличного боя. А ты сегодня побывала у Либманна и перенесла мои занятия на день.

— Правильно. Утро необходимо мне самой. Вечером у моих ребят опять учения, и нужно, чтобы они немного отдохнули.

— Слушай, у меня есть и свои проблемы.

— Ну так решай их.

— Не беспокойся, решу. Я пойду к Либманну и восстановлю все, как было. Если он не пойдет мне навстречу, я доложу Карцу.

— Господи, — фыркнула Модести, — ну зачем делать из мухи слона. Что мы, не можем договориться, что ли.

— Я не против. — В голосе Вилли было напряжение. — Когда?

— Завтра с утра. — Модести раздраженно показала на Тамаза, который окаменело смотрел на доску. — Не видишь, я играю?

— Когда именно завтра?

Она уставилась на доску, словно утратив интерес к своему собеседнику

— Завтра в десять я отправляю грузовик с муляжами, чтобы расставить их в домах. Можешь подъезжать, заодно мне поможешь.

— Еще чего! У меня полно дел в подразделении.

— У меня тоже. Но это не оркестр из одного человека. Завтра, например, я оставляю за себя распоряжаться Брунига. Это пойдет ему на пользу. Неужели у тебя все разбегутся, если ты ненадолго отлучишься?

— Насчет моих ребят не волнуйся. Они не разбегутся. Ладно. Завтра в десять у складов.

Он повернулся, кивнул Суррату и Близнецам и вышел. Над долиной нависли тучи. В воздухе была разлита влага. Вилли вел грузовик, в кузове которого прыгали и перекатывались манекены, неоднократно прошитые пулями и затем кое-как залатанные.

Рядом с Вилли сидела Модести. Она нарушила молчание, только когда грузовик вскарабкался по склону и выехал на ровную местность неподалеку от озера.

— Это правда была Люсиль, Вилли-солнышко?

— Да, — сказал он, облегченно вздыхая. — Все произошло точно так, как я тебе сказал.

— Итак, она жива, но где находится, неизвестно?

— Думал об этом. Где-то не очень далеко отсюда. Но в другой стране. Может, в Ташкенте, может в Кашгаре.

— В общем, нам до нее не добраться.

— Судя по всему, нет.

Модести зажгла две сигареты, протянула одну Вилли. Грузовик катил по ровному берегу озера.

— Что ты думаешь делать, Вилли? — спросила Модести. Она не сомневалась, что он уже продумал все в деталях. Она сама занималась тем же самым и пришла к весьма мрачному итогу.

— Пора решать, на кого мы работаем, — отозвался Вилли. — Есть мы, есть Люсиль, есть Таррант. Если мы хотим сохранить Люсиль, нам придется участвовать в операции «Единорог».

— Да. Лететь в Кувейт и воевать там бок о бок с этими подонками. До победного конца.

— Но если махнуть рукой на Люсиль, то можно выбраться отсюда.

— Ты можешь управлять «Хавиландом», Вилли? Он пожал плечами.

— В жизни не летал на «Хавиланде», но зато водил «Бич-восемнадцать», а разница в общем-то невелика. Мне нужно минут десять, чтобы разобраться с приборами. Когда мы вылетали из Кабула, я понаблюдал за пилотом. Кое-какие представления получил, но с того места, где я сидел, видно было не все.

— Но как выбраться из этого горного лабиринта? Тут очень высокие пики, а ты вряд ли сможешь перелететь через них напрямую.

— Да, тут придется попотеть. Но коль скоро лететь будем днем, то я разберусь.

— Значит, если нам удастся захватить самолет, мы с тобой улетаем, а потом подаем сигнал Тарранту. Операция «Единорог», понятно, летит в тартарары, но Люсиль тоже погибает. Так?

— Так.

— Что же ты предлагаешь, Вилли? Он долго молчал, а когда заговорил, в его голосе чувствовалась усталость.

— Я хочу сказать тебе, Принцесса, кое-что такое, о чем никогда не говорил. Насчет Люсиль. Я к ней очень хорошо отношусь, ты сама знаешь. Но мы никак не можем поладить. Я старался изо всех сил, но у меня плохо получалось.

— У меня тоже. Это что-то меняет?

— Нет. — На мгновение Вилли повернулся к Модести. — Просто я хотел поделиться с тобой... Но это ничего не меняет. Я не переносу, когда дети страдают. Среди них попадают сущие чертенята, но это все равно дети...

— Значит, ты хочешь исходить из интересов Люсиль? Хочешь, чтобы мы отправились в Кувейт? — Модести говорила, чуть повернув голову в сторону Вилли. Это был один из тех редких случаев, когда она не понимала, что у него на уме.

— Нет, — сказал он и сторбился над баранкой, глядя на дорогу пустым взглядом. — В Кувейте тоже есть дети. Очень много детей. А ты знаешь, Принцесса, приказ Карца на первые двадцать четыре часа. Всех дипломатов и иностранцев изолировать, «ради их собственной безопасности», а потом взять ситуацию под контроль с помощью террора. — Он помотал головой. — Ты представь только, что могут натворить Бретт, Близнецы, Суррат. Подумай о том, что выкинут твои и мои парни, выполняя такой приказ Карца. Это же будет настоящая бойня. Солдаты не станут разбирать, кто тут дети, кто взрослые.

Вилли развернул грузовик и остановил его возле стометрового отрезка, представлявшего собой макет городской улицы. Он выключил мотор и посмотрел на Модести. Лицо Вилли было очень спокойным. Какие бы битвы он ни вел сам с собой на протяжении этих недель, сейчас они были позади, и исход поединка был для него очевиден.

— Люсиль или все остальные? — пробормотала Модести.

— Вот именно, Принцесса. Все сводится к этому. Тут дело не в нас, не в Тарранте, не в Кувейте. Один или великое множество. Причем детей. Вот и все.

— Ты рассуждал бы точно так же, если бы Люсиль была твоей дочерью?.. Или на ее месте оказалась бы я?

— Нет, — просто ответил Вилли. — По-другому. Только я был бы неправ. Модести кивнула.

— Похоже, мы с тобой пришли к одинаковым выводам.

— Как всегда. — Он потер глаза указательным пальцем и спросил: — Когда попробуем захватить птичку?

— Мы не будем этого делать, Вилли-солнышко, — сказала она, выкидывая сигарету в окно. — Есть лишь один способ играть так, чтобы у всех участников появился шанс — у Люсиль, у кувейтских малышей, у Тарранта. И у нас с тобой.

Он резко обернулся к ней, и в его глазах вдруг загорелся огонек надежды. Потом он расслабился и откинулся на спинку сиденья, а лицо его расплылось в улыбке.

— Как же мы это сделаем? — спросил он, но Модести промолчала. Улыбка исчезла и уступила место недоуменной мине. Она смотрела жестко в упор, словно о чем-то предупреждая. Вилли редко наблюдал такое выражение на ее лице, но он знал, что оно означает. Модести приняла решение, и теперь ее воля сделалась твердой, как алмаз. Она ожидала сопротивления, но это ее не пугало.

— Тебе это может не понравиться, но лучше не спорь, — жестко сказала Модести. — Я приняла решение.

Вилли провел языком по пересохшим губам, в его глазах вспыхнула тревога. Он хрипло сказал:

— Объясни.

Она говорила ровно, без эмоций в течение трех минут. Вилли слушал и менялся в лице. На его скулах заходили желваки. То, что он услышал, заставило его побледнеть.

— Нет, — хрипло сказал он, когда Модести закончила. — Боже мой, Принцесса, не может быть... Это же черт знает что!

— Это наш единственный шанс.

— Но это же невозможно. Ты никогда не сможешь проделать все это.

— Какая часть плана тебя смущает? Близнецы?

Он удрученно покачал головой.

— Не знаю... Может быть... А потом?

— Я бывала и в худших переделках. Просто настала очередная черная полоса...

Он закрыл глаза, просидев так несколько секунд, и снова открыл их со словами:

— Но что потом, Принцесса? Ты же не умеешь управлять самолетом, да и пешком отсюда не выбраться.

— Почему ты так уверен? У меня крепкие ноги, и я примерно представляю, куда направить свои стопы. Те, кто строил этот дворец, пришли сюда пешком, по берегу реки. Но теперь этот путь закрыт, — завален скалами, и нужно понять, как обойти завал.

— Но тебе, возможно, придется сделать крюк миль в пятьдесят, причем по чертовым горам!

— Что такое пятьдесят миль? Пустяки. Главное, успеть предупредить Тарранта до начала операции.

Он в оцепенении качал головой.

— Нет, Принцесса... Это исключено.

— Все, Вилли. Дискуссия окончена.

Он попытался отвести взгляд от Модести, но у него ничего не вышло. Модести наконец увидела, что на его лице появляются признаки капитуляции, признания ее решения как свершившегося факта. Тогда она открыла дверцу и, выходя из кабины, обернулась к нему с легкой сдержанной улыбкой.

— Не волнуйся, Вилли-солнышко. По крайней мере, теперь уже мы твердо знаем, что к чему. А до этого у нас вообще не было ничего. Туман рассеялся.

Вилли скрестил руки на баранке, опустил на них голову, но затем, несколько минут спустя, поднял ее и посмотрел на Модести. На его губах играла кривая улыбка.

— Зря мы завязали, — проговорил он.

Глава 16

Два радиопередатчика находились в каркасном строении возле небольшой электростанции в северной части долины. Передатчики были с дистанционным управлением и управлялись из дворца.

В помещении постоянно дежурил человек, готовый в любой момент связаться по телефону с радистом во дворце.

Было два тридцать ночи, когда Модести бесшумно подошла к домику с передатчиками. Дежурный сменился полчаса назад. Кроме того, двое часовых патрулировали отрезок от подножия горы, где находился склад боеприпасов, до того конца взлетно-посадочной полосы, где стояла «Голубка». Но от них до Модести была почти что миля.

Метнулась тень. Появился Вилли Гарвин и взял Модести за руку. Они не переговаривались. В этом не было никакой необходимости. Все было заранее спланировано в те два часа, что они провели вдвоем у озера.

За поясом у Модести был кольт тридцать второго калибра, а в руке она сжимала конго. На мгновение она стиснула запястье Вилли, потом двинулась к двери. Осторожно взялась за рукоятку и тихо повернула. Потом стала потихоньку открывать дверь. Привычная в таких

случаях полоска света так и не показалась: в долине действовали правила светомаскировки, чтобы лагерь никто не смог обнаружить с воздуха, и над дверью нависал карниз, на котором был укреплен черный занавес.

Когда Модести прикрыла за собой дверь, в помещении скрипнул стул. Ее услышали. Она откинула занавес и махнула дежурному рукой, давая понять, что ничего неожиданного не случилось.

— Спокойно, это я.

Она знала дежурного в лицо, хотя и не по имени. Это был черноволосый грек с лоснящейся кожей и маленькими глазками-буравчиками.

— Что-нибудь произошло? — В его голосе зазвучали тревожные нотки.

— Я проверяла посты. Там дежурят мои ребята. Тебе известно, что у тебя дымится кабель? — Она показала рукой на передатчики за спиной грека, туда, где провода уходили в отверстие в полу.

— Дымится? — переспросил грек, и когда он повернул голову туда, куда показывала Модести, она быстро шагнула к нему и резко ударила его конго чуть ниже уха. Он сразу потерял сознание, и не успело его тело рухнуть на пол, как Модести уже подскочила к стене и тихо постучала по ней конго.

Вилли услышал сигнал и пять секунд спустя уже был в помещении, аккуратно задернув за собой штору. Модести склонилась над поверженным греком и быстро запихала ему в нос затычки, способные усыпить жертву на нужное время. Вилли же направился к передатчикам. Оба были однотипные «Телефункены» мощностью в один киловатт. Один работал, другой находился в резерве. На руках у Вилли были белые хлопчатобумажные перчатки.

Вилли начал колдовать над передатчиками, а Модести вынула из кармана листок и положила на стол рядом с Вилли. Текст гласил: «Корпус милосердия. Лондон. Доктору Леттсу. По поводу оперирования старшины С. Пипса. 528625. Ваш диагноз подтвержден. Пациент нуждается в предоперационном курсе антибиотиков. Просьба выслать партию. Доктор Рампол».

Вилли установил в передатчике частоту пятьсот килгерц. Именно на этой частоте передавались экстренные сообщения, и на всех морских судах постоянно следили за ней. Даже на малых судах только с одним радистом существовала система экстренного оповещения, если на этой частоте проходил сигнал бедствия, а радист был свободен от вахты.

Если сообщению предшествовали буквы SOS, это означало сигнал бедствия. Если XXX — то произошло нечто важное, но не столь трагичное. Вилли воспользовался именно этой аббревиатурой, поскольку она гораздо лучше подходила содержанию передаваемой им радиограммы. Ее примут на многих судах, и хотя кое-кто, возможно, сочтет это шуткой развеселившегося психа, то, что она адресована Корпусу милосердия, заставит хотя бы некоторых капитанов отнестись к ней с должным вниманием.

Если радиограмму примут на британском корабле, то затем передадут в Бомбей или на Маврикий, а оттуда уже она попадет в Лондон.

Вилли стучал ключом, передавая примерно пятнадцать слов в минуту. Он повторил сообщение и XXX три раза, потом привел передатчик в первоначальное положение.

Модести нагнулась над лежавшим без сознания греком, вытащила у него из носа затычки, положила их на бумажку с текстом, после чего поднесла к бумаге зажженную спичку. Когда и затычки, и листок превратились в пепел, она тщательно перетерла остатки и высыпала их в жестянку, служившую пепельницей.

Вилли закончил возиться с передатчиком. В ходе этой процедуры он действовал четко, экономно, и лицо его оставалось бесстрастным. Обычно в подобных обстоятельствах он проявлял жизнерадостность, почти что веселость. Это было дополнительным стимулом выполнить опасное задание, удачно пройти по проволоке под куполом.

Сейчас, однако, все было иначе.

Он повернулся на стуле к Модести.

— Ну, вот и все. Сто к одному, сообщение попадет к Тар-рангу, причем для всех остальных это будет чистейшая абракадабра. — Голос Вилли был таким же бесстрастным, как и его лицо. Он действовал, словно машина, запрограммированная на выполнение конкретных функций.

— Хорошо, — отозвалась Модести, глядя на грека на полу. Она не собиралась сообщать Вилли ничего утешительного. Слова могли только повредить ту самую преграду, которую он соорудил на пути всех эмоций.

Модести и сама воздвигла подобную стену в своем сознании. Это было неплохое средство защиты, способ обеспечить максимальную эффективность действий. Они часто пользовались этим приемом в своих операциях. Но Модести с грустью сознавала, что никогда прежде такая преграда не была столь нужна им, как сейчас и в ближайшем будущем.

Они провели пять безмолвных минут. Затем человек на полу стал шевелиться, стонать. Модести молча кивнула. Вилли поднялся и встал лицом к ней на расстоянии вытянутой руки. Она коротко посмотрела на него и позволила себе чуть заметно улыбнуться. Затем она выбросила вперед руку, впившись ногтями ему в щеку.

Грек Тало с трудом приходил в себя, выбираясь из пучин невесть как окутавшего его сна.

Вокруг стоял страшный шум. Мужские крики. Звуки отчаянной борьбы... Кто-то гулко врезался в стену.

Когда у него прояснилось в глазах, он увидел перевернутый стул. Дверь была распахнута настежь, занавес отдернут. Тало приподнял голову, стал вглядываться в происходящее.

Гарвин и Блейз... Они отчаянно дрались, как две дикие кошки. Она отскочила назад, рука ее метнулась к кобуре, где у нее была пушка. Но Гарвин тоже не дремал. Он ударил ее плечом в диафрагму, а другой рукой схватил за запястье. Она упала на пол, извиваясь вовсю, пытаясь все-таки вытащить свой ствол. Но Гарвин дернул рукой, потом последовало новое движение, и она, испустив стон, обмякла. Револьвер вылетел у нее из пальцев и заскользил по полу к Тало.

Грек встал на четвереньки, ошеломленно озираясь. Гарвин повернулся к нему и прохрипел:

— Она хотела включить передатчик и что-то там простучать.

По-прежнему удерживая в захвате руку Модести, свободной ладонью Гарвин сжал ей горло.

— Стерва. Проклятая стерва. Я сейчас убью тебя... Он внезапно осекся. Тало не понял, что именно произошло, но Модести резко изогнулась, ее свободная рука взметнулась вверх, и Вилли Гарвин вдруг отлетел в сторону, держась за горло. Он упал, подняв ноги, чтобы отбить атаку Модести, если таковая последует.

Тало нырнул за револьвером, и вскоре его пальцы сжали рукоятку.

Когда он, сидя на полу, нацелил его на Модести, та замерла. Руки ее были чуть приподняты.

— Стоять смирно, — хрипло приказал Тало. — Иначе стреляю.

Несколько мгновений в помещении стояла мертвая тишина. Тало встал, по-прежнему не отводя револьвера от Модести. Она же превратилась в изваяние. Вилли Гарвин тем временем тоже встал.

— Ты в порядке? — спросил его Тало, и тот, коротко кивнув, хрипло ответил:

— В порядке.

Модести тихо и быстро проговорила, обращаясь к Тало:

— Давай договоримся. Ты убьешь Гарвина, и мы скажем, что это он пытался воспользоваться передатчиком. Назови только цену.

Тало коротко рассмеялся.

— Ты рехнулась? — спросил он Модести. — Я уже договорился, Блейз. С Карцем. Он и так платит мне. Если я начну работать на тебя, то все кончится аренной и Близнецами.

— Близнецами, — слабо повторил Вилли, который зашел за спину Модести к телефону. Он взял аппарат в руки, с какой-то загадочной жалостью посмотрел на нее и пробормотал: — Тебе было бы лучше, если бы я свернул тебе шею. — Затем сказал в трубку: — Это Гарвин. Мне нужен Карц. Дело срочное.

В оперативном отделе было тепло и даже душно, но Либманн ощущал приятный озноб.

Карц, выбритый и полностью одетый, сидел за своим столом. Его монгольское лицо оставалось бесстрастным, однако от неподвижной массивной фигуры веяло могильным холодом.

Было три часа утра. Всего лишь двадцать минут назад Вилли Гарвин позвонил из барака с передатчиками. Теперь Модести Блейз стояла лицом к Карцу. Ее волосы были растрепаны и распущены по плечам, руки связаны за спиной куском провода.

— Вы пытались послать сообщение? — ровным голосом спросил Карц. — Кому?

Она передернула плечами.

— Это имеет какое-то значение?

— Отвечайте на вопрос.

— Моему давнему контакту в Бомбее. Радиолобителю. Он всегда выходит в эфир в эти часы.

— Содержание послания?

— Все это, — она обвела комнату рукой. — Общие сведения об операции. Я сжала все до ста пятидесяти слов.

— На бумаге?

— В голове.

Модести говорила с равнодушием человека, который прекрасно понимает, что ни правда, ни ложь теперь уже не имеют для него никакого значения.

— Ваш контакт должен был передать это британскому правительству? — продолжал допрос Карц по-прежнему ровным тоном.

— И американскому тоже. Я хотела это оговорить особо.

— Смысл этого предательства?

— Деньги. Спасение Кувейта значило бы многое для каждой из этих держав. Мне заплатили бы в десять раз больше, чем собирались заплатить вы.

— Может быть. Но что случилось бы после передачи сообщения?

— Я собиралась уйти пешком, в западном направлении, мимо озера.

— Это невозможно, — сказал Карц, и его глаза чуть прищурились. — Отсюда нельзя уйти пешком.

Модести пожала плечами.

— Я решила, что шансы на успех — пятьдесят на пятьдесят.

— Возле домика с передатчиками найден рюкзак с продуктами питания, — вставил Либманн. — Хватило бы на две недели.

Модести презрительно посмотрела на него и сказала:

— На две? Черта с два. Я бы растянула это на пять. Я питалась бы травой, кореньями, тем, что плавает в реках и ползает по земле. Мне приходилось уже так выживать.

Карц медленно кивнул.

— Я читал об этом в вашем досье. Вы удачно выживали раньше. Но теперь вам не представится такой возможности.

Она посмотрела на него и увидела в его глазах вспышку ненависти. Он ненавидел ее за то, что теперь она была потеряна для его столь тщательно создаваемой армии. Как и прочих своих офицеров, Карц ценил ее выше, чем целое подразделение. Теперь же ему придется назначать командира из рядовых. А это, как известно, создает потенциально слабое звено.

— Она неплохо подготовила Брунига, — подал голос Либманн, словно читая мысли хозяина. — Он теперь сильно вырос. И есть еще Логан.

— Об этом потом, — отрезал Карц, обретая былую невозмутимость и по-прежнему глядя в упор на Модести. — Вам не кажется, что ваши действия могли бы привести к гибели девочки?

— Вы про Люсиль? — фыркнула Модести. — Это девочка принадлежит Гарвину, а не мне. Я пошла ему навстречу во имя прошлой дружбы, но он теперь у нас сам себе голова. И я ему ничем не обязана. И девочке тоже.

Кару, долго смотрел на нее, потом сказал:

— Уведите ее, Либманн. И приведите Тало и Гарвина. Тало был краток. Женщина появилась в бараке, отвлекла его внимание сообщением, что кабель дымит, потом ударила его чем-то по голове, и он потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что Гарвин и Блейз устроили рукопашную.

Дважды во время рассказа Тало Гарвин пытался вмешаться, но Карц одним словом осаждал его.

— Вы подтверждаете это? — спросил его Карц, когда Тало закончил.

— Да, и я...

— Почему вы тоже оказались там?

— Господи, какая разница! — Лицо Гарвина блестело от пота. Теперь он тараторил вовсю, и его нельзя было остановить. — Что будет с девочкой? Вот что меня волнует. Эта чертова баба плевать хотела на Люсиль, это ясно как дважды два. Я предупреждал Дельгадо несколько дней назад. Я ему говорил. С ней было все в порядке, пока она не выкинула фортель в казино в Бейруте. Ну, а потом еще этот провал с Ватто. Она прямо как с цепи сорвалась. Вы сами видели, как она со мной обращалась.

— Хватит, успокойтесь! — Карцу пришлось даже повысить голос, чтобы заставить Гарвина умолкнуть. Вилли глубоко вздохнул и провел рукой по вспотевшему лбу.

— У вас возникли подозрения, что она может оказаться непригодной? — спросил Карц уже своим обычным голосом.

— Ну да. Я подумал, что если уж она что-то вобьет себе в голову, то на девочку ей будет наплевать.

— И вы сегодня решили за ней проследить?

— Это все получилось по чистой случайности. Дежурил Та-маз, и мы сидели с ним до двух ночи, играли в шахматы. Когда я возвращался к себе, то вдруг увидел, что навстречу мне идет Блейз. Она меня не заметила. Ну, я пропустил ее, а сам пошел следом.

— Продолжайте.

— Короче, она направилась к этим самым передатчикам. Она вошла, и я стоял полминуты, пытался понять, что она там затеяла. Потом вошел. Тало уже валялся на полу, а она усаживалась перед передатчиком.

— Она не отправила сообщения?

— Нет. Не успела. Я сразу бросился на нее. Через полминуты после того, как она там появилась, мы уже сцепились... Так что она просто не имела такой возможности. В общем, я ее остановил, Карц. Учтите это. Иначе вся ваша знаменитая операция пошла бы коту под хвост. Ну, так что насчет Люсиль?

Вилли подался вперед, всем своим видом изображая тревогу и надежду, хотя прекрасно знал, каков будет ответ.

Либманн, стоявший у стены с любопытством следил за Карцем. С формальной точки зрения Карцу следовало бы, конечно, отдать приказ о ликвидации девочки. Но ситуация осложнилась. Партнерство Блейз и Гарвина распалось. Гарвин явно спас операцию от провала. Опять же Карц потерял в лице Модести одного, и очень сильного, командира. Он вряд ли позволит себе такую роскошь, как потеря второго.

— Девочка останется целой и невредимой, — объявил Карц после затянувшейся паузы. — При условии, что вы, Гарвин, сами не окажетесь непригодным.

— Я, кажется, уже доказал, кто я такой, — буркнул Вилли и мрачно осведомился: — А что будет с этой дрянью?

— Она станет главной героиней нашего обычного спектакля, — сказал Карц и, поглядев на Либманна, спросил: — Какое время удобно для всех подразделений завтра?

— Четырнадцать ноль ноль. В худшем случае это приведет к отсрочке дневных учений на полчаса. Карц встал и подошел к двери.

— Предупредите Близнецов, что в их услугах возникнет необходимость, — сказал он напоследок.

Биг-Бен пробил десять. Это летнее лондонское утро оказалось дождливым.

Таррант сидел, смотрел на министра за большим столом и пытался понять, сколько раз тому нужно перечитать короткое сообщение, чтобы вникнуть в его смысл.

Министром теперь стал Рождер Селби в результате очередной перетасовки в правительстве. Это был человек сорока восьми лет, с мягкими манерами и холодным практичным умом. В парламенте он получил известность как остроумный и убедительный полемист. В своей работе Селби проявлял методичность. Он умел быстро ухватить суть проблемы и принять быстрое и твердое решение, не обращая внимания на второстепенные моменты. Таррант в принципе одобрял это его качество, хотя порой оно и приносило отрицательные результаты.

Порой эти самые детали оказывались слишком многочисленными и сложными, и увидеть сквозь них суть мог лишь человек с воображением и интуицией. Таррант сомневался, что его новый шеф в достаточной мере наделен подобными качествами.

Селби положил на стол листок с сообщением.

— Его получили корабли в Индийском океане и Персидском заливе этой ночью, так?

— Да, господин министр, — отозвался Таррант. — Мне его положили на стол ровно в восемь утра, и я переслал его вам, чтобы вы ознакомились с ним как можно скорее.

— Ваше мнение?

— Во-первых, разрешите узнать, ознакомились ли вы с отчетом, который я приложил к сообщению. Там я излагаю всю подоплеку.

Селби взял со стола еще один лист бумаги и пробежал его глазами.

— Да, вы и ранее подозревали, что армия освобождения Кувейта — нечто большее, чем продукт воспаленного воображения эс-Сабаха Солона. Профессиональные наемники, солдаты удачи стали вдруг исчезать неведомо куда. Вы отправили двух ваших агентов...

— Прошу прощения, — перебил министра Таррант, — но Модести Блейз и Вилли Гарвин вовсе не являются агентами. Ни моими, ни чьими-то еще.

Министр бросил на него недовольный взгляд и сказал:

— Не будем придирааться к деталям, Таррант. Я как-то раз встречался с Модести Блейз — чисто светский контакт, и еще я читал досье по делу Габриэля.

— Просто я счел необходимым прояснить ситуацию, господин министр. Мы не наняли их за деньги...

— Боюсь, что у нас в любом случае не хватило бы денег, — сухо возразил Селби. — Так или иначе, они прикинулись желающими завербоваться, и в какой-то момент их и след простыл...

— Да. — Таррант умышленно не включил в ответ ни слова о Фрейзере и его танжерском приключении. Поначалу его сбил с толку звонок Фрейзера, который был безутешен: он сообщил, что потерял сознание на вилле, а когда пришел в себя, то Модести Блейз и Вилли Гарвин как сквозь землю провалились. Но затем Фрейзер связался со школой, где училась Люсиль, а Рене Вобуа по своим каналам проверил, действительно ли Модести

Блейз повезла Люсиль во Францию для медицинского обследования. Оказалось, что эта версия фальшива.

С тех пор Таррант находился в состоянии неуверенности и тревоги. И вот как гром с ясного неба обрушилась эта телеграмма для Корпуса милосердия.

— Вот уже три недели от них никаких известий, — говорил между тем министр. — Вы полагаете, что они вышли на тех, кто мог их завербовать, отправились в место сосредоточения наемников, установили, что ваши догадки справедливы, и послали это сообщение. Я верно излагаю факты?

— Полагаю, что да.

— В таком случае, пожалуйста, переведите на английский язык этот текст. — Селби прочитал: «Корпус милосердия. Лондон. Доктору Леттсу. По поводу оперирования старшины С. Пипса. 528625. Ваш диагноз подтвержден. Пациент нуждается в предоперационном курсе антибиотиков. Просьба выслать партию. Доктор Рампол».

— Операция — стремительное вторжение оппозиции в Кувейт, — пояснил Таррант. — Блейз подтверждает мой диагноз, то бишь догадку, на этот счет. Курс антибиотиков означает необходимость выслать весьма значительные воинские соединения, которые заняли бы оборонительные позиции до того, как начнется операция, точную дату которой она также

сообщает.

— Вы уверены в этом?

— Да, с помощью кода. Номер воображаемого старшины Пипса.

Селби оторвал взгляд от листка.

— Если не считать того, сто старшина Пипс может быть знаменитым автором дневников Сэмюэлом Пипсом, который служил в морском ведомстве, я не вижу никакого смысла в послании. Прошу прощения за свою непонятливость. — В голосе министра, впрочем, не было никакого сожаления.

— Нам самим пришлось немного поломать над этим голову, — вежливо отозвался Таррант. — «Пипс» указывает на идею дневника. Равно как и «Леттс». Это два наших самых известных автора в этом жанре. Поэтому мы сделали вывод, что Модести Блейз исходит из карманного дневника Леттса, и мы его внимательно изучили. В нем приводятся данные о восходе и заходе солнца в каждую субботу календарного года. Надо разделить приведенное ей число на две части. Солнце всходит в пять двадцать восемь и заходит в шесть двадцать пять одиннадцатого сентября, то есть через пять с небольшим недель.

Министр нахмурился и отложил листок.

— А если бы операция начиналась в какой-то другой день недели? — поинтересовался он. — Что тогда?

— Тогда они придумали бы иной способ оповещения. Уверяю вас, Модести Блейз и Вилли Гарвин отличаются большой изобретательностью.

— И вы, стало быть, относитесь к этому посланию на полном серьезе?

— Текст практически открытый, а подпись не оставляет никаких сомнений, что сообщение исходит от Модести Блейз.

— Это не совсем ответ на мой вопрос.

— Напротив, господин министр. — Таррант позволил себе добавить в интонации легкую долю раздражения.

— Ясно. — Министр, однако, проявлял упорство. — Итак, сообщение исходит от Модести Блейз, и вы, стало быть, относитесь к нему на полном серьезе. — Он выдержал долгую паузу, затем добавил: — Наверно, вы правы.

У Тарранта внутри все оборвалось. Интонации, с которыми была произнесена эта фраза, означали, что министр думает как раз обратное. Сейчас начнутся сложные маневры, смысл которых будет состоять в том, чтобы у Селби возникла возможность вежливо дать понять Тарранту, что последний напрасно тратит время министра.

— Я сомневаюсь в другом, — продолжал Селби. — В способности Модести Блейз точно оценить военные аспекты проблемы. Я полагаю, что получится нечто вроде Залива Свиней. Неуклюжая попытка, из которой мало что выйдет. Я конечно же доложу об этом премьер-министру и порекомендую привести наши силы в Адене и Бахрейне в состояние готовности выступить в

течение сорока восьми часов. Если возникнут какие-то проблемы, то кувейтское правительство всегда может призвать нас на помощь, как они сделали несколько лет назад, когда Ирак стал разворачивать свои войска вдоль их границы.

— У меня есть основания полагать, — тщательно подбирая слова сказал Таррант, — что на сей раз эта операция будет как раз очень неплохо спланирована и организована. Не исключено, что у кувейтского правительства просто не окажется времени, чтобы обратиться к нам за помощью, и в военном плане все будет решено в течение нескольких часов. Модести Блейз явно придерживается этой точки зрения, а она, смею вас уверить, отнюдь не паникер.

Селби немного поразмыслил, потом покачал головой:

— Это потребовало бы очень серьезной материально-технической базы.

— Я обсуждал эту гипотетическую ситуацию с генералом Сперри, — сказал Таррант. — Как военный эксперт он находится в одной весовой категории с Лидделом Хартом и Фуллером. Он согласился со мной, что, учитывая современные средства транспортировки и вооружения, хорошо подготовленная штурмовая группа — примерной численностью в батальон — способна осуществить такую операцию в течение двенадцати часов.

— Генерал Сперри, возможно, прав, — отозвался Селби. — Но смысл проблемы таков, Таррант. Вы строите здание на весьма зыбком фундаменте, если выразиться достаточно мягко. Ваши подозрения подтверждаются лишь крайне двусмысленным сообщением от женщины, которая не находится у нас на службе и чье прошлое, кстати сказать, не внушает особого к ней доверия.

— У меня такое впечатление, господин министр, что вы слишком упрощаете дело.

— Нет, просто я вношу ясность, Таррант. — Селби дружелюбно улыбнулся и продолжил: — Я не могу направить в Кувейт войска, пока не получу просьбу тамошнего правительства о подобной помощи. Я также не могу ввергнуть наши весьма скудные в этом регионе силы в хаос, который обязательно возникнет, если будет отдан приказ о срочной подготовке к боевым действиям. Если ваша теория справедлива, это потребовало бы значительных усилий. Вы ведь прекрасно представляете, как растянуты наши наземные, воздушные и морские соединения.

— Да, — кивнул Таррант. — Представляю. А потому я уверен, что необходимо срочно предупредить кувейтское правительство, которое, впрочем, способно на немногое. Но кроме того, необходимо поставить в известность Соединенные Штаты, которые, напротив, способны очень на многое.

— Они поднимут нас на смех.

— Сомневаюсь. У них гораздо больше ресурсов, чем у нас, и они в состоянии позволить себе потратить время, деньги и кадры на проверку маловероятных, но крайне нежелательных возможностей такой агрессии. Я прошу вашего разрешения сообщить об этом ЦРУ. И я не имею ничего против того, что они поднимут меня на смех.

— Лично я тоже ничего против этого не имею, — холодно отозвался Селби. — Зато мне решительно не хотелось бы выставлять в комическое свете правительство ее величества.

Таррант поднялся с кресла. Дискуссия явно заканчивалась. Роджер Селби был неглупым, расчетливым, проницательным политиком. Он явно взвесил в уме все возможные «за» и «против» и принял решение. В теории Селби ставил на первое место свою страну, на второе

свою партию, а на третье — себя. Но он был также твердо убежден, что первые две только выиграют, если третий компонент, то есть он сам, будет успешно продвигаться вверх по служебной лестнице. Потому-то он и предпочитал действовать с наименьшим риском.

Таррант пытался понять, где сейчас находятся Модеста Блейз и Вилли Гарвин, чем они в настоящий момент занимаются, каким образом им удалось передать это сообщение и, наконец, где находилась Люсиль. Независимо от того, какие ответы он мог бы получить на эти вопросы, возникала опасность, что все их жертвы оказались напрасны. Внезапно он почувствовал себя дряхлым немощным стариком.

— И все-таки, если предположить невероятное? — спросил он министра.

Селби снова одарил его обаятельнейшей из улыбок.

— В таком случае моя голова полетит в корзину, Таррант, — сказал он. — Впрочем, она также полетит в корзину, если я предприму рекомендуемые вами действия, но невероятное все же не произойдет. Лично я уверен, что будет достаточно объявить сорокавосьмичасовую боевую готовность, начиная с восьмого сентября. Но, разумеется, если вы получите какие-то новые сообщения, то без колебаний ставьте меня в известность.

— Смеем вас уверить, никаких новых сообщений не будет, — сухо возразил Таррант. — Модести Блейз и помыслить не может, что нас нужно предупреждать два раза.

Селби пропустил мимо ушей эту почти что грубую реплику, заставив себя опять улыбнуться.

— В таком случае эта ваша Блейз и ее приятель Гарвин, быть может, попробуют своими силами расстроить планы неприятеля, — весело сказал он. — Вы же говорите, они отличаются большой изобретательностью.

Таррант почувствовал, как у него в горле возник ком.

— Мы требуем от них слишком многого, — сказал он, повернулся и вышел из кабинета.

Десять минут спустя Таррант уже был в своем кабинете и, глядя в окно на Уайтхолл, докладывал о разговоре с министром Фрейзеру.

Фрейзер выслушал до конца, поправил на носу очки и смачно выругался.

— Значит, будем протирать наши чертовы штаны и потом смотреть, как они слопают Кувейт, — заключил он. — А что, если обратиться к премьер-министру прямо через голову Селби? Получится толк?

— Нет, — покачал головой Таррант. — Премьер будет вынужден встать на сторону Селби. И кроме того, все это выглядит крайне сомнительным, Джек.

— Только не для нас!

— Я согласен. Но почему вы все-таки так считаете?

Фрейзер удивленно посмотрел на него.

— А как же сообщение от Блейз?

— Да. Сообщение от Модести. Мы знаем, что собой представляет Модести, мы знаем, чего стоит послать такую телеграмму, и у нас нет никаких сомнений, что заваривается каша. Но как убедить политиков? Для них Модести весьма загадочная молодая особа с туманным, но отчетливо криминальным прошлым, которая выполняет по моей просьбе кое-какие поручения. — Таррант покачал головой. — Нет, им никак не втолковать, кто она такая на самом деле.

— Они знают, как она проявила себя в деле Габриэля.

— Это лишь слова на бумаге... — Таррант пожал плечами. — Это что-то ненастоящее, как текст представления к кресту Виктории: «...невзирая на ураганный огонь противника, капитан Бланк собственноручно уничтожил два неприятельских пулемета...» Это фантастика, если вы представляете себе, как бывает на войне. И ничего особенного, если вы смотрите телевизор, где и не такие чудеса случаются, и помногу раз в одном фильме.

— Ладно, сообщение сообщением, — сказал Фрейзер, задумчиво потирая подбородок, — но все-таки кое-что случилось и до этого.

— Если не считать того, что я рассказал Селби, Модести Блейз и Вилли Гарвин угостили вас соком с таблетками и исчезли. А кроме того, исчезла девочка, которая находится под опекой Вилли.

— Господи, лучше не говорите мне про этот сок, — угрюмо отозвался Фрейзер. — Когда я вспоминаю, как сидел и хвастался перед ней своей сообразительностью, меня начинает тошнить.

— Выкиньте это из головы, — резко перебил его Таррант. — Откуда вам было знать, что им устроили шантаж с девочкой? Модести сама была застигнута врасплох. Кроме того, вам удалось выйти на их очень запутанный след в последующие две недели...

Фрейзер подошел к карте на столике в углу кабинета. Он постучал пальцем по территории Ирана.

— В Тегеране как сквозь землю провалилась, — сказал он мрачно. — Похоже, оттуда их переправили через границу, скорее всего, в Туркмению.

Таррант подошел к нему и, посмотрев на карту, сказал:

— Вовсе не обязательно, что их упрятали за «железный занавес»...

Фрейзер с интересом уставился на шефа.

— Почему вы так решили? — спросил он.

— Честно говоря, я и сам не знаю. — Таррант нахмурился, выражая тем самым недовольство собой. — Впрочем, это мало что меняет. Где бы они сейчас ни были — за занавесом или нет, надо исходить из возможности, что им как-то удастся выскользнуть... Или подготовить такую возможность...

— Но как?

Таррант погрузился в долгое молчание. Он провел рукой по южной границе Советского Союза. Турция, Иран, Афганистан...

- Сами по себе мы не в состоянии ничего предпринять, — печально проговорил он.
- Селби решительно против того, чтобы вовлечь в игру американцев? — спросил Фрейзер, чуть покривившись. — А у них ведь повсюду есть свои люди.
- Он говорит, что нас поднимут на смех.
- Эти могут.
- Да. — Таррант двинулся к своему столу, сел, достал из шкатулки сигару и сосредоточился на ней. На лице у него появилось упрямое выражение. Фрейзер затаился в ожидании, чувствуя, как его охватывает возбуждение. Он хорошо знал этот взгляд Тарранта. Старый негодяй, похоже, закусил удила!
- Все зависит от того, как дело будет представлено американцам, — наконец подал голос Таррант. — Или кто именно сделает это. Например, тот самый Далл, которого Модести уговорила помочь ей разыграть спектакль в бейрутском казино... Он ведь человек весьма влиятельный...
- В мире бизнеса, да... У него три-четыре империи, — произнес Фрейзер.
- В Соединенных Штатах деловые и правительственные круги связаны теснее, чем у нас, Джек. Дело в том, что он очень высоко ценит ее...
- Как женщину?
- Вне всякого сомнения. Кроме того, у меня есть основания полагать, что Далл считает Модести Блейз профессионалом самой высокой пробы.
- Вы хотите сказать, он поверит в то, что сообщение Модести предупреждает всерьез и о большой опасности?
- Не исключено. — Таррант взял трубку одного из телефонов на столе и сказал: — Прошу соединить меня лично с Джоном Даллом. «Далл Энтерпрайзез инкорпорейтед». Нью-Йорк... Мое имя может ничего ему не сказать, поэтому, если возникнут проблемы с его секретарями, поясните, что я звоню от имени Модести Блейз. Впрочем, скажите это в любом случае. Если его не будет на месте, оставьте просьбу перезвонить мне по крайне срочному делу. Вы меня поняли?
- Таррант выслушал ответ, сказал: «Точно», потом положил трубку, откинулся на спинку кресла и посмотрел на Фрейзера.
- Если позвонит Далл, прошу вас выйти из кабинета. Разговор будет носить конфиденциальный характер.
- Я хотел бы быть в курсе...
- Нет, Фрейзер, это приказ...
- Есть, сэр Джеральд... — Фрейзер словно съежился и подобострастно заморгал, вновь перевоплощаясь в своего излюбленного персонажа. — Может, пока мы обсудим другие дела? — робко предложил перевоплотившийся Фрейзер. — В Нью-Йорке сейчас раннее утро. Нашей телефонистке, скорее всего, придется ждать несколько часов, прежде чем удастся дозвониться

в офис Далла...

— У Далла дела по всему миру, — ответил Таррант. — Подозреваю, что у него на телефоне кто-то всегда дежурит. Но пока давайте посмотрим последние отчеты. Например, что там у нас докладывает Воген насчет этих чертовых установок?..

Телефон зазвонил через полтора часа. Таррант снял трубку.

— Да?

Он выслушал с удивлением и удовлетворением то, что ему сообщили, потом сказал:

— В час тридцать? Благодарю вас.

Он положил трубку, посмотрел на Фрейзера.

— Мы нашли его, Джек. Далл сейчас у нас, в Бирмингеме, прилетел по делам. Ему перезвонили туда из нью-йоркского офиса и передали мою просьбу. Сейчас как раз мне звонила одна из его секретарш из Бирмингема и сказала, что он уже едет в Лондон и хотел бы пригласить меня на ланч в своем лондонском офисе в час тридцать.

— А... Значит, вы были правы...

— В каком смысле?

— Насчет Далла. Он и впрямь очень высокого мнения о Модести Блейз... Да, этот человек не теряет времени даром. — Фрейзер чуть поколебался и добавил: — Но как бы вам не схлопотать за это.

— Ну, все зависит от того, как поведет себя Далл и как отреагируют американцы. — Таррант вдруг вспомнил недавний разговор с Селби, и в нем снова вспыхнула угасшая было ярость. — Единственное, чего я добился от Селби, это ирония. Он сказал со смешком, что, быть может, Блейз и Гарвин своими силами попробуют расстроить планы неприятеля, раз они столь изобретательны.

Фрейзер потемнел лицом.

— Интересно, чем занимается Модести Блейз, — медленно произнес он, — пока достопочтенный Роджер Селби просиживает штаны в своем министерском кресле и пошучивает на ее счет.

Глава 17

Несмотря на то, что на склонах горы у арены собралось около пятисот человек, там установилась какая-то сверхъестественная тишина.

Посреди арены стояла Модести Блейз. На ней была привычная командирская форма и ботинки. Слева от нее был обрыв в двадцать четыре фута, а справа полукругом расположились зрители.

Примерно в тридцати шагах от Модести, чуть поодаль от остальных, стоял Карц. Заведя руки за спину и набычившись, он не отрываясь смотрел на нее. Сбоку от него находились Близнецы, а

сзади остальные офицеры — Либманн, Хамид, Тамаз, Суррат, Бретт и Дельгадо.

И еще Вилли Гарвин.

Близнецы надевали свои черные чешуйчатые перчатки.

Вилли сложил руки на груди, его смуглое лицо превратилось в маску. Он смотрел на Модести.

Карц поднял голову и заговорил так, что его без труда услышали все собравшиеся.

— Эта женщина по фамилии Блейз занимала командирскую должность, но показала себя непригодной. Она совершила акт измены, поймана с поличным и теперь должна умереть.

Карц сделал паузу. Умолкло эхо от его голоса, и никаких других звуков слышно не было. В воздухе повисла напряженность. Наемники молча переводили взгляды с Карца на Модести. Она отрешенно стояла, опустив руки. Ее волосы были собраны в тугий пучок на затылке.

— Чем собираетесь сражаться, Блейз? — спросил Карц. В полной тишине голос прозвучал четко и ясно.

— Тем, что у меня сейчас имеется.

По рядам зрителей прокатился недоверчивый гул.

— Вы имеете право на любое оружие, кроме огнестрельного, — сказал Карц.

— Знаю. Но я буду сражаться тем, что у меня есть сейчас. — В ее голосе послышались презрительные нотки, и она посмотрела на Близнецов в упор.

Массивная монгольская голова Карца повернулась к Близнецам, и он молча кивнул.

Лок, прищурившись, посмотрел на Чу.

— Женщина совсем без оружия. Убью ее я. Чу оскалился и свирепо возразил:

— Ты мне будешь приказывать, сволочь? Думаешь, я вышел просто с тобой погулять...

— Начинайте. — Карц оборвал перепалку голосом, напоминавшим сход ледника.

Близнецы мигом умолкли, потом злобно посмотрели друг на друга и только после этого устремили свои взоры на Модести и двинулись на нее.

Либманн не сводил глаз с братьев. Впервые он заметил микроскопическое нарушение их обычной безукоризненной координации. Эти люди, скованные цепью, оказались застигнутыми врасплох безоружностью их жертвы. Они решили, что победа у них в кармане, и это создало между ними трения, обычно исчезающие в подобных ситуациях. Неплохой психологический ход, подумал Либманн, но не слишком ли дорогой будет цена? Это все равно не могло компенсировать отсутствие оружия.

Конго у нее забрали, и в волосах она не спрятала ничего. Либманн подумал, что, может, у нее где-то в потайном месте находится запасное конго, но в этой уловке не было никакого смысла. Она и так могла бы получить любое оружие, если бы только попросила.

Близнецы прибавили шаг. Казалось, каждый старается опередить другого и первым схватить

жертву. Когда до Модести оставалось шесть футов, она вдруг сделала внезапный и длинный шаг в сторону. На мгновение Близнецы столкнулись, пытаясь повернуться к ней лицом. Она резко сменила направление движения, потом вдруг упала на землю, на руки, выбросив вперед обе ноги. Чу быстро выставил вперед ногу, но она опередила его, и удар пришелся ему по правому колену. Модести же откатилась в сторону и плавно поднялась на ноги уже слишком далеко от братьев, чтобы они могли достать ее ударом руки или ноги.

Чу выругался, а Лок в ответ на его ругань сплюнул. Удар, правда, получился не очень сильным, но он сделал свое дело, умерив пыл одного из братьев.

Модести осторожно кружила, не приближаясь к противникам. Близнецы теперь стояли спиной к спине и выжидали. Она оказалась напротив Чу и ринулась на него.

Зрители возбужденно загалдели. Они не могли разглядеть деталей, ибо все происходило молниеносно. Модести ударила ребром ладони, потом сделала выпад рукой с растопыренными пальцами. Чу выставил заслоны, сам пытался атаковать. Модести не осмеливалась парировать выпады руки в стальной перчатке, а потому только уворачивалась.

Ближний бой длился секунды четыре, и из всех наблюдавших его, пожалуй, лишь Вилли Гарвин мог потом восстановить увиденное в деталях. Затем с ослабившихся в улыбке губ Чу слетел торжествующий крик, и Модести попятилась, слегка пригнувшись и мотая головой, чтобы в ней поскорее прояснилось. На щеке, где стальная перчатка соприкоснулась с ее кожей, вскоре появился пестрый след.

Лок развернулся, и теперь братья стали наступать на нее плечом к плечу, обретя прежнюю слаженность. Схватка стала перерастать в преследование. Дважды Модести оказывалась прижатой к краю обрыва и дважды с помощью акробатических приемов ей удалось уйти целой и невредимой.

Практически при каждом столкновении Модести пыталась атаковать нижнюю часть хищного и свирепого чудовища о двух головах, действуя в основном ногами. Вступить в рукопашную для нее было равносильно гибели. Как-никак, у нее было только две руки, а у них четыре.

Модести тяжело дышала, ее рубашка порвалась, но и Близнецам крепко досталось. Левый глаз Лока почти закрылся: под ним вспухла большая шишка.

— Эта мерзавка заставит нашу парочку попотеть как следует, — нервно произнес Бретт. — У них никогда не бывало такого затяжного боя. Да, она проворна. Не уступает братьям в скорости. Но правая у нее работает быстрее, чем левая, верно?

Вилли Гарвин не отозвался на обращенный к нему вопрос. Он по-прежнему стоял, сложив руки. Его рубашка была расстегнута до пояса, и пальцы его правой руки чуть касались рукоятки одного из ножей в ножнах, надетых на голое тело.

Украдкой он покосился на Карца, пытаясь рассчитать дистанцию для броска. Если все пойдет прахом, если Модести погибнет, Вилли знал, что он предпримет. Первый нож полетит в Карца, перережет ему яремную вену. Вторым броском он уложит Хамида, до которого было всего три шага. Хамид, как всегда, был со своей автоматической винтовкой. Разумеется, рядом были и другие, тоже не без оружия. Но, завладев винтовкой Хамида, Вилли не сомневался, что сумеет уничтожить всех офицеров Карца, прежде чем убьют его.

Тогда армия освобождения Кувейта окажется обезглавленной. Тот, кто держит Люсиль, не

выиграет ничего от ее гибели, даже в качестве урока. Она может умереть или уцелеет, но, так или иначе, ее шансы выжить будут выше, чем у него или Модести.

Теперь Вилли снова внимательно следил за поединком. Модести пятилась к внутренней части арены. У Вилли возникло неприятное ощущение в животе, когда он понял, что она порядком устала. Он подумал, не опоздала ли она со своим главным козырем.

Пока ее стратегия неплохо срабатывала. Ей удалось посеять семена разлада между Близнецами до начала поединка. Она проверила их и успела нанести им несколько ощутимых ударов. Она и сама, правда, понесла урон, но это было неизбежно. Схватка должна была продлиться какое-то время, чтобы установился определенный стереотип. Иначе ее главный ход не станет таким сюрпризом. Если поспешить, Близнецы перестроятся, и ей не удастся захватить их врасплох. Но если промешкать, она вообще может опоздать.

«Ну, давай! — вертелось в голове у Вилли. — Принцесса, пора!»

Ее поцарапанное лицо сохраняло бесстрастное выражение. Впрочем, то и дело в ее глазах вспыхивало нечто звериное. Вскоре этот звериный взгляд уже не сходил с ее лица. За долгие годы знакомства Вилли видел это выражение всего дважды. Модести Блейз была захвачена всепоглощающим желанием выжить. Все остальное сейчас потеряло всякий смысл.

Вилли испытал облегчение, когда увидел, как ее правая рука метнулась к левому плечу и рванула за специально ослабленный шов. В правой руке Модести остался левый рукав рубашки, и она швырнула его конец прямо в лицо Локу, когда Близнецы стали осторожно наступать.

Край оторванного рукава задел его лицо лишь слегка, но Лок инстинктивно отдернул голову. Зрители удивленно загудели. Это напоминало игру расшалившихся школьников, кидающихся на переменке тряпкой. Снова рукав метнулся вперед, и снова Модести отступила.

Чу коротко рассмеялся. Близнецы увеличили темп натиска. Снова Модести выбросила вперед рукав, только на этот раз манжетой вперед. Чу не сделал попытки увернуться. Манжета ударила его в висок, словно кнут, и тотчас же с его губ сорвался стон, и он зашатался.

Только Гарвин понимал, что случилось. В манжету была вшита полоса свинца длиной в семь дюймов, шириной в два с половиной, а толщиной в одну шестнадцатую дюйма. Но теперь это был квадратный дюйм металла, который Модести сплющила, пока держала рукав за манжету и швыряла в лицо Лока безобидный тряпичный конец.

Чу получил удар по виску куском свинца весом в добрые полфунта. Когда он зашатался и чуть не рухнул оземь, его брат также потерял равновесие.

Снова взметнулся рукав, и кусок свинца угодил в лицо Локу. Амфитеатр наполнился удивленными возгласами, причем в этих звуках ощущались нотки тревоги.

Еще дважды свинцовый комок попадал в цель, причем не со всего размаху — так было бы трудно ударить точно, но все равно четырехное и двуглавое существо после этого угощения остолбенело топталось, пошатываясь.

Наконец отчаянно взметнувшаяся рука в металлической перчатке поймала конец рукава и вцепилась в него мертвой хваткой. Модести отпустила рукав и ринулась в атаку между внутренних рук скрепленных железом братьев. Она приблизилась почти вплотную, едва не касаясь лицом кожного оплечья. Затем она выбросила в стороны руки, согнула кисти, и

бритые головы Близнецов со звонким стуком ударились одна о другую. Модести проворно отскочила назад. Близнецы шатались, колени их подгибались, они с трудом удерживались на ногах. Модести схватила Лока за запястье, потянула, отчего шатающиеся братья описали полукруг.

Теперь уже они оказались спиной к пропасти. Модести прыгнула, обхватив каждого рукой за горло, упираясь подошвами в поясницы.

На какое-то мгновение возникла неподвижная сцена, потом Близнецы рухнули разом, плечи Модести коснулись поверхности арены. Она оттолкнулась руками и ногами, напрягая до предела мускулы бедер.

Это был обратный бросок от живота. Близнецы, описав дугу, перелетели и через нее, и через край обрыва и грохнулись на камни с высоты двадцати футов.

На это аудитория отозвалась ревом, который вскоре превратился в глухой ропот. Арена была так устроена, что никто, кроме Карца и его помощников, не видел, что случилось с Близнецами.

Модести медленно поднялась на ноги, подошла к краю обрыва и посмотрела вниз. Цепь, соединявшая братьев, лопнула, и Близнецы оказались разъединенными. Лок, похоже, сломал себе позвоночник, но тем не менее, извиваясь, дюйм за дюймом он подползал к брату, который лежал на спине, неестественно подвернув под себя ногу. Глаза его были открыты.

Лок нашарил камень величиной с грейпфрут и занес его над братом.

— Ты сволочь, — прошипел Чу. — Ты...

Но тут камень врезался ему в череп. Лок пронзительно взвизгнул, выражая тем самым звериную радость, и его бритая голова поникла. Он тоже был мертв.

Модести повернулась и двинулась к центру арены, с трудом переставляя ноги. Ее спина сильно пострадала от этого финального броска через себя. Половина ее лица была в жутком состоянии, а голова раскалывалась от боли. Она чувствовала себя полностью истощенной этим долгим и страшным поединком. Она смотрела на Карца и его офицеров. Те превратились в изваяния.

Но теперь, после всего случившегося, наступал самый страшный и непредсказуемый момент...

Карц повернул голову и посмотрел на Хамида.

— Расстрелять, — сказал он, и впервые те, кто знал его, услышали в его голосе волнение.

Хамид стал снимать с плеча свою любимую винтовку М-16. Вилли Гарвин крепче взялся за рукоятку ножа. Он вперил взгляд в шею Карца, куда должен был полететь первый нож, и громко крикнул:

— Это успеется. Расстреляем. Перед тем как двинемся в бой. Зачем раньше времени резать телку, если можно использовать ее в нашем сарае?

Карц повернул голову и бросил на Вилли свой каменный взгляд. Вилли выдержал его, не опустив глаза.

— Не один ли хрен, Карц? — угрюмо произнес он. — Пуля — слишком большая честь для этой стервы. Лучше поставить ее в стойло, пусть парни позабавятся...

По амфитеатру прокатился одобрительный гул, и в этих возгласах смешалось много эмоций — возбуждение, сексуальное желание, подсознательная гордость за аутсайдера, который победил вопреки всем прогнозам, надежда, что кому-то из них удастся овладеть этой фантастической женщиной. Счастливчики обязательно поделятся своими впечатлениями, начнутся сравнения, дискуссии, в общем, жизнь получит новое измерение. Ну а у них с Модести возникнет столь необходимый тайм-аут.

И кроме того, в этом гуле чувствовался вызов начальству. Солдаты хотели, чтобы все вышло так, как предложил Гарвин.

Либманн безошибочно различил эти тревожные нотки. Он не сомневался, что и Карц не остался к ним глух. Кроме того, Карц оказался как никогда в трудном положении. Близнецы погибли. Блейз тоже вышла из игры. Войско могло потерять тот необходимый для победы настрой, на который ушло так много времени и сил. Карц не мог допустить взрыва недовольства на этой стадии подготовки. У него и так хватало проблем с оставшимися без вожжаков подразделениями.

Карц продолжал сохранять невозмутимость. Затем он медленно кивнул.

— Предложение Гарвина вполне приемлемо, — изрек он. Затем обернулся уже к Либманну и сказал: — Нужно принять дополнительные предосторожности. Эта женщина способна на все. Проследите, чтобы не возникло никаких осложнений. Иначе наши планы могут оказаться под ударом.

Рука Вилли Гарвина соскользнула с рукоятки ножа.

Представление продолжалось.

Глава 18

— Ничего! Когда я с ней закончу, она проснется, — сказал Вилли Гарвин.

Он сдавал карты с той ловкостью, которая достигается долгой практикой. На сегодня все учения закончились, и он сидел в одном из барачков подразделения и играл в карты со своими солдатами.

— Сомневаюсь, амиго, — отозвался Гамарра. Это был крупный боливиец с запавшими глазами и тонкогубым ртом. Половина левого уха отсутствовала: он потерял его в пьяной драке в одном из южноамериканских портовых баров. Он обернулся к блондину с недовольным лицом, который лежал на кровати неподалеку от стола в центре барака. — Верно я говорю, Вацек?

— Она как сонная, — отозвался поляк. — Будто это не женщина, а большой резиновый манекен. Надувная кукла.

После поединка на арене прошло три дня. На второй день, когда Либманн объявил, что Модести доступна для желающих, Гамарра выиграл ее по своему зеленому билету, вытянув жребий. Потом с ней провел ночь Вацек.

Белые билеты тут не годились. Притягательность и загадочность новой обительницы серала заметно повысила настроение маленькой армии, скрашивая тяготы будней фантастическими желаниями. Карц намеревался продлить такое положение дел как можно дольше.

Один из игравших, шотландец по национальности, толкнул шесть фишек к центру стола. В лагере не ходили наличные. Эти фишки являлись официальным средством расчетов, и их должны были обналичить после грядущего дня платежа.

— Это даже хорошо, что она как сонная, — сказал он. — А то, чего доброго, проснется и задаст тебе жару. Выцарапает глаза или что-нибудь еще отмочит. Ловко она разделалась с этими братами, верно?

— У нее руки связаны, — усмехнулся боливец. — Если она начнет валять дурака, можно устроить ей веселую жизнь. Тут обычные правила насчет нанесения повреждений не действуют.

Вилли Гарвин судорожно сглотнул желчь, которая подступила к горлу, и натянуто улыбнулся. В сотый раз он постарался выкинуть из головы картину того, как он душит сначала боливийца, а потом этого полячишку. Впрочем, его осаждали и другие картины, но две последние ночи он провел без сна в своем закутке, не в силах отделаться от мысли о том, что сейчас ее насилует Гамарра, а теперь и Вацек.

Он уже начал опасаться, что все преграды, которые он с таким трудом сумел воздвигнуть на пути эмоций, не выдержат и рухнут, и тогда уже он начнет уничтожать всех подряд.

— Я говорю: дай мне две, — повторил шотландец.

— Виноват, — отозвался Вилли и, вручив ему то, что он просил, положил две скинутые карты на дно колоды.

— Гарвин размечтался о сегодняшней ночке с этой Блейз, — фыркнул Вацек.

— У меня она проснется, — повторил Вилли. Ему делалось все труднее и труднее придумывать какие-то приличествующие ситуации фразы. — Это просто еще один ее трюк, — с ухмылкой добавил он после секундной паузы. — Она впадает в транс. На какое-то время она может устроить себе обморок. Но я ее трюки знаю...

— Ты не знал насчет свинца, — буркнул шотландец, недовольно уставившись на свои карты и бросив их на стол.

— Знать-то знал, — парировал Вилли. — Только я понятия не имел, что она ухитрится загодя вшить полосу свинца в рукав. Хитрая дрянь.

Началась игра, в результате чего банк из тридцати двух фишек переключал к не сказавшему ни одного лишнего слова австралийцу.

— Ну прямо как кукла, — бормотал Вацек, нрав которого не отличался кротостью. — Ты ее поднимаешь, она падает, ты ее переворачиваешь, она лежит как дохлая, без костей, даешь ей по зубам, она и бровью не поводит. — Он мрачно посмотрел на ободранные костяшки кулака и в третий раз начал рассказывать о своих впечатлениях о ночи с Модести, не опуская ни одной циничной подробности.

— Ты дилетант, Вацек, — сказал Вилли и, вставая из-за стола, пихнул колоду карт по

направлению к шотландцу. Он понял, что если сейчас же не покинет эту теплую компанию, то не выдержит, и тогда быть беде. — Играйте без меня. Я пойду к Дельгадо. Надо договориться о завтрашних учениях.

— Не опозорься на ночных учениях, амиго, — заржал Гамарра. — Даже если она и в спячке, у нее есть все необходимые бабьи причиндалы. Может, под формой их и не было видно, но это, я вам скажу, настоящая женщина. На такое тело очень стоит взглянуть. — Он начал подробное описание тела Модести, но Вилли уже вышел, задернул черный занавес и плотно закрыл дверь.

Солнце уже село, и над долиной спускались сумерки. Вилли стоял и тяжело вдыхал свежий воздух. Сердце у него колотилось так, словно он только что закончил бежать десятимильный кросс. К горлу подступала тошнота.

Он подождал, пока сердце не успокоится и тошнота не отступит, потом заставил себя сконцентрироваться только на том, что ему предстояло сейчас сделать. Да, он и правда собирался увидеться с Дельгадо, но до этого ему требовалось повернуть кое-что еще. По его расчетам, на это должно было уйти полчаса. Затем минут пятнадцать он проведет у Дельгадо. А потом час в офицерской столовой, потому как его отсутствие могло бы вызвать толки... К тому времени уже будет десять часов. То есть за полчаса до этого обладатели зеленых билетов уже потянутся в сераль.

У Вилли Гарвина была особая офицерская карточка, что позволило ему без проблем затребовать себе Модести Блейз на всю ночь. По правилам такая карточка действовала раз в шесть дней, точнее, в шесть ночей, и он испытывал страшное облегчение от того, что наконец наступила эта ночь. Еще одни сутки томительного бездействия, и он просто сломался бы.

При этой мысли он презрительно оскалил зубы. Боже праведный! Он сломался бы! Ну а что тогда можно сказать о ней?

Сераль состоял примерно из трех десятков комнат на трех этажах в отдельном крыле дворца, куда можно было попасть только через специальный вход с улицы.

Толстушка средних лет евроазиатского происхождения по имени Майя заведовала этим полевым публичным домом. Она посмотрела на Вилли и поставила какую-то галочку в затрепанном журнале.

— Вилли Гарвин? — спросила она, обнажая в улыбке желтые зубы.

— Так точно.

— Вы у нас раньше не бывали.

— Нет. Но сегодня особый случай. — Он изобразил на лице волчий оскал.

— Ну да. Вы к Блейз. Пожалуйста, я вас провожу. — Она встала из-за стола и пошла по короткому коридору. — Вы что-то припозднились. Все остальные уже пришли.

— Было много дел. Но тут торопиться незачем. Это ведь не с парашютом сигать, верно?

Майя захихикала, отчего ее полное тело заходило ходуном. Она свернула направо и остановилась перед обитой дверью в конце коридора. Когда она открыла ее, петли чуть

заскрипели. Они оказались в маленькой прихожей перед единственной дверью.

— Номер хороший, — говорила Майя, нашаривая в кармане ключ. — Она для вас подготовлена. Мы связали ее час назад. — Она предупреждающе посмотрела на Вилли. — Есть одно правило. Не развязывать ее ни в коем случае. — Она драматически понизила голос до шепота и сказала: — Ее сочли непригодной...

— Я читал приказ, мамаша, — нетерпеливо отозвался Вилли.

— Хорошо. Туалет и ванная по коридору налево. В шесть тридцать звонок. В семь все мужчины уходят. — Она отперла дверь, чуть приоткрыла ее и посторонилась, пропуская Вилли.

— Ладно, мамаша, — сказал он, — я большой мальчик. Думаю, что справлюсь один, без посторонней помощи.

Она опять захихикала и удалилась, прикрыв за собой дверь в коридор, которая опять легко заскрипела.

Вилли Гарвин судорожно вздохнул и вошел в комнату, захлопнув за собой дверь.

Это была довольно большая комната без окон. Старинные кирпичные стены были задрапированы яркой дешевой тканью. Вся обстановку составляли большой диван, старое кресло-качалка и деревянный столик. На столе в эмалированном тазике стоял кувшин с водой. На стене висело бра под розовым абажурчиком на кронштейне, напоминавшем лебединую шею.

Модести Блейз лежала на диване. Руки Модести были зафиксированы толстым ремнем, закрепленным чуть выше локтя и проходившим через спину. Хотя ее кисти были свободны, она, по сути дела оставалась совершенно беззащитна.

На ней было тонкое красное нейлоновое платье без рукавов, застегнутое на каждом плече на три пуговицы так, что его легко было снимать, несмотря на ремень. Кроме платья на ней ничего не было. Вид у нее был опрятный, похоже, ее недавно водили принимать душ. Волосы были распущены и перехвачены ярко-зеленой лентой.

Половина лица представляла собой желтый синяк — напоминание о металлической перчатке одного из Близнецов. Рот ее был чуть приоткрыт. Губы с одной стороны сильно распухли от недавнего удара, и у одного из передних зубов по диагонали откололся кусочек.

Вилли вспомнил ссадину на кулаке Вацека, но теперь это не вызвало у него никакой реакции. Он сумел выключить все эмоции. Он думал только о том, что сделает в ближайшие мгновения, потому как Модести качала головой и поджимала губы, предупреждая его быть предельно осторожным.

Вилли понял намек, кивнул головой и стал входить в роль бесчувственного человекобота.

— Ну что ж, — резко сказал он, — хватит спать, стерва.

Он швырнул на стол свою сумку с туалетными принадлежностями, потом подошел к Модести, помог ей сесть, не переставая извергать поток ругательств и непристойностей.

Она одобрительно кивнула, и глаза ее потеплели. Затем она встала коленями на диван и неуклюже показала головой вниз.

Вилли хлопнул себя по руке и злобно прошипел:

— Это тебе для начала, стерва. И не вздумай изображать спящую красавицу, а то я суну тебя головой в таз с водой, и тогда поглядим, как тебе будет спаться.

Он присел на корточки у дивана, чуть отодвинул его от стены и увидел на деревянном каркасе маленький металлический цилиндрик.

Жучок!

В другом конце дворца Дельгадо сидел в своей комнате у приемника, надев наушники. В его зелено-голубых глазах было любопытство. Из номера серала доносились отдаленные, но довольно четкие звуки.

Это он предложил устроить подобную проверку Гарвину. Его уже давно грыз червячок сомнения, еще с тех пор, как Вилли якобы воспрепятствовал Модести передать сообщение по радио. Дельгадо сделал так, что ее вывели из номера на час в день посещения Вилли, и за это время там был установлен жучок.

Теперь в наушниках он слышал ее тихий, но полный ненависти голос:

— Какая ты сволочь, Вилли! Ты самая настоящая крыса! Мерзкая крыса! Я вытащила тебя из канавы, я сделала тебя человеком... А ты готов перерезать мне глотку из-за этой паршивки Люсиль!..

— А ну-ка заткнись, — перебил ее Гарвин, задыхаясь от притворной ярости, и Дельгадо услышал звук удара.

Затем последовала короткая пауза, после которой Гарвин издал резкий задыхающийся звук-всхлип. Потом Дельгадо услышал ругательство, потом что-то упало, потом, судя по всему, началась борьба. А затем в наушниках воцарилась тишина.

Дельгадо положил наушники на стол, изумленно поднял брови. Похоже, Гарвину удалось вывести ее из сомнамбулического состояния. Более того, она явно устроила ему нелегкую жизнь, хотя могла сражаться только зубами да босыми ногами.

Но только ли зубами и ногами? А что если ей удалось сорвать с себя ремень и застать Гарвина врасплох?

Дельгадо встал из-за стола. Он решил сходить и проверить. На всякий случай.

Вилли с удовлетворением обзирал сцену учиненного им погрома — сдвинутый диван, сброшенные простыни. Жучка видно не было, но Вилли ударом каблука вывел его из строя.

Он повернулся к Модести, вопросительно на нее посмотрел.

— Другого нет, — тихо сказала она. — Я проверяла целый вечер. Дельгадо установил тот жучок днем. Это его работа.

— Ну тогда, похоже, он скоро сам пожалует к нам.

— Да. Подготовь меня, Вилли. Но сначала поставь отметину. Дай пощечину.

Его лоб покрылся испариной, взгляд устремился в пространство.

— Вилли! — В голосе Модести послышались властные нотки.

Он быстро посмотрел на нее и ударил ладонью по не пострадавшей в том поединке с Близнецами части лица. Ее голова дернулась от удара, затем Модести улыбнулась:

— Отлично, Вилли-солнышко. Теперь давай, действуй.

Он взялся за плечо ее платья и дернул. Материя затрещала, платье разорвалось до самой талии. Подхватив Модести на руки, он перенес ее через перевернутый диван и осторожно опустил на пол у стены. Он еще немного наклонил диван над ней, потом подошел к двери, прислушался. Минуту спустя дверь из коридора заскрипела. Вилли быстро направился к качалке и устроился на ручке, скрючившись и прижимая руку к паху.

Дверь открылась. На пороге стоял Дельгадо, за ним маячила Майя, лицо которой выражало тревогу и испуг.

Вилли поднял голову и, морщась как от боли, пробурчал:

— Ну, что вам надо? Зачем врываетесь?

— Майе показалось, что у вас тут возникла потасовка, — сказал Дельгадо, и, окинув комнату задумчивым взглядом, с улыбкой закончил: — И она явно не ошиблась. Где наша дорогая мисс Блейз?

— Вон там. — Вилли кивнул в сторону дивана и с болезненной grimасой встал. — Она стала валять дурака, и я врезал ей разок, но это ее не вразумило, и она сама ухитрилась заехать мне ногой. Тут я и слетел с катушек.

— Надо полагать, она если и промахнулась, то самую малость, — снова улыбнулся Дельгадо.

Вилли пропустил шпильку мимо ушей, подошел к дивану, поставил его на ножки и отодвинул от стены. На полу лежала Модести, руки у нее по-прежнему оставались связанными.

— Добрый вечер, — сказал Дельгадо.

Она не повернулась к нему, а продолжала смотреть на Вилли каким-то остекленевшим взглядом. Вилли подошел, грубо поднял ее с пола, бросил на диван и придвинул его обратно к стене.

Дельгадо смотрел на нее с интересом, лишенным какого бы то ни было сострадания. Она лежала обмякшая, волосы были спутаны, платье разорвано, на щеке алел след от пощечины.

— Видишь ли, Вилли, — мягко сказал Дельгадо, — боюсь, что если ты будешь действовать в таком темпе, она протянет недолго. Я понимаю, что это особый случай, что к ней не применяются правила поведения джентльменов в этом клубе, но, мне кажется, Кару, будет огорчен, если она слишком быстро выйдет в тираж.

— Не бойся, убивать я ее не стану, — буркнул Вилли. — Но если она будет вести себя, как дикая кошка, я ей опять врежу. Если ты, конечно, не возражаешь.

— Ни в коем разе, — сказал Дельгадо, пожимая плечами. — У каждого из нас свои методы.

— Вот именно. Поэтому всего хорошего, и не путайся под ногами. А то если ты еще раз вломишься сюда, то и тебе попадет, приятель. — По тому, как прозвучала последняя фраза, Дельгадо мог убедиться в серьезности намерений Вилли.

Дельгадо задумчиво улыбнулся и сказал:

— Сдается мне, Вилли, что мы еще выясним наши отношения. Но это потом. Сейчас это было бы неверно понято руководством. — Он снова посмотрел на Модеста. Она перевернулась на бок, закрыла глаза. Рот ее был приоткрыт. Она выбилась из сил. Дельгадо с сожалением покачал головой. — Ты выбрала не самый легкий путь, радость моя, — сказал он. — Но не буду мешать. Развлекайтесь.

Он повернулся, вышел из комнаты и прошел через прихожую. Майя последовала за ним. Снова заскрипели петли, и дверь в коридор закрылась. Вилли и Модеста остались одни.

Глава 19

Вилли Гарвин подошел к двери, что вела из прихожей в комнату, и аккуратно закрыл ее. Потом снял все с деревянного столика и поставил его так, что одна ножка блокировала рукоятку, не давая двери открыться.

Он вынул один из ножей из ножен под рубашкой. Модеста уже сидела на диване. Она чуть повернулась, чтобы ему было удобнее резать ремень. Затем он освободил ее от пут. Руки плохо слушались Вилли, и он затратил на эту простую операцию гораздо больше времени, чем требовалось.

Наконец дело было сделано, и Вилли спрятал нож обратно в ножны, а сам сел на диван рядом с Модестой, уронив руки на колени.

Она взялась за разорванные края платья и завязала его на плече. Вилли сидел, уставившись в пол, и молчал.

Модеста повела плечами туда-сюда и облегченно вздохнула. Самый скверный период остался позади. Теперь можно было позволить сознанию поработать над тем, что лежало впереди. Потому что там все уже выглядело куда приятнее.

Примерно так же думал и Вилли.

Она положила голову ему на плечо и сказала:

— Привет, Вилли-солнышко. Расскажи-ка мне серебряной прозой, о чем говорят сейчас на бульварах.

Он словно не услышал ее. Модеста внезапно поняла, что его плечо, на которое она положила голову, жестче стали. Она встревоженно выпрямилась, положила руку на его запястье. Рука Вилли словно окоченела. Даже его лицо показалось ей вырезанным из дерева, когда она коснулась его кончиками пальцев. Все его тело было напряжено до предела.

Она встала, положила руки на его стальные плечи и прошептала:

— Вилли.

Ответа не последовало. Его голубые глаза были устремлены на что-то, отстоявшее на миллионы миль.

Вилли не сопротивлялся, когда Модеста попыталась снять его упершиеся в колени руки, но ей пришлось приложить немало усилий. Затем она толкнула его, чтобы он лег, и переложила на диван его ноги.

Она заметила, что взгляд его словно ожил. Он делал над собой невероятные усилия, чтобы помочь Модести, чтобы стряхнуть с себя это чертово оцепенение, избавиться от ледяной руки, душившей его.

— Расслабься, Вилли-солнышко, — прошептала она. — Немного отдохни.

Она присела на корточки у дивана, взяла его большую ладонь и прижала ее к своей щеке. Другой рукой она провела по его часто-часто дышавшей груди, дотронулась до плеча. Он повернул голову, посмотрел сквозь Модести. Модести начала тихо водить его рукой по своей щеке.

За последние мгновения в ее сознании словно приоткрылось окошко, и она вдруг увидела с предельной ясностью, какую непомерную ношу взгромоздила на его плечи тогда, у озера, в грузовике, когда стала излагать свой план действий, запретив ему что-либо возражать.

Для нее переживания и физические муки последних двух ночей тоже стали тяжелым испытанием, но она умела быстро запрятать все воспоминания в некий бездонный колодец, где довольно скоро они растворялись бесследно, чтобы никогда больше не тревожить ее.

Да, это было жуткое время, но оно миновало, и воспоминания уже начинали изглаживаться из ее сознания. Вскоре они и вовсе перестанут напоминать о себе, позволив Модести относиться ко всему случившемуся совершенно отстраненно.

Но Вилли...

Она знала, что для него она была волшебным талисманом, центром вселенной. Но три дня он выполнял свою работу в лагере, нося маску непроницаемости, не давая вырваться наружу клокотавшей ярости, сначала при мысли о том, что может случиться с ней, затем от сознания того, что уже происходит с ней, а потом, наконец, от печальной необходимости выслушивать все ту грязь, что лилась из уст бывалых вояк, хваставших своими похождениями.

Случилось так, что и боливиец Гамарра, и поляк Вацек были оба из подразделения Вилли и имели возможность поделиться своими впечатлениями на радость похотливой аудитории. Правда, они имели дело с женщиной, оказавшейся в самопроизвольном обмороке, совершенно равнодушной ко всему происходившему с ней, но тем не менее они явно гордились тем, что первыми из всей полутысячной армии провели с ней ночь. Вилли Гарвин был вынужден все это выслушивать, и эти дни стали для него сплошным, непрекращающимся кошмаром. А ночи... Ночами он лежал в своем закутке, пытаясь изгнать из головы картины того, что вытворяли с ней эти сволочи, пока он валялся в кровати и ничем не мог ей помочь.

Модести подозревала, что эти ночи стали для него бессонными. Правда, он, как и она, приучился воздвигать преграды на пути всеразрушающего потока эмоций, но, хотя это и было одним из самых мощных видов психологического оружия в их арсенале, вряд ли ему удалось окончательно победить самого себя в эти жуткие семьдесят два часа.

Ей следовало предвидеть такое с самого начала.

Вилли Гарвин вел тяжелейший изнурительный бой в одиночку и выстоял, но, хотя он сделал все, как велела ему Модести, силы его были не беспредельны. Теперь начиналась реакция.

Просто чудо, что он сумел выдержать и не сорвался когда-нибудь раньше. Только теперь Модести осознала в полной мере, какому испытанию подвергла Вилли, и оставалось лишь восхищаться тем, как блестяще он его выдержал.

— Вилли, извини меня, пожалуйста, — прошептала она.

Он попытался покачать головой, но если ему это и удалось, то это было практически невозможно заметить.

Модести заколебалась. У нее имелся один ключ, которым можно было отпереть темницу, где сейчас томился Вилли. Это был маленький отрезок ленты дюйма в два длиной, хранившийся в рубце ее платья, но если им воспользоваться сейчас, то это будет означать, что она оказала ему медвежью услугу. Потому как для Вилли Гарвина мир уже никогда не будет таким, как прежде.

Вилли придется выбираться из заточения самостоятельно и не самым легким способом.

Модести пыталась понять, чем же она может ему сейчас помочь, не навредив. Она может сделать вид, что сердится. Да, это помогло бы проделать брешь. Вилли ни в коем случае не захотел бы стать причиной ее гнева. Или же, напротив, есть вариант попытаться высмеять его за проявленную слабость. Изобразить из себя железную женщину, которая удивлена его состоянием.

Нет.

Модести перестала предаваться раздумьям, решив дать волю интуиции. Она разжала пальцы на его руке, снова приложила ее к своей щеке.

— Вилли, не беспокойся, не тревожься... Просто послушай меня, ладно?

В его глазах появилось нечто похожее на понимание.

— Все уже позади, — тихо сказала она. — И меня там как бы даже не было... По крайней мере, большую часть времени... Правда-правда. Ты это знаешь... — Она поднесла его руку к своему виску и добавила: — Я совершенно не изменилась... Я та же, что и раньше.

Модести говорила внятно, делая паузы между словами, чтобы его оледеневшее сознание улавливало суть.

— Вилли, вспомни, мы с тобой раньше никогда не стонали, даже если жизнь и делалась трудноватой. Так что мы сами устроили себе такую встряску, когда купили эти билеты. Тебе досталось сильнее. Я только теперь это поняла. У меня жизнь была повеселее. — Она позволила себе легкую иронию. — Но все равно это не та жизнь, которая хуже смерти.

Она прижала его руку к своей щеке чуть сильнее.

— Послушай, Вилли. Я никогда не врала тебе. Меня действительно там не было... Я странствовала далеко-далеко... Это не идет ни в какое сравнение с тем, что случилось тогда, когда мне было двенадцать лет... Тогда я умирала от ужаса, пока не потеряла сознание.

Впрочем, и это уже давно умерло во мне. Словно случилось с кем-то другим. Да и сейчас произошло то же самое. Это была не я, это была другая женщина. Кроме того, Вилли, я сама пошла на это. Сознательно. А это уже легче... Но теперь все позади. Все кончено. Нам пора подумать о следующем ходе, но теперь уже станет трудно мне, потому что я буду волноваться и беспокоиться. О тебе. — Модести замолчала, посмотрела на Вилли, потом наклонилась, положила голову ему на грудь. В ее голосе не было мольбы. В нем были только печаль и усталость. Модести сказала: — Вилли, возвращайся ко мне... Хватит странствовать в других краях. Мы прошли с тобой вместе так много миль... Мне не хотелось бы двинуться дальше в одиночку.

Больше она не собиралась ничего говорить. Она погрузилась в ожидание, отключив сознание, память, чувства, нервы. Прошло несколько минут, и она почувствовала, что Вилли дышит ровнее, глубже, что его мускулы понемногу расслабляются.

Она испытала облегчение, но продолжала терпеливо ждать. Он испустил вздох, показавшийся ей страшно громким. Потом рука его отделилась от ее щеки, легла ей на плечо. Вилли прижал ее к себе. Он прокашлялся и попытался заговорить, но получилось это только с третьего раза.

— Тебе известно... тебе известно, Принцесса, что у рапанов есть левши? Один на четыре миллиона.

Модести почувствовала, как с нее спадает напряжение. Он все-таки победил себя.

— Правда? Нет, я не знала об этом. И вообще, разве у них есть руки?

— Рук нет, Принцесса. Я про раковины. Они закручены справа налево. С левой резьбой.

— Значит, одна раковина на четыре миллиона?

— Да.

С каждой его репликой он расслаблялся все больше и больше.

— Удивительно, Вилли. Кто бы мог подумать!

— Я решил, что тебе будет интересно это узнать.

— Это не пустяк.

— А теперь ты изъясняешься литотами.

Ей захотелось рассмеяться, но вместо этого ее вдруг охватила дрожь, и она беззвучно зарыдала. Вилли прижал ее к себе и держал так добрую минуту, пока наконец она не успокоилась. Она посмотрела на него с каким-то ужасом:

— Со мной никогда такого не случалось, Вилли... В середине работы! Потом, когда дело бывало сделано... Да и то редко.

— Знаю. Но это не страшно. Даже полезно. Помогает сбросить напряжение. Да и работка выдалась непростая.

— Это точно.

Модести встала, села на ручку кресла, наблюдая за Вилли с чувством нарастающего

удовлетворения. Вилли спустил ноги на пол, встал.

— Ну-ка споем хором псалом пятьдесят четвертый. Страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня. Прости за эпизод с участием Марлона Брандо, Принцесса.

— Прости, что я расхныкалась, Вилли. Вилли энергично помотал головой.

— Нет, все нормально...

Он поднял с пола свою сумку и извлек из нее сперва полотенце, потом несессер, после чего уже стал вынимать то, что было спрятано под ними: ее пояс и кобуру с кольцом тридцать второго калибра, черный лифчик и трусики, цилиндр с затычками для носа, десять жестянок с НЗ, а также маленькую плоскую деревянную коробочку, которую Модести видела впервые.

Руки его двигались неспешно, и он спокойно говорил:

— Я решил, что будем действовать, как запланировано, Принцесса. Этого должно пока хватить. У склада и самолета два патрульных. Все твои вещи я спрятал в рюкзаке под тем самым камнем у реки: рубашка, брюки, ботинки, свитер, одеяло... Ну и еще разные мелочи.

Вилли сел на кровать, вынул сигареты. Когда он зажег первую, пламя держалось ровно, не прыгало в его пальцах.

— Жаль, ты не можешь управлять «Голубкой», — сказал он. — Но ты летала только на шаре, и то двенадцать часов. Десять против одного, что у тебя ничего не получилось бы. В общем, лучше уходить пешком.

Он посмотрел на нее и, поскольку она промолчала, продолжил:

— Ладно. Патруль сменяется в три. К тому времени мы там будем. Подождем смены. Я открыл одну из запечатанных дверей. Ту, что ведет в технические помещения. В общем, выберемся без проблем. — Он посмотрел на кончик сигареты и продолжил: — Сегодня как раз дежурит мое подразделение. Поэтому я сам определял, кто во сколько заступает. С трех выходят Гамарра и Вацек. — Прежде чем она успела что-то сказать, Вилли проговорил: — Мы убираем их и возвращаемся сюда. Ты оглушаешь меня, связываешь. Тут надо сыграть без накладок. Пусть думают, что ты заехала мне ногой, я отлетел, трахнулся башкой о стену, потерял сознание, а ты перерезала ремень одним из моих ножиц, а потом меня связала. Затем ты пойдешь в другом направлении — не мимо патрульных, не мимо озера, но на юг, по маленькой долинке. Они пошлют, скорее всего, половину отряда летучих обыскать весь север.

Карц, конечно, не придет в восторг от моей неловкости, но он не может позволить себе роскошь потерять еще одного командира. Поэтому у меня неплохие шансы сохранить голову на плечах. — Он помолчал, потом спросил: — Ну как, все ясно?

— Все отлично, Вилли-солнышко. — Вдруг на ее лице возникла ее мальчишеская улыбка. — Все отлично, только мы будем действовать иначе.

— Иначе? — Он встревожился, но она быстро покачала головой, и он успокоился.

— Нет, я придумала кое-что другое. — В ее голосе появились теплота и напор одновременно. Она приподняла подол своего красного платья, стала что-то извлекать оттуда. Это была белая лента, на которой красным было выведено:

Люсиль Бруэ.

Вилли удивленно уставился на ленту.

— Это ее метка, — хрипло сказал он. — Для одежды. Так положено в их школе. Где ты нашла ее. Принцесса?

— В этой комнате. — Модести подалась вперед, положила руку на плечо Вилли. — Она, наверно, отлетела от ее платья. Я нашла ее в углу, за диваном.

Вилли Гарвин выпрямился, взор у него сделался отсутствующим, но мозг работал с лихорадочной быстротой.

— Как мы сразу не догадались, Принцесса?! — наконец воскликнул он. — Если кто-то проявляет себя непригодным, Карц устраивает показательную казнь. Если бы дело дошло до ликвидации Люсиль, он конечно же убил бы ее здесь, на глазах у всех, чтобы стало ясно: он сдерживает свои угрозы.

— А когда ты разговаривал с ней по радиотелефону, она могла быть в нескольких сотнях футов от радиорубки...

Вилли рассеянно кивнул, вставая на ноги. В глазах его появилось недоумение.

— Принцесса, но почему ты не сказала мне этого раньше, когда я устроил эту мелодраму?

— Тебе нужно было выкарабкаться самому, Вилли, без допинга, думать, что нам придется пойти по самой трудной дороге. Я не хотела угощать тебя сладкими пилюлями.

По его глазам было ясно, что он понял, принял и одобрил ее ход. Вилли встал, подошел к стене и, упершись в нее ладонью, посмотрел на Модести с вопросительной улыбкой.

— Я могу проломить эту стену. Принцесса, — сказал он. — Хочешь, покажу?

— Верю, — рассмеялась Модести. — Но пока погоди. У нас есть заботы поважнее.

— О'кей. — Он налил воды из кувшина в металлический тазик на полу. Пока он умывал свое вспотевшее лицо, Модести сняла платье, надела лифчик и трусики, потом опять натянула платье.

— Ладно, Вилли, давай начинать...

— Минутку. — Он положил полотенце, затем взял в ладони ее лицо и стал поворачивать, разглядывая повреждения.

— Это Вацек сломал тебе зуб? — спросил он.

— Да. Но губа уже не болит, а на зуб я надена коронку, когда вернемся домой.

— Конечно. Где-нибудь еще болит?

— Растянула мускул на бедре, когда перебрасывала Близнецов. Но это тоже ерунда. Немножко чувствуется при ходьбе...

— А... пока ты была тут?

— Я мало что помню... Честное слово, Вилли. Есть пара синяков, но это не отразится на форме.

— Я тебя проверю. — Это было сказано тоном приказа. Сейчас возникла та ситуация, когда он позволял себе приказывать, и Модести с радостью услышала эти властные интонации, потому что поняла: он и впрямь стал самим собой. Вилли Гарвин считал себя экспертом в плане физической подготовки, и это было вполне естественно. У него был в этой области врожденный талант.

Она скинула с плеч бретельки платья, и Вилли стал осматривать ее глазами специалиста. Он отметил несколько синяков и овальный рубец на плече. Он выставил вперед одну руку и сказал:

— Попробуй левую.

Она стремительно выбросила свою руку, ударив основанием ладони по ладони Вилли. Вилли удовлетворенно хмыкнул, потом сказал:

— Теперь правую.

Модести столь же стремительно ударила правой. Он одобрительно кивнул, потом повернул ее кругом. Его пальцы ощупали ее дельтовидные мышцы, затем бицепсы и трицепсы. Потом он встал на колени за ее спиной.

— Эта нога, Принцесса?

— Да.

— Перемести на нее центр тяжести.

Она подчинилась, и его пальцы стали ощупывать бедро спереди и сзади. Потом он встал и сказал:

— Порядок. Разве что прямой мускул... Ну-ка приляг. Он снял посторонние предметы с дивана, она легла на спину. Минут десять Вилли трудился над ее бедром, его опытные пальцы массировали мышечную ткань. Модести помалкивала, потому что он полностью погрузился в свою работу, напомиравшую сеанс магии, а не обычный массаж.

— Ну вот, — наконец сказал он. — Проверь!

Модести встала, сделала несколько шагов по комнате и вдруг стремительно выбросила ногу, подняв ее на уровень талии. Потом встала на нее, присела, потом подпрыгнула.

— Полный порядок, Вилли. Спасибо.

Все это время он не сводил с нее глаз. Теперь он позволил себе расслабиться. Она же надела платье и села рядом с ним на диван.

— Как будем играть, Принцесса? — спросил Вилли. Она стала излагать свой план, он внимательно слушал. Когда она закончила, он сказал:

— Первая часть с большой закавыкой... Найти Люсиль... Это место — чистый муравейник, и мы понятия не имеем, в каких комнатах живут женщины.

— Для начала, Люсиль была в этой комнате, — сказала Модести. — Потому-то здесь и валялась

ее метка. Похоже, ею занимается Майя. Когда я присоединилась к их теплой компании, ее перевели из этой комнаты, чтобы освободить местечко для меня. Наверно, она где-то на одном из верхних этажей, в укромном уголке...

— Можем взяться за старушку Майю и выжать из нее, где Люсиль, — сказал Вилли без особой уверенности в голосе. — Если Майя сразу капитулирует, хорошо, а вдруг она заартачится?..

Модести пожала плечами, понимая, что у него на уме.

— Что толку обманывать себя, Вилли. Либо мы сможем вытащить Люсиль, либо нет. Третьего не дано. Поэтому нам лучше самим обыскать все этажи. Девочка — не иголка.

Модести осеклась, потому что Вилли сосредоточенно уставился в пространство. Она вытащила из кармана его рубашки пачку сигарет, вынула одну, закурила. Постепенно на его лице стала появляться довольная улыбка.

— Ну а теперь, — возвестил он голосом ведущего на показе мод, — у нас для вас припасен один маленький сюрприз, который вы, несомненно, оцените по достоинству.

В час ночи на столе Майи зазвонил телефон. Она мирно дремала в кресле. Пятнадцать лет работы в качестве мадам с необходимостью спать урывками сделали привычку дремать на дежурстве слишком прочной, чтобы от нее так легко отказаться. Несколько удивленная таким поздним звонком, Майя подошла к столу и сняла трубку.

— Карц, — услышала она каменный голос. Он всегда так называл себя. — Проверьте, как девочка.

— Как девочка? — Майя была не просто удивлена, но даже напугана. Так уж действовал на нее Карц. — Да, да, команданте. Вы хотите, чтобы я это сделала прямо сейчас?

— Немедленно. И тотчас же перезвоните мне. — На этом разговор закончился.

Майя взяла фонарик, вытерла вспотевший лоб подолом платья и быстро двинулась выполнять приказ. Она пошла по коридору, свернула налево, потом еще раз налево, потом поднялась на второй этаж. Из-за дверей одной комнаты послышался смех, из другой доносились какие-то шорохи.

Она оказалась еще на одной лестнице. Там не было света. Она включила фонарик, освещая себе дорогу.

В десяти шагах от нее беззвучно босиком вышагивала Модести.

Отдуваясь, Майя шла по длинному коридору. Она оказалась у двери в самом его конце. Послышался звук отодвигаемого засова. Потом был отодвинут второй засов. Модести стояла у стены, обратившись в слух. Вскоре она услышала, как засовы задвинулись. Потом луч фонарика запрыгал по проходу, и фигура, шаркая, стала возвращаться обратно.

Три минуты спустя Майя уже сидела у себя в закутке и крутила ручку телефона. Всего-навсего в пятидесяти ярдах от нее за несколькими стенами стоял Вилли Гарвин. Рука его касалась телефона на столе в техническом помещении.

Когда зазвонил телефон, он снял трубку и сказал с акцентом:

— Коммутатор.

— Соедините меня с Карцем, — задыхаясь сказала Майя. — Мне ведено срочно позвонить ему.

— О'кей. — Вилли дважды щелкнул ногтем по микрофону, крутанул ручку генератора на пол-оборота, выждал секунду, потом сказал глухим голосом: «Карц». Этот голос было нетрудно сымитировать.

— Я только что была у девочки, команданте, — запинаясь, пробормотала Майя.

— С ней все в порядке?

— Да, команданте. — Майя чуть было не сказала: «А как же иначе!», но вовремя сдержалась. — Она спала, — и добавила: — Все нормально.

— Все, — Вилли положил трубку. Он включил прикрытый экраном фонарик, выдернул проводки, подключенные к двойному кабелю, шедшему по стене над его головой. Отрезок в дюйм был лишен изоляции и перерезан, чтобы отсоединить телефон сераля от коммутатора в штабном секторе дворца. Только телефон Вилли был соединен с телефоном Майи. Теперь Вилли снова соединил концы разрезанного кабеля, чтобы восстановить порядок, после чего двинулся к массивной двери в стене. В руке Вилли держал сумку, которая была набита чем-то до отказа.

Это была одна из всегда запертых дверей, чтобы исключить проникновение в сераль каким-либо способом, кроме как через закуток Майи. В начале вечера Вилли успел взломать замок. Теперь Вилли закрыл ее и вернулся к Модести.

Она ждала его с нетерпением.

— Сработало, Вилли, — сказала она, и в ее глазах он увидел облегчение. — Люсиль в комнате на третьем этаже.

— Ну тогда все ясно. — Он посмотрел на часы. — Когда же мы ее заберем?

— Сразу после двух. К этому времени большинство клиентов начинают засыпать. Ты взял на складе то, что хотел?

— Еще бы! — Он похлопал по сумке и сел рядом с Модести. — Майя сказала, что Люсиль спит. Модести задумчиво нахмурилась.

— Неизвестно, как она отреагирует на наше появление.

— Как? Она будет на седьмом небе от счастья, что мы явились и забираем ее отсюда. — Вилли был удивлен и даже ошеломлен словами Модести.

— Вилли, учти, что она — не мы. Ей всего двенадцать лет, и она до смерти напугана. У нее может сделаться истерика.

— Вообще-то, да, — мрачно кивнул Вилли, потирая подбородок. Он протянул руку за деревянной коробочкой, которую вынул до этого из сумки. В ней лежали шприц и четыре ампулы. — Стажил из лазарета сегодня, — пояснил он. — Думал, пригодится для нашего первоначального плана. В каждой ампуле три грана фенобарбитала.

— Зачем?

— Я решил, что имело бы смысл тебе перед уходом вколоть мне ампулку. Тогда они нашли бы меня утром и решили бы, что ты смылась только час назад, а не три-четыре. Им бы и в голову не пришло, что у меня не просто сотрясение, а наркоз.

Модести кивнула.

— Ничего, теперь мы воспользуемся этим еще удачнее. Держи наготове, Вилли. — Она взяла пояс, вытащила из кобуры кольт, проверила его. — Как ты его раздобыл? А также как забрал все мои вещи и конго? — удивленно спросила она.

— Кольт остался у того грека, когда мы с тобой разыграли поединок. Я выкупил пушку у него за два зеленых билета.

— А остальное?

— После того как ты укущила Близнецов, я сразу отправился в твой барак.

— Бруниг и другие не стали возражать?

— Скажем так: они не решились меня остановить, — хитро ухмыльнулся Вилли. — У меня, видать, был очень мрачный вид.

Глава 20

Вилли Гарвин бесшумно отодвинул оба засова и тихо приоткрыл дверь комнаты на третьем этаже. В центре с потолка свисала тусклая лампочка. В углу стояла кровать.

Модести закрыла за собой дверь. Вдвоем с Вилли они подошли к спящей девочке.

— Люсиль, — прошептала Модести, тихонько ущипнув девочку за мочку уха. — Это мы — Модести и Вилли. Мы пришли... Теперь все будет хорошо.

Люсиль открыла глаза, уставилась невидящим взглядом. Над худеньким личиком спутались густые волосы.

— Все в порядке, милая, — прошептала Модести. Она просунула руку под узкие плечики, приподняла девочку. — Вот и Вилли тоже здесь

— Привет, киса! — отозвался тот, приближаясь к ней. — Попала ты в переплет, ничего не скажешь. Но не горюй, скоро мы отсюда выберемся.

Люсиль задрожала, и в ее глазах отразились ужас и злость. Она заговорила по-французски срывающимся шепотом:

— Они забрали меня! Это вы велели им! Они мне так и сказали. Они колют меня иглками, чтобы я спала. — Голос ее повысился. — Заявляется эта толстуха! Такая мерзкая! Кошмар! И я слышу разных мужчин и женщин... Они то приходят, то уходят, и однажды они придут и убьют меня. Я это знаю...

Маленький кулачок взметнулся, норовя ударить Модести в лицо, но та была начеку: ловко перехватила запястье, прижала его к телу Люсиль, другой рукой зажала готовый уже крикнуть рот и свистящим шепотом произнесла:

— Вилли! Быстро!

Гарвин разбил ампулу, сунул иголку, наполнил шприц жидкостью. Люсиль отчаянно извивалась.

— Давай руку. Принцесса. — На ощупь ручка Люсиль показалась ему тонкой, как палка. Он посмотрел на Модести, лицо которой превратилось в маску, и понял, что это отражение его собственных терзаний. Он вонзил иголку в руку девочки.

Люсиль явно видела в двоих взрослых страшных монстров, душивших ее и задумавших что-то ужасное. Вилли вытащил иголку, по-прежнему придерживая худенькую ручку. Прошло двадцать секунд, показавшихся Модести и Вилли вечностью, и маленькое тельце стало сопротивляться слабее, слабее, а потом и вовсе затихло.

— О Боже, — пробормотал Вилли и вытер мокрый лоб. — Бедняжка...

Модести поднялась, держа на руках завернутое в одеяло тельце Люсиль, и прошептала:

— Иди вперед, Вилли.

Вилли вытащил нож и, взяв его за лезвие, двинулся вперед. Он подсвечивал себе замаскированным фонариком. Во время прохода по коридорам и лестницам сераля никто не попался им навстречу.

Две минуты спустя они оказались в техническом помещении. Вилли сунул нож обратно в ножны, и они с Модести стали пробираться по проходам между полок и столов с оборудованием. Оказавшись у внешней двери, Вилли сунул в скважину отмычку.

— Ты в порядке. Принцесса? — спросил он. — Давай, понесу...

— Она нетяжелая. Тебе лучше не занимать руки...

Он кивнул. Ножи срабатывали без шума. Кольт всполошил бы всю округу.

На дворе стояла черная бархатная ночь, и тяжелые облака заслоняли луну и звезды. Вилли и Модести уходили от дворца вдоль стены долины, образованной склоном горы. Так они прошли двести ярдов, после чего начали полумильный переход к реке.

Модести постаралась забыть о том, что ноша в ее руках казалась все тяжелее и тяжелее, и не сводила глаз с силуэта Вилли, который маячил впереди.

Было тепло, даже душно. Почва под подошвами босых ног Модести казалась ей теплой.

Опасность того, что их могут увидеть, была невелика. Разумеется, кто-то, страдая от бессонницы, мог выйти подышать свежим воздухом, но фонари тут не горели и видимость ограничивалась двадцатью шагами.

Наконец Вилли обернулся к Модести, взял у нее из рук безжизненное тельце Люсиль и положил на камень.

— Переведи дух, Принцесса, — прошептал он, — а я пока схожу за твоими вещичками.

Три-четыре минуты спустя он вернулся с большим рюкзаком на плечах. Модести лежала на спине и глубоко дышала. Потом она встала, расстегнула пояс, сняла красное платье, надела

черные брюки, рубашку и сапоги. Конго улеглось в кармашек на бедре, помада, она же газовый пистолетик, — в карман рубашки. Она снова надела пояс с кольцом и застегнула его.

С каждым ее новым движением Вилли Гарвин чувствовал, как черный призрак, висевший в его сознании эти дни, постепенно блекнет, растворяется. Модести стояла в темноте, смотрела на него. Вдруг Вилли почувствовал, как она постучала его по плечу.

— Ну, Вилли-солнышко, теперь я — это снова я. Давай-ка пойдем и, как ты выражаешься, ломаем пару стен.

— Я готов, — услышала Модести и увидела, как в темноте сверкнули его зубы.

Когда она опять подняла Люсиль, чтобы двинуться в путь, Вилли остановил ее словами:

— Есть транспорт, Принцесса. Давай-ка за мной. Он двинулся к берегу реки, который резко обрывался и превращался затем в узкую полоску гальки. Там у самой воды лежал какой-то бесформенный предмет. Вилли присел возле него на корточки, послышалось шипение, и предмет превратился в резиновую лодку. Такими самонадувающимися лодками обычно снабжались летчики.

— Нашел на складе, — прошептал он на ухо Модести. — Очень удобно. И мимо караульной можно проскочить незаметно, и возвращаться обратно было бы проще, если бы мы выбрали тот вариант...

Модести только поразились тому, как тщательно продумал Вилли детали плана, который она изложила ему тогда в общих чертах, как отшлифовал он их, несмотря на то чудовищное напряжение, в котором находился.

Несмотря на то что, спускаясь от озера, река проходила через серию водопадов, здесь течение уже было вялым. Вилли просунул весло в веревочную петлю на корме и начал ловко грести.

Нагруженная лодка двинулась против течения. Когда они уже проходили мимо караульной, расположенной возле «бутылочного горла», где река делала резкий поворот, они услышали треск моторов мотоциклов. Это Гамарра и Вацек собирались на патрулирование. Они должны были преодолеть двухмильный отрезок до аэродрома, а потом те, кого они сменяли, на тех же мотоциклах вернуться назад.

Лодка продолжала свой путь, и минут через пять Модести и Вилли снова услышали шум мотоциклов. Это уже возвращались отдежурившие свои три часа солдаты.

Облака сгущались, и, когда лодка подошла к тому месту, где давали о себе знать находившиеся выше водопады, сделалось еще темнее. Вилли направил лодку к берегу и помог высадиться Модести с Люсиль на руках.

Где-то там впереди двое патрульных совершают свой привычный обход, курсируя между взлетной полосой и складом боеприпасов в горе. Гамарра и Вацек.

— Кому-то из нас лучше остаться с Люсиль, — сказал Вилли.

Это было необязательно. Девочка должна была проспать мертвым сном, по меньшей мере два-три часа, но Модести кивнула.

— Я останусь. А ты давай один...

— Спасибо, Принцесса.

Вилли сунул руку в карман и, вытащив оттуда какой-то предмет, вставил в ухо. Это был его «радар слепца». Мгновение спустя он беззвучно растаял в темноте. Модести сидела, прислонившись спиной к камню, держала на руках Люсиль и думала, что наконец-то Вилли получил возможность выпустить пар, дать распрямиться в себе пружине, которая слишком долго находилась в сжатом до отказа состоянии.

Гамарра прислонился к каменной стене у деревянной двери склада. Естественное углубление, что вело в пещеру, было укреплено бетонным окладом, для двойных дверей. На плече у боливийца была автоматическая винтовка. На поясе у него висел фонарик. Он приподнял его и коротко посветил на наручные часы.

Три сорок пять. Возле «Голубки» у него хранилась заправка — две банки пива. Вацек не знал об этом. Гамарра решил, что первую он выпьет через полчаса, а вторую еще через час. После этого до конца дежурства останется всего сорок пять минут. Пустяки...

Он не спеша двинулся мимо дверей склада. Эти патрули, в сущности, — чистая трата времени, думал он. Вот у склада спиртного во дворце и впрямь охрана необходима, но кому взбредет в голову посягнуть на боеприпасы или на чертов самолет? Но Карц отдал приказ, и обсуждению это не подлежало.

Впрочем, подумал Гамарра, в лагере было несколько человек, умеющих водить самолеты, и если вдруг кому-то захотелось бы послать все к чертовой бабушке и удрать, единственный способ сделать это — по воздуху. Но шансы на успех все равно оставались минимальными.

Гамарра прилетел сюда вместе с двумя десятками таких же наемников в «Геркулесе», но кое-кого доставляли в лагерь и на «Голубке», и эти ребята вспоминали полет без удовольствия. Это было очень похоже на петляние по горному серпантину, только не по шоссе, а по воздуху.

Тут его мысли переметнулись на другой предмет, и Гамарра не смог сдержать ухмылки. Интересно, как чувствует себя Гарвин в обществе этой полудохлой Блейз.

Прибор в ухе Вилли стал подавать слабые сигналы. Затем они усилились. Он сделал десяток шагов влево, потом распластался на земле, вглядываясь в темноту. Судя по сигналам, к нему приближался человек, правда, не по прямой. Скорее всего, он пройдет мимо в нескольких шагах.

Вилли увидел высокий крупный силуэт...

Гамарра...

Расстояние сокращалось. Восемь шагов... Семь... Шесть... Еще немного, и он пройдет мимо, и расстояние опять начнет возрастать. Вилли присел на колени и махнул рукой.

Точно нацеленный нож со свистом разрезал воздух. Вилли бросился к зашатавшемуся боливийцу, в шее которого чуть не по рукоятку торчал нож. Могучие руки Гарвина подхватили обмякшее тело и без лишнего шума положили на землю. Мутным взором Гамарра вглядывался в лицо, нависшее над ним.

— Гарвин...

Он услышал зловещий ледяной шепот.

— Зря ты посетил Модести Блейз, амиго...

Гамарра скончался, успев испытать приступ испуга и мучительно пытаясь ответить на вопрос, который толком не сумел сформулировать даже для себя.

Вилли выдернул нож из шеи трупа, вытер его начисто о рубашку боливийца, после чего двинулся в западном направлении и растаял в темноте.

Вацек пробирался среди камней в отвратительном настроении. Он был уверен, что эта скотина Гамарра заначил где-то пиво и теперь лакает его в одиночестве.

Вацек то и дело таращился в темноту, выискивая между камней силуэт напарника, жалея, что не может почаще пускать в ход фонарик. Это только насторожило бы Гамарру. Он последний раз оглянулся и стал огибать большой камень. Он и так слишком задержался на этом конце маршрута.

Но не успел он обогнуть валун, как что-то ударило его по правому плечу так, что его рука сразу же онемела. Он вскрикнул, но тут же чьи-то пальцы обхватили его горло сзади. Вацек вскинул было здоровую руку, способную еще защищаться. Основание ладони надавило ему на горло еще сильнее, а пальцы запрокинули подбородок. Он попытался было лягнуть неизвестного врага, но тотчас же получил коленом по задней части бедра.

— Это Гарвин, — сообщил ему ледяной шепот. — Передай Гамарре, что это я послал тебя к нему. Он объяснит тебе, в чем дело.

Гарвин рванул обеими руками изо всех сил. Что-то хрустнуло, словно сломался мокрый сук.

Через тридцать минут после того, как Вилли покинул Модеста, он снова оказался у реки.

— Закончил, Вилли? — спросила она.

— Да, все в порядке. Я провел в «Голубке» десять минут. Смотрел приборы.

— Как с горючим?

— Полные баки. Захвати мою сумку. Принцесса. Десять минут спустя Модеста передала Люсиль Вилли, и он, пригнувшись, забрался в самолет. Потом она влезла за ним следом, закрыла дверь и включила фонарик.

Четыре находившиеся друг против друга места были сконструированы так, что каждую пару можно было без труда превратить в койку. Модеста устроила такое спальное место слева, и Вилли положил на него Люсиль, пристегнув ее двумя ремнями.

— Через полчаса ей нужно сделать еще один укол, — сказала Модеста. — Я потом этим займусь.

— О'кей. — Вилли вытащил из своей сумки деревянную коробочку и положил ее на пол.

Они вылезли из самолета и двинулись к складу боеприпасов. На дверях не было замка, только

большой засов.

Внизу, за дверями, находился асбестовый огнеупорный щит. Они закрыли за собой двери, включили свет. Пещера уходила на пятнадцать шагов, вгрызаясь в сто двадцатифутовую толщу породы. Над ней нависала тридцатифутовая крыша. Модеста и Вилли смотрели на ящики с противотанковыми минами, взрывчаткой, снарядами для 81-миллиметровых минометов, 105-миллиметровыми снарядами для пушек, а также на ящики с гранатами, ракетами, патронами для винтовок и автоматов.

— Добрый старый Таррант, — тихо произнес Вилли.

— При чем тут Таррант? — удивленно спросила Модеста.

— Я хотел немного расширить свой кругозор насчет новейших штучек в этой области... Таррант устроил мне хорошие курсы повышения квалификации.

— Я не знала.

— Ты тогда была на Бермудах. Те парни неплохо знали свое дело.

— Тогда действительно добрый старый Таррант, — усмехнулась Модеста распухшими губами. Если я чем-то могу помочь, ты только скажи. Ведь отныне ты у нас главный.

— Давно пора. Ты и так уже хлебнула лиха, Принцесса. Господи, когда ты вышла против Близнецов, у меня из-за тебя все поджилки тряслись.

Пока он говорил, взгляд его блуждал по складу. Потому он сказал:

— Ну хорошо. Надо кое-что переложить. Для пущевого эффекта.

Противотанковые мины были упакованы по пять штук, и каждый ящик весил восемьдесят фунтов. Вилли распечатал два из них и выложил десять мин.

— Всего, стало быть, они собрали тут тонн сорок-пятьдесят, — задумчиво произнес Вилли, оглядывая склад. — Всю взрывчатку разложим вокруг вон той горы ящиков в конце пещеры.

Последующие полчаса они работали молча, без передышки и перетащили с места на место не меньше пяти тонн. Затем в голове Модеста словно прозвенел будильник. Она выпрямилась и вытерла рукой мокрый лоб.

— Время не ждет, Вилли-солнышко, — сказала она. — Ты пока работай, а я пойду сделаю Люсиль еще укол.

— Ладно, сейчас начинается самое интересное. — Он стал вынимать из сумки то, что позаимствовал на складе во дворце. Там были детонаторы, запалы, капсюли, шнур «кордтекс».

Когда Модеста выбралась из пещеры, то с огорчением отметила, что облака развеялись и долину теперь заливают холодный и яркий свет луны. Было, конечно, маловероятно, что случайному наблюдателю, например у далекой караульной, бросится в глаза ее фигура, но она все же двинулась вдоль склона, пока не совершила быструю перебежку к самолету.

Люсиль по-прежнему лежала тихо, и Модеста сделала ей второй укол. К счастью, это оказалось куда проще, чем в первый раз.

Когда Модеста вернулась на склад, Вилли стоял на коленях и разрезал «кордтекс» на отрезки разной длины. Вокруг шеи у него был шнурок, с которого свисала какая-то желтая колбаска. Там была пластиковая взрывчатка.

— Люсиль в порядке? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да. Она будет находиться под действием наркотика еще несколько часов.

Модеста обратила внимание, что восемь из десяти мин уже положены на стопки ящиков с боеприпасами. Остальные две лежали на верхнем ряду контейнеров с основным запасом мин и на коробках с взрывчаткой у дальней стены.

— Я могу помочь, Вилли-солнышко?

— Конечно, Принцесса. — Вилли распределял отрезки шнура для мин. Он разломил брикет пластиковой взрывчатки пополам и передал половину Модеста со словами: — Обвяжи концом шнура мину и прижми кусочком взрывчатки.

— И никаких детонаторов для мин?

— Нет, только для тех двух, которые лежат на тех вон ящиках. Твои четыре мины с этого края. Мои — остальные.

Когда они кончили, он соединил все концы шнура воедино и перешел к главным запасам взрывчатки.

— Подержи-ка конец, Принцесса.

Модести взяла в руки концы, связанные воедино, и спросила:

— Что ты задумал?

— Хочу, чтобы все взлетело на воздух разом. «Кордтекс» приведет в действие мины, парочки будет достаточно.

По очереди он наклонил каждую из двух мин, загнал по капсулю в отверстие и вставил туда детонаторы. Взяв у Модести концы «кордтекса», он привязал их к этим минам, а потом еще прикрепил их кусками пластиковой взрывчатки.

— Это чтобы была страховка? — осведомилась Модести.

— Ты же сама учила меня, что кашу маслом не испортишь, Принцесса, — ухмыльнулся Вилли.

— Ну, и сколько времени у нас получается на все маневры?

— Они рассчитаны на двадцать минут, но на самом деле нужно сделать поправку плюс-минус пять минут. Они не так уж точно действуют.

Он взял взрыватели. Они находились в свинцовых оболочках. Когда разбивалась стеклянная ампула, выливалась кислота. Она разъедала металлический стерженек, тот отпускал боек на пружинке, который ударял по капсулю, и происходил взрыв заряда.

Вилли ударил по концам каблуком, два из них сунул в одну мину, третий во вторую.

Отступив назад, он посмотрел на Модести и сказал с улыбкой:

— А теперь пойдём-ка к нашей птичке и попробуем уговорить ее взлететь.

— Очень разумное предложение...

Они вышли, аккуратно закрыли двойные двери и двинулись к «Голубке». Им нужно было пройти триста ярдов вдоль склона. Затем оставался короткий переход к самолету, стоявшему у конца взлетной полосы, которая уходила к «бутылочному горлу». Чуть сбоку виднелась куча валунов, появившаяся, когда полосу расчищали, чтобы на ней могли садиться большие транспортные самолеты.

До самолета было всего двадцать шагов, когда они услышали голос.

— Стоять. И без фокусов. Говорил Дельгадо.

Он стоял в десяти шагах от них у большого камня. В руке у него был «магнум» сорок четвертого калибра, наставленный на Модести. Рядом с ним стояли трое молодцов с автоматами, которые они были готовы в любой момент пустить в ход. Это были люди из подразделения Дельгадо.

Вилли Гарвин так и не надел рубашки. Она по-прежнему была у него у руке. Сбруя с ножами выделялась на его загорелом торсе.

— Не вздумай хвататься за свои ножики, Гарвин, — предупредил Дельгадо Вилли. — Я знаю, ты парень шустрый, но я все равно успею выстрелить раньше. Не в тебя, но в Модести.

Дельгадо двинулся вперед и остановился в шести шагах от нее.

— Ты тоже не пытайся выхватывать свою пушку. Потому как все равно не успеешь, — предупредил он ее.

Она ответила не сразу. Вилли уголком глаза следил за ее рукой, за той, что была ближе к нему. Он увидел, что большой и указательный пальцы Модести образовали кружок, а три остальных указывали вниз. Он перевел взгляд на троих с автоматами, выбросив на время из головы Дельгадо.

— Так, так, — спокойно отозвалась Модести. — Что же заставило тебя совершить прогулку этой прекрасной ночью, Майк?

— Меня грыз червячок сомнения, радость моя, — улыбнулся Дельгадо. — Мне никак не верилось, что вы с Вилли поцапались и стали врагами. Но вообще-то вы неплохо разыграли спектакль, у вас этого не отнять. Но я-то знаю тебя лучше, чем остальные. Гораздо лучше, как ты сама, наверно, помнишь.

— Нас встречает слишком маленькая делегация, — сказала Модести.

— Маленькая, да удаленькая. — Его глаза сверкнули в лунном свете. Он не скрывал отличного настроения. — И опять-таки это принесет мне кое-какую пользу. Мне совсем не мешает парочка хороших отметок в дневнике. А то Карц, по-моему, думает, что мне следовало бы заранее понять, что ты окажешься непригодной, несмотря даже на Люсиль.

Модести подумала, что Дельгадо явно не знает о том, что они успели побывать на складе и

поработать там на славу, иначе он не стоял бы и не упивался своим триумфом.

— Значит, ты проверил мои апартаменты в серале? — спросила она.

— Только час назад, и то после нескольких часов мучительной бессонницы, радость моя. И оказалось, что тебя и след простыл. И Вилли тоже сгинул. Вот я и собрал этих достойных, симпатичных молодых людей, и мы тихо, без лишнего шума решили проверить, как поживает наш самолет. На всякий пожарный случаи. Вдруг вам захочется нас покинуть, не попрощавшись.

Модести устало пожала плечами.

— Мы сделали крюк. По реке, через долину. Потом пришлось ждать, чтобы убрать патруль без шума.

— Да, не повезло. — Он сочувственно улыбнулся, но «магнум» не шелохнулся. — Это лишний раз доказывает важность нюансов.

— Почему бы тебе не присоединиться к нам, Майк? — тихо спросила Модести, дабы создать у него впечатление, что это ее единственная надежда.

— Нет уж, спасибо, радость моя, — усмехнулся Дельгадо. — Я люблю быть с теми, кто побеждает. Равно как и эти молодцы, что стоят за мной. А тебе не победить. Ты женщина, причем женщина с остатками того, что называется совестью. А это лишний балласт.

— Наверно, ты прав.

— Конечно, я прав. Видишь ли, я могу тебя пристрелить на месте, и, разумеется, это несколько огорчит меня, но не лишит сна, поверь... — Улыбка Дельгадо сделалась мягкой, голос — тихим. Ирландский акцент стал особенно заметен. — А вот ты так и не решилась бы нажать на спуск, даже если бы у тебя и была пушка, верно, киса? Ты это понимаешь? Я ведь для тебя кто — человек, который впервые доставил тебе райское блаженство. Давным-давно... Помнишь? Ну конечно, помнишь... Удивительный Майк Дельгадо. Ты никогда не смогла бы застрелить того, кто научил тебя летать к звездам...

Модести чуть ссутулилась.

— Никто не может знать про это наверняка, — произнесла она тихо и устало и повернулась к Вилли, так что Дельгадо оказался справа от нее. — Жаль, что у нас ничего не вышло, Вилли. Ничего не попишешь.

Ее левая рука сделала беспомощный жест, отвлекая внимание Дельгадо, а ее заслоненная туловищем правая рука метнулась со скоростью молнии к кобуре с кольцом. Она выстрелила со спины, через поясницу, — прием, способный преподнести противнику неприятный сюрприз, если, конечно, пуля попадет в цель.

Грохот «магнума», опоздавшего на какую-то долю секунды, перекрыл звуки кольца. Модести почувствовала жгучую боль выше локтя и увидела, что Дельгадо оседает на землю. Затем что-то блеснуло в темноте, и один из автоматчиков зашатался, а потом стал заваливаться на спину. Из груди у него торчала рукоятка ножа.

Модести упала на бок, успев выстрелить. Ей показалось, что одна пуля угодила сразу в двоих подручных Дельгадо. Один завертелся вокруг своей оси и последним остаточным рефлексом

нажал на спуск автомата, послав в небеса короткую очередь. Второй просто осел на землю, немеющими пальцами хватаясь за рукоятку ножа, вонзившегося ему в горло. Модести поднялась на колени. Вилли проверил всех четверых. Потом подошел к Модести, постучал пальцем по своей груди и сказал:

— Навылет, Принцесса, прямо в сердце. Модести посмотрела на неподвижный труп Дельгадо и сказала:

— Так ему и надо. Погиб от тщеславия.

Вилли кивнул, и тут на его лице появилось тревожное выражение: он понял, что Модести держится за руку, из которой хлещет кровь. Тяжелая пуля прорвала кожу и мускульную ткань, прочертив глубокую борозду в два дюйма длиной.

— Посади меня в самолет, Вилли, — хрипло сказала Модести.

Тем временем в караульной, в двух милях от самолета, вспыхнули огни. Кто-то выстрелил три раза подряд, подавая сигнал тревоги. Вилли Гарвин помог Модести подняться в самолет, и сам влез следом. Модести держалась за руку, зажимая рану, в голове у нее все плыло. Между пальцами текла кровь. Вилли присел рядом, вытаскивая из кармана брюк индивидуальный пакет.

— Положи здесь и взлетай, — сказала она срывающимся голосом. — Давай, Вилли.

Он закрыл дверцу самолета и выкинул из головы все, что не относилось к его предстоящей задаче. Только через три-четыре минуты люди на мотоциклах из караульной успеют перекрыть долину. Они пока не знают, что именно случилось, и только слышали выстрелы. Зато они сразу смекнут, что происходит, как только заработают моторы «Голубки».

Вилли включил освещение на приборной доске, потом занялся подачей горючего, открыл главный клапан. Приведя в действие аккумулятор и генераторы, он наклонился и нашарил ручку насоса для включения двигателя.

Сорок пять секунд.

Он слегка приоткрыл дроссельные заслонки, потом протянул руку к кнопке стартера первого двигателя. Левый мотор ожил, потом настал черед правого. Вилли убрал парковочный тормоз, потом еще прибавил газу.

Самолет двинулся вперед. Вилли вывел его на взлетную полосу. Он опять прибавил газу. Двигатели взревели, самолет стал набирать скорость. Вилли тяжело вздохнул: жаль, у него не было нескольких лишних минут, чтобы разогреть машину, но что толку понапрасну мечтать...

Моторы «джипси» работали без срывов. Стрелка индикатора скорости показала семьдесят, потом восемьдесят...

Машина пробежала с полмили. Вилли взял на себя колонку штурвала. Две фигурки на мотоциклах ринулись по сторонам, солдаты стаскивали с плеча винтовки.

«Голубка» плавно оторвалась от земли. Вилли нажал на кнопку, чтобы убрать шасси. Теперь под ними проплывало «бутылочное горло» долины, и горы поднимались ввысь, однако пространства для маневров было вполне достаточно. Внезапно в левом крыле появился ряд отверстий, а затем пуля с глухим стуком ударила в какую-то твердую деталь фюзеляжа.

Но взлет состоялся. Теперь Вилли уверенно вел машину над крутыми склонами в южной части долины.

Вилли Гарвин испустил протяжный выдох, и затем самолет стал ложиться на крыло, чтобы двинуться над долиной в форме полумесяца, отходившей от главной долины. Это был еще один необходимый маневр, чтобы набрать высоту и выбраться из-под малых хребтов. Вилли внимательно следил уже несколько дней за тем, как взлетают и совершают посадку летчики «Голубки».

Теперь самолет шел над лесистой местностью вокруг озера. Здесь уже было настолько просторно, что даже большой транспортный самолет мог вполне развернуться и набрать высоту.

Вилли позволил себе немного расслабиться и оглянулся через плечо. Модести сидела, прислонившись к переборке у открытой двери, что вела в кабину. На руке у плеча белела повязка, и она завязывала концы второй рукой и зубами. Но кровь продолжала идти, и загорелое лицо Модести теперь приобрело восковой оттенок. Большой желтый синяк на одной стороне лица выделялся сейчас особенно четко, а распухшие губы казались бесцветными. Да, «магнум» сорок четвертого калибра обладал страшной убойной силой.

Модести усилием воли заставила себя улыбнуться, обнажив сломанный зуб. С большим трудом она пробралась в кабину и кое-как залезла в кресло второго пилота справа от Вилли. Медленно, неуклюже, действуя лишь одной рукой, она застегнула ремень.

Когда Вилли снова посмотрел на Модести, то увидел, что она вытащила из кармашка брюк конго и вставила его под мышку раненой руки. Затем она взяла здоровой рукой раненую и крепко прижала ее к боку.

— Кровь остановилась? — тревожно спросил Вилли.

— Вроде бы... — слабо отозвалась Модести. — Ты сможешь выбраться отсюда, Вилли?

— Пара пустяков, — как ни в чем не бывало солгал он, проходя на вираже над северным краем озера и постепенно набирая высоту. — Ну а что будем делать, когда выберемся отсюда, Принцесса? Куда полетим? В Кабул?

— Нет... — Модести еле-еле качнула головой. — Мы не знаем, кто там наши друзья. Когда выберешься из лабиринта, бери курс на юго-запад. Ориентиром возьмешь Тарнак. Американцы прокладывают где-то в тех местах дорогу. Попробуй найти ее... их... если хватит горючего...

— Хорошо. — Вилли глянул вниз. Они уже летели на высоте трех тысяч футов. Гигантским зеркалом под ними поблескивало озеро. — Пора бы, черт побери... — начал он, и в этот момент из-под хребта вдруг полыхнуло, словно выстрелила гигантская пушка. Сорок тонн боеприпасов дали выход своей дикой ярости через отверстие в пещере.

Вилли снова накренил машину, обернувшись, чтобы посмотреть на гору. Поначалу казалось, что все осталось, как было. Затем он увидел, как из середины склона появилась серебряная нитка и устремилась в долину. Затем из другой точки в горе возникла вторая нитка, пошире. Вилли попытался подсчитать количество воды, удерживаемое горным кряжем, но оставил затею как лишнюю практического значения. Теперь уже гору испещрило с десятков нитей, на глазах делавшихся все толще. На сероватом фоне гор стали возникать черные линии, они расширились, превращались в полосы, пятна. Словно в замедленной съемке гора стала распадаться на части, а через проломы в долину неслись потоки воды из озера.

— Просто прелесть, — констатировал Вилли, не скрывая удовлетворения, — пусть теперь Карц возьмет тряпку и вытрет лужу. Нет, ты видела, как эта горюшка стала крошиться? Прямо загляденье...

Он осекся. Голова Модести упала. Глаза закрылись. Если бы не пристегнутый ремень, она бы вывалилась из кресла. Конго валялось на полу. Раненая рука безжизненно повисла. Снова через бинт стала проступать кровь.

Вилли Гарвин выругался. Ему стало не по себе. На какое-то время его охватила паника, и на лбу появилась испарина. Модести потеряла слишком много крови — и продолжала ее терять. Конечно, «Голубку» можно было поставить на автопилот, но лишь когда они выберутся из этого горного лабиринта, а на это даже в лучшем случае уйдет пара часов. И это если ему удастся найти выход. Только тогда он сумеет заставить себя позволить этой птичке лететь самостоятельно, а сам займется рукой Модести.

Вилли сделал еще один вираж для набора высоты, а сам тем временем колошматил и топтал свой страх, пока тот не приказал долго жить, дав Вилли возможность хладнокровно оценить ситуацию.

Ну, что ж, скоро начнет светать. Это плюс. Кроме того, «Голубка» показала себя послушной птичкой. Если не считать трех-четырёх сложных отрезков, местоположение которых неплохо врезалось ему в память, в целом он, Вилли, может вести машину, что называется, одной левой.

Вилли протянул руку, коснулся ладонью перевязанной руки Модести, осторожно сомкнул пальцы.

— Господи, Принцесса, — пробормотал он. — Не уходи от меня. Не оставляй одного.

Затем он взял себя в руки, выкинул из головы все лишнее и сосредоточился на управлении машиной.

Над долиной занимался рассвет. Озеро уменьшилось наполовину, а вода продолжала хлестать через растерзанную горную преграду.

Вся долина, растянувшаяся на четыре мили, была затоплена. В районе аэродрома глубина достигала пяти-шести футов. Возле «бутылочного горла» было мельче — от двух до четырех футов. Бараки и машины стояли над водой, и огни отражались в ее ряби.

То здесь, то там проплывали трупы. На арене собралась целая группа солдат. Они молча и растерянно взирали на происходящее. Из дворца доносились вопли женщин.

Многие воины армии Карца уже покинули лагерь вплавь или пешком, направившись к лощинам, уходившим вверх, в горы. Двухэтажные бараки, где хранились комбинезоны летучей пехоты, оказались затоплены, и от реактивных костюмов теперь не было никакого толку.

Суррат, Хамид и Бретт находились в частично затопленной части дворца, где хранилось продовольствие. Они завершали приготовления к предстоящему путешествию. Снаружи на ступеньках стоял Тамаз с автоматом на плече. У него был остолбенелый вид. Он с удивлением уставился на нагруженную рюкзаками тройцу.

— Что вы задумали? — спросил он.

— Уходить, — отозвался Бретт. — Что же еще, черт возьми!

— Но это невозможно. — На тяжелом лице Тамаза появилось искреннее изумление.

— Хотим попробовать. Суррат считает, что надо двинуться на запад, совершить небольшой бросок через горы и выйти к реке южнее. Наверно, он прав.

— Но Карц не давал приказа уходить.

— Карц? — злобно усмехнулся Бретт. — Так ты спроси его. Вот и он собственной персоной.

К ним и впрямь двигалась тяжелая, похожая на изваяние фигура. Они застыли в ожидании, пока он поднимался по ступенькам. Лицо его было по-прежнему бесстрастным, но зрачки превратились в булавочные головки. Он обвел взглядом своих помощников, и на какое-то время его «я» подействовало на них гипнотически — их охватил страх. Затем он заговорил пронзительным, срывающимся, словно у школьника, голосом:

— Осушить долину. К полудню аэродром должен опять вступить в строй. Транспортные средства перевести на сухие места. Наладить работу радиостанции.

От визгливых звуков его голоса страх улетучился. Хамид презрительно улыбнулся и ответил:

— Дайте указания Либманну.

— Либманн мертв, — взвизгнул Карц. — Я убил его собственноручно. Он отказался подчиняться. Не выполнил приказ. Ведра и швабры. — Его монгольская голова начала раскачиваться из стороны в сторону, как у гигантской куклы. — Ведра и швабры!

Суррат посмотрел на Тамаза и рассмеялся мерзким смехом.

— Приказ... — сказал он. — Вот тебе и приказ.

На лице Тамаза смешались воедино смущение, огорчение и даже страдание. Он скинул с плеча автомат, нацелил на Карца, щелкнул затвором.

— Непригоден, — произнес он, не веря сам себе. — Боже мой, он оказался непригоден...

Его слова заглушила длинная автоматная очередь.

Глава 21

— Насколько я понимаю, — говорил министр, — вы не получили от Модести Блейз ничего, кроме той телеграммы из Стамбула месяц назад?

— Ни слова, господин министр. — На лице Тарранта изобразилось легкое недоумение.

Его превосходительство Роджер Селби вытащил копию телеграммы из папки и стал читать вслух:

— «Не волнуйтесь. Операция провалилась. Просьба выслать бесплатно пять ящиков лучшего скотча Дэйву Коннолли. „Далл Пахмейер констракшн Инк“. Кабул».

— Ах, да, — задумчиво протянул Таррант. — Эта телеграмма была подписана «Блейз», и, как я припоминаю, утвердила вас в справедливости ранее высказанного вами же суждения, что зашифрованная телеграмма, поступившая ранее через Корпус милосердия, поднимает ложную тревогу. Вы придерживались убеждения, что Блейз создала воображаемую ветряную мельницу, чтобы с нею сразиться, а теперь вот докладывает о ее уничтожении. У меня есть копия вашей записки.

Селби нервно побарабанил пальцами по столу и спросил:

— Вы не наводили справок относительно второй телеграммы?

— Нет. Если вы правы, господин министр, то в этом нет никакой необходимости. Если же оказалась права Модести, то получается, что в соответствии с выраженным вами ранее пожеланием своими силами расстроить планы противника, именно так и поступила. Тем не менее, я решил выполнить ее просьбу и отправил виски. Не за счет нашего отдела, разумеется, а за свой собственный. Но Модести Блейз — моя давняя приятельница, а потому при встрече, безусловно, вернет долг. Однако мне было бы интересно узнать, кто такой мистер Коннолли.

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, Таррант, — ответил Селби холодным тоном, и в глазах его загорелся подозрительный огонек. — Час назад мне звонил посол Соединенных Штатов Америки, и теперь я много чего могу вам рассказать. Ранее этот самый Коннолли был майором американской армии, теперь же он возглавляет группу строителей в южном Афганистане.

— Да, да, американцы много строят в тех краях, — с одобрением отозвался Таррант.

— Судя по всему, — продолжал министр, — двухмоторный самолет совершил вынужденную посадку неподалеку от передового лагеря строителей дороги, которыми руководит Коннолли. Посол процитировал Коннолли, сказав, что в самолете были Модести Блейз, Вилли Гарвин, девочка по имени Люсиль Бруэ, находившаяся под воздействием сильных транквилизаторов, а также две-три пинты крови...

— Чьей?

— Модести Блейз. В нее стреляли.

— Ясно. Тогда это объясняет телеграмму из Стамбула. Мистер Коннолли, судя по всему, оказал большую помощь.

— Им оказала помощь вся группа из фирмы «Далл Пахмейер констракшн». А также разведсеть ЦРУ. Вне всякого сомнения, Джон Далл попросил их проверить, не появятся ли там двое его друзей.

Таррант поджал губы, обдумывая ситуацию.

— Россия всюю оказывает помощь на севере Афганистана, а Америка делает то же самое на юге, — задумчиво произнес он. — Афганистан — это шпионское гнездо, кишачее агентами разных разведок. Там и у нас есть парочка ребят, вот я и взял на себя смелость на всякий случай предупредить их, если вы не совсем верно оценили ситуацию, господин министр. Но ума не приложу, почему Далл оповестил американских разведчиков.

— Я надеялся, что вы поможете мне прояснить это, — сказал Селби, подозрения которого не нашли подтверждения. — Ситуация сложилась крайне двусмысленная. Если верить послу,

Далл обладает связями. Он владеет контрольными пакетами акций в самых разных производственных и финансовых отраслях, к нему прислушиваются в Вашингтоне, и он, похоже, большой друг Модести Блейз. — Селби сделал паузу, листая бумаги в папке. — С другой стороны, именно Даллу она недавно проиграла целое состояние. Как вы это объясняете?

— Тут трудно сказать что-то определенное, господин министр, — пробормотал Таррант. — Ситуация и впрямь непростая. Но и Модести Блейз — личность тоже непростая. Могу лишь предположить, что Далл размышлял так: если она оказалась за «железным занавесом», то и выбираться ей придется через южную границу. Вот он и предупредил своих людей, а также ЦРУ, чтобы ее искали в Афганистане и Иране.

— Она не была за «железным занавесом»! Они с Гарвином оказались в долине в отрогах Гиндукуша. Судя по всему, именно там был лагерь армии освобождения Кувейта.

— Армии освобождения Кувейта? — поднял брови Таррант. — Значит, мои гипотезы небезосновательны? Значит, предупреждение Модести Блейз имело под собой реальную почву?

— Да, — выпалил Селби. — И у меня будут проблемы, черт побери, когда я отправлюсь к премьеру докладывать об этом. Что меня выводит из себя, Таррант, так это телеграмма, в которой женщина галантно предлагает вам не волноваться и просит выслать кому-то там виски, но всю историю рассказывает американской разведке.

— Она не состоит у нас на службе, — парировал Таррант. — Кроме того, она, возможно, поняла, что мы не отреагировали на ее послание. Ну и что же она поведала американцам?

Селби начал рассказ. Таррант слушал с видимым вниманием, хотя до этого уже успел все узнать от Джона Далла. Но и в истории Далла имелись загадочные лакуны, которые, впрочем, версия Селби не смогла заполнить.

— На основании того, что рассказали им Блейз и Гарвин, — продолжал тем временем Селби, — американцы отрядили разведывательный самолет. Они нашли долину, произвели подробную аэросъемку, потом вступили в контакт с афганским правительством. Те в ужасе возвели руки к небу — искренне или нет, сказать нельзя. Они поклялись, что и не подозревали о существовании лагеря в этой долине, и что те, кто там обосновался, сделали это самовольно.

— Им не позавидуешь, — пробормотал Таррант. — Они получают помощь и от Советского Союза и от Соединенных Штатов. И хотели бы получать ее и Дальше.

— Не так уж и важно, знали они об этом или нет, — нетерпеливо перебил его Селби. — Туда была выслана совместная американо-афганская группа. Американцы отправили самолет-амфибию, способный совершить посадку в затопленной долине.

— Затопленной? — переспросил Таррант и кивнул: — Да, это совпадает с тем, что Модести рассказала американской разведке. — Таррант помолчал и добавил с внутренним ликованием: — Насчет того, что она и ее приятель Гарвин устроили там, в лагере.

— Это все подтвердили, — поджав губы, сказал Селби. — Поисково-разведывательная группа обнаружила там плавающие трупы, пятьдесят наемников и тридцать женщин во дворце над водой, военную базу, а также полный набор планов и карт, в том числе и план молниеносного захвата Кувейта. Операция называлась «Единорог». — Селби покосился на блокнот у локтя и

продолжал: — По мнению генерал-майора Рива, военного эксперта вооруженных сил ОПТА, бывшего в составе этой группы, вооружение, транспорт, характер и количество боеприпасов позволяют полагать, что этот план мог быть успешно претворен в жизнь.

— Стало быть, Модести Блейз верно оценила ситуацию с военной точки зрения?

— В конечном счете, да. Тогда мы не могли этого вообразить. Мы ошиблись.

Таррант решил до поры до времени не придирается к этому местоимению «мы». С этим можно разобраться позже. Фрейзер сейчас с ликованием просматривает папки с документацией.

— Что же случилось с основными силами этой армии? — спросил Таррант. В его интонациях появились новые нотки. Он не утратил вежливости, но зато и смущения в его голосе тоже не было.

— Они рассеялись, — сказал Селби. — С самолета были видны отдельные группки, направлявшиеся через горы в самые разные стороны от долины и находившиеся на разных расстояниях от базы. Можно предпринять попытки подобрать их или снабдить указаниями, как двигаться дальше. Но афганцы считают, что лишь треть сумеет выжить. Тех, кто уцелеет, потом можно будет депортировать. Тех, кто остался во дворце, как раз забирают сейчас. Не исключено, что среди них окажутся и британские подданные.

— Да. — Таррант уже получил донесение от своего человека из Кабула, что в течение ближайших суток в Англию высылают двоих британцев. Таррант уже принял меры, чтобы допрашивались они в его отделе.

Селби откинулся на спинку кресла:

— Все это, — мрачно сказал он, — мы узнаем от наших американских партнеров. Хотя на самом деле они должны были бы узнать об этом от нас, Таррант.

— Согласен, — кивнул Таррант. — Но, судя по всему, они приняли рекомендации Далла и поставили на Модести Блейз. Чего мы как раз не сделали. — Он бесстрастно посмотрел на Селби и добавил: — Получается, что Далл говорит куда убедительней, чем я.

Наступило долгое молчание. Таррант вспоминал холодный злой голос Далла, звонившего из американского посольства в Стамбуле.

— Нам удалось их вывезти оттуда, и Модести теперь в нашем стамбульском госпитале. Ее сейчас залатали, но придется делать пересадку кожи на руке, и есть работа для зубного протезиста. Гарвин, правда, сказал, что на ней все заживает быстро, и вообще они оба относятся к этому как-то легко. Но есть эпизоды, о которых они рассказывают подозрительно мало. Понятия не имею, что там произошло на самом деле, но то, о чем я узнал, само по себе сплошной кошмар. — Далл еле-еле сдерживал свои эмоции. — Чтобы послать вам свое сообщение, она бросилась прямо в мясорубку, а если бы вышло, как хотел ваш босс, все ее старания оказались бы напрасными.

— У нас нет ваших ресурсов, — только и мог ответить Таррант.

— Ладно уж... Я-то знаю, что вы сильно рисковали собственной шеей. Но послушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы она пока побыла здесь, а я бы выписал сюда лучших специалистов из Штатов, но она не соглашается ни в какую, и Гарвин ее поддерживает. Они хотят вылететь завтра... Гарвин утверждает, что обо всем сам позаботится, и отказывается от нашей помощи.

Я не могу образумить его. Да и она говорит, что они всегда сами о себе заботятся, и обещает позвонить, когда придет в норму. Таррант, а вы не можете повлиять на них?

— Боюсь, что нет. Они очень самостоятельные.

— Гарвин ведет себя так, словно, кроме него, никто — никто! — не в состоянии обеспечить ей уход и помощь.

— Понимаю, Далл. Но ничего не попишешь. Они обожают все делать на свой манер.

— Не понимаю. И вообще, какие между ними отношения? Таррант рассмеялся, но Далл не нашел в этом повода для веселья. Он говорил как сбитый с толку человек, который редко попадает впросак.

— Это сложный вопрос. Но поймите меня правильно. Вилли Гарвин в данном случае отнюдь не принц-консорт. Просто Модести сейчас плохо... Когда вы получше узнаете эту парочку, вы все сами поймете. Или, по крайней мере, поймете кое-что, чего мне все равно сейчас вам не объяснить.

— У меня, похоже, не будет возможности еще раз с ними увидеться, — буркнул Далл.

— Она же сказала, что позвонит вам, когда поправится. И можете быть уверены, Вилли Гарвин тоже будет неподалеку. И тогда попросите ее позвонить мне тоже. А пока передайте ей мою безграничную признательность...

— Ладно. — Далл несколько поостыл. — Сделаю. Она еще просила меня передать привет вам и извинения человеку по фамилии Фрейзер.

Министр зашевелился за своим столом, возвращая Тарранта в настоящее. Таррант заметил, что Селби улыбается ему самым дружеским образом.

— Премьер-министр, несомненно, попросит от вас личного отчета касательно этого дела, — сказал Селби. — Полагаю, мы с вами сможем договориться о характере и содержании нашей бумаги...

Таррант поднялся на ноги. Все получилось, как он и предполагал. Селби совершил промах и теперь хочет, чтобы все осталось шито-крыто. Но Таррант жаждал крови.

Он вспомнил, как Далл говорит о ранах Модести. Он вспомнил, как отреагировал Селби на ее послание. Он вспомнил пробелы в истории ее борьбы. Пробелы, которые приводили его в смятение.

Вспоминая все это, он посмотрел на его превосходительство Роджера Селби.

— Смею вас заверить, господин министр, мой отчет будет точным и подробным, — сказал он.

Прошло почти семь недель после того, как Далл звонил Тарранту из Стамбула. Теперь Таррант выходил из зала прилета танжерского аэропорта. Его ждал Вилли Гарвин и «мерседес».

— Далл тоже здесь, Вилли? — спросил Таррант, когда машина плавно тронулась с места.

— Прилетел сегодня утром из Штатов, сэр Джи. Модести надеется, что вы сможете погостить у нас несколько дней. Места хватит всем...

— А как Люсиль? — осторожно спросил Таррант.

— Видите ли, — Вилли пожал плечами, — получилось так, что, когда все осталось позади, она не пришла в восторг от нас с Модести. Я попросил Далла помочь, и он устроил для нее медицинский консилиум еще там, в Стамбуле. Психиатры вынесли вердикт: мы плохо сочетаемся друг с другом. — Вилли сокрушенно почесал в затылке. — В общем, он забрал ее в Штаты и нашел семью, которая взяла ее к себе...

— Вы не возражали?

— Нет. Так лучше. Мы с Принцессой для нее теперь пустое место. Может, так оно всегда и было. Таррант кивнул.

— А что Модести? — спросил он.

— Порядок. Выглядит на миллион долларов.

— Насколько я понимаю, ей пришлось несладко.

— Да, дельце получилось крутое. — Вилли говорил без обиды или сожаления. Просто давал профессиональную оценку. — Вообще-то у нас простых дел почти не бывает, но тут пришлось жонглировать с завязанными глазами и без помощи рук. Мы никак не могли перехватить инициативу, пока не поняли, что Люсиль у них там, во дворце.

— Но до этого вы ухитрились послать нам сообщение?

— Да, — совершенно спокойно отозвался Вилли. — Это нам удалось обстричь.

— Недавно мы допрашивали человека на фамилии Картер, — сказал Таррант. — Он был из числа тех, кого забрали из дворца и депортировали после того, как вы погубили их операцию. Теперь я знаю, как Модести сражалась с Близнецами. И я знаю, что случилось с ней потом.

Вилли Гарвин свернул на обочину и притормозил, затем выключил мотор и обернулся к Тарранту.

— Ну и что? — сказал он, слегка приподнимая брови. — Что вы хотите этим сказать?

— Я чувствую свою ответственность, — отозвался Таррант, и лицо его напряглось. — Вы меня прекрасно понимаете...

— Не уверен. За все эти годы вы посылали на задания массу народа. И одни вообще не вернулись, а другие хоть и вернулись, но сильно побитыми. Короче, волноваться и переживать для вас — большая роскошь.

— Верно, — кивнул Таррант. — С годами у меня вырос прочный панцирь, и я научился вычеркивать фамилии из списка твердой рукой. Но Модести не входит в число моих агентов.

Для меня это что-то очень и очень дорогое и редкое... Я высоко ценю ее дружбу... — Он говорил странным голосом, смотрел вдаль, и на щеках его вдруг заиграл румянец. — Может, я слишком старомоден, но после всего случившегося мне сейчас будет очень нелегко посмотреть ей в глаза.

— У вас не будет проблем, — просто сказал Вилли, закуривая. — Она об этом позаботится. Дело

оказалось чертовски трудное, но вы тут ни при чем. И я тоже ничего не мог поделать. Модести с самого начала сама объявила игру — только так она надеялась выиграть. И неважно, что там нарисовал вам Картер. Если она сможет позабыть это, то уж вы тем более...

— Она в состоянии забыть это, Вилли? А вы? Вилли затянулся и задумчиво ответил:

— Мы, конечно, будем помнить это — как помним и все остальное... Помним плохое и хорошее. Но все это уже не имеет никакого значения. Пули, ножи, раны, переломы — у нас всего этого было предостаточно. — Он поднял руку с извилистым шрамом. — Вот тут один тип пытался вырезать свой инициал. Раскаленным железом. Но все это случилось не со мной. А с Вилли Гарвином, которому пришлось быть там в свое время. И Принцесса — недавно она прошла через черт знает что. Но теперь все позади. И она тоже будет вспоминать об этом так, словно это случилось с некоей Модести Блейз в далеком Афганистане...

— Вы как-то слишком легко относитесь к подобным вещам, — сказал Таррант с внезапным раздражением. — Господи, если бы сейчас скинуть лет двадцать пять и попадись мне в руки те самые мерзавцы... — Он замолчал и беспомощно развел руками, не желая воплощать свои бурные чувства в бесцветные слова.

— Можете не беспокоиться, сэр Джи, — холодно заметил Вилли. — Они уже попались мне. — Он завел мотор, и машина двинулась дальше.

— Даллу известно обо всем этом? — спросил Таррант несколько минут спустя.

— Очень может быть. Кто знает, вдруг ему удалось выяснить все тем же путем, что и вам. А может, Модести рассказала ему сама. Но это не наше с вами дело.

Таррант посмотрел на ручищи Вилли, лежавшие на баранке, и почувствовал мрачное удовлетворение. Эти руки знали свое дело. Это обрадовало его, но все равно он не мог избавиться от напряжения в связи с предстоящей встречей с Модести.

— Хорошо, Вилли, — сказал он, глядя в окно. — Действительно, это не наше дело.

Когда они подъезжали к дому на Горе, уже начало темнеть. По проливу медленно двигался пассажирский лайнер с освещенными иллюминаторами.

В большой комнате, выходящей во внутренний дворик и сад, сидел Джон Далл. В комнате не включали свет. На Далле были темные брюки и красно-белая клетчатая рубашка. Вид у него был загорелый и суровый. И вообще он выглядел великолепно. Таррант почувствовал легкий приступ ревности.

— Рад вас видеть, — сказал американец, пожимая ему руку. — Модести плавала в бассейне и пошла переодеться. Она просила передать, что обед будет через полчаса.

— Отлично, — сказал Таррант. — С вашего разрешения я быстро приму душ и переоденусь. Одежда сегодня непарадная? — осведомился он, посмотрев на Вилли.

— Конечно, — сказал тот, берясь за ручку чемодана Тар-ранга. — Пойдемте, я покажу вашу комнату. Там рядом есть душ...

Когда двадцать минут спустя Таррант вернулся в большую гостиную, стемнело еще больше. Вилли и Далл сидели у открытого окна со стаканами в руках.

— Что будете пить, сэр Джи? — осведомился Вилли.

— Белый чинзано со льдом, пожалуйста.

— Сейчас. — Вилли подошел к маленькому бару, и вдруг откуда-то сверху раздался голос Модести.

— Вилли-солнышко, включи свет, а то темно, как в склепе.

Таррант застыл, глядя на смутные очертания фигуры в белом, спускавшейся по широкой лестнице, что вела в гостиную. Раздалось несколько щелчков, и в разных частях комнаты загорелись бра. Модести тем временем уже спускалась по последним ступенькам.

На ней было очень простое белое платье без рукавов. Оно было короткое, чуть выше колена. На загорелых ногах были светло-голубые сандалии с маленькими каблучками. Волосы были распущены и перехвачены у затылка заколкой из черного янтаря.

Модести, улыбаясь, шла к Тарранту, широко расставив руки.

— Сэр Джеральд, — глаза ее излучали приветливость. Таррант молча взял ее руки в свои. Он сам не знал, чего ожидал увидеть, но вид такой Модести лишил его дара речи. Она выглядела точно так же, как в их последнюю встречу в Англии, только белое платье, прическа и безмятежный взгляд делали ее моложе года на два. На ее лице не осталось никаких печальных напоминаний о случившемся, и сломанный зуб был восстановлен безукоризненно. На руке у плеча тянулась лишь розовая полоска, напоминая о пластической операции.

Таррант поднес ее руки к губам для поцелуя.

— Милая Модести, — сказал он. — Вы великолепно выглядите.

— Значит, не зря я потратила последние полчаса, — рассмеялась она. — Я усиленно пыталась этого добиться. Он не выпускал ее руки.

— Я так волновался из-за вас. Работа оказалась тяжелой. Она удивленно посмотрела на него.

— Это Вилли вам наговорил такое? Не верьте ни единому его слову. Вилли — подлинный художник и хочет, чтобы все имело правильную форму, колорит и так далее. Нам сильно повезло.

— Повезло?

Далл издал короткий смешок и сказал:

— Самое удивительное, Таррант, что она действительно так думает.

— Ну, конечно, — подхватила Модести. — С самого начала все пошло наперекосяк. Три или четыре раза мы вообще могли проиграть, но в последний момент что-то происходило, и мы выпутывались, хотя у нас, строго говоря, был на это один шанс из ста. — Она посмотрела на Тар-ранга спокойными честными глазами и добавила: — Ну, разве это не везение?

— Наверно, везение, — медленно отозвался Таррант, кивая головой. — Но все зависит от того, как смотреть на жизнь. — Он отпустил ее руку, чувствуя, как постепенно проходит напряжение.

— Есть люди, которые родились в рубашке, — заговорил Вилли, подавая Тарранту аперитив. — Вот, например, я знал одну девицу. Отец ее делал удобрения. Так вот в один прекрасный день едет он в повозке, везет нечистоты...

— Потом, потом, Вилли-солнышко, — перебила его Модести, беря под руку Тарранта. — Забирайте ваш аперитив с собой, сэр Джеральд. Надеюсь, вам понравится паэлла. Это коронное блюдо Мулея, и если мы сию же минуту не перейдем в столовую, он начнет рыдать.

Два часа спустя Далл прогуливался с Модести у бассейна и курил одну из сигар Тарранта.

Свет из гостиной падал во внутренний дворик, освещая Вилли и Тарранта, отдохавших в креслах. У Тарранта потухла сигара, но он, похоже, не обращал на это внимания. Вилли что-то ему рассказывал, время от времени помогая себе руками.

— Понятия не имел, что Тарранта так заинтересует девушка, отец которой возил нечистоты, — заметил Далл.

Модести посмотрела на Вилли, который в этот момент вытянул руки, чуть согнув кисти и оторвал ноги от земли.

— Он не про удобрения, — сказала она. — Он рассказывает о долине...

Далл тоже посмотрел на него и, помолчав, спросил:

— Он рассказывает о том поединке с Близнецами?

— И ты тоже об этом знаешь?

— Вилли рассказал мне в подробностях — прием за приемом, — отозвался он, и его щека дернулась. — Господи, мне и слушать-то было страшно, хотя я знал исход.

— Вилли редко рассказывает обо мне...

— Я успел в этом убедиться. Но ему пришлось кое-что рассказать мне, чтобы я не задавал ему вопросов обо всем остальном.

Модести помолчала, а когда заговорила, то не пыталась сделать вид, что не поняла Далла.

— Значит, и об этом ты тоже знаешь?

— Да, несколько американцев из армии Карца уже находятся в Штатах. Мне дали прочитать стенограммы их допросов.

Они медленно дошли до конца бассейна.

— У меня есть ранчо в Техасе, возле Аммарилло, — сказал Далл. — И еще дом на Лонг-Айленде, в Ист-Хэмптоне. А также хижина в Лонг-Вэлли, штат Айдахо. Выбирай, где отдохнуть. — Далл мягко взял ее под руку. — Я понимаю, ты и сейчас в отличной форме, но перемена обстановки всегда на пользу.

Модести промолчала, и Далл сказал:

— Я понимаю, ты очень ценишь свободу. Но ты можешь уехать, когда сочтешь нужным, и

вообще делать там все, что тебе заблагорассудится. Учти. Я приглашаю только погостить...

Модести остановилась, посмотрела в бассейн, потом сказала:

— Какое-то время я хотела бы принадлежать только себе, понимаешь?

— Конечно, понимаю. Потому-то я и сделал такое предложение. А себя я исключаю из сделки. Я вообще буду в других краях.

Модести рассмеялась, и на лице ее появилась та самая чудная улыбка, которая рождалась где-то в самых глубинах ее «я». Она похлопала Далла по руке.

— Так тоже не пойдет. Давай оставим разговор до весны. Тогда я, скорее всего, и впрямь приеду, а тебе не придется уезжать в другие края.

— Позвони, когда соберешься. — В голосе Далла не было огорчения. Он бросил окурочек сигары в темноту, и они повернули к дому.

Далл не строил никаких иллюзий. Он знал: уж если Модести воздавала, то полной мерой. Но она принадлежала только самой себе и не собиралась пока ничего менять.

Джон Далл прекрасно это понимал. И все же он ждал этой весны, как давно уже ничего не ждал.